

www.ifes-ras.ru/js

**ЯПОНСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**
2016, №3

日
本
研
究



Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук
www.ifes-ras.ru



Межрегиональная общественная организация
«Ассоциация японоведов»
www.japanstudies.ru

Электронный научный журнал «Японские исследования» издается 4 раза в год (ежеквартально) с 2016 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы японоведческих исследований: политика, экономика, общество, история, культура, филология и др. Все статьи рецензируются.

Учредители: ИДВ РАН, Ассоциация японоведов.

URL: <http://www.ifes-ras.ru/js>

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

Главный редактор: Стрельцов Д.В., д.и.н.

Редакционная коллегия: Гришачев С.В., к.и.н.; Дацышен В.Г., д.и.н.; Дьяконова Е.М., к.филол.н.; Казаков О.И.; Катасонова Е.Л., д.и.н.; Кистанов В.О., д.и.н.; Корчагина Т.И., к.филол.н.; Лебедева И.П., д.э.н.; Мещеряков А.Н., д.и.н.; Панов А.Н., д.полит.н.; Стрельцов Д.В., д.и.н.; Тимонина И.Л., д.э.н.; Чугров С.В., д.соц.н.

Редакционный совет: Алпатов В.М., д.филол.н., чл-корр. РАН; Войтишек Е.Э., д.и.н.; Гуревич Т.М., д.культурологии, к.филол.н.; Иванов О.П., д.полит.н.; Кузнецов С.И., д.и.н.; Лузянин С.Г., д.и.н.; Нечаева Л.Т., д.пед.н.; Носов М.Г., д.и.н., чл-корр. РАН; Пестушко Ю.С., д.и.н.; Симония Н.А., академик РАН; Симонова-Гудзенко Е.К., д.и.н.; Симомаи Нобуо, проф. (Япония); Судзуки Ёсикадзу, проф. (Япония); Шнырко А.А., к.филол.н.; Шодиев Ф.К., к.полит.н.; Шулатов Я.А., к.и.н.

Редакция: Казаков О.И., отв. секретарь; Суркова Т.И., зав. редакцией; Белилина Е.В., редактор русских текстов; Овчинникова Л.В., к.и.н., редактор английских текстов

- Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИДВ РАН
- E-mail: japanjournal@mail.ru
- Тел.: (499) 124 08 02

Информация для авторов: <http://www.ifes-ras.ru/js/requirements>

ISSN 2500-2872

© Коллектив авторов
© ИДВ РАН
© Ассоциация японоведов

ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. 2016. №3

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Павленко С.С. Становление системы японского консульского права как элемента международного права конца XIX – начала XX века.....	4
Казakov О.И. Рекордный туризм в Японию в 2015 году на фоне отношения японцев к другим странам.....	13
Дуткина Г.Б. «Душа Японии» в зеркале японского <i>кайдана</i>	25
Парамонов О.Г. Выход Японии на мировой рынок вооружений: политический аспект.....	42
Катасонова Е.Л. Заметки о японском кино: все оттенки розового	57
Стрельцов Д.В. Система доминантной партии в Японии: некоторые уроки исторического опыта	70
Научная жизнь	
Симонова-Гудзенко Е.К. О симпозиуме «Возвращение на Острова золота: новые подходы в изучении географических карт Нового времени»	86

JAPANESE STUDIES IN RUSSIA, 2016, 3

CONTENTS

P.

Pavlenko S.S. The formation of Japanese consular law system as a part of international law at the end of XIXth and the beginning XXth centuries	4
Kazakov O.I. The Number of Foreign Tourists in Japan in 2015 Beats all Records Regardless of the Attitude of the Japanese to Other Nations	13
Dutkina G.B. “Nihon-no Kokoro” in the Mirror of Japanese Kaidan	25
Paramonov O.G. The Output of Japan to Global Arms Markets: the Political Aspect	42
Katasonova E.L. Notes on the Japanese Cinema: All Shades of Pink	57
Streltsov D.V. The System of Dominant Party in Japan: Some Lessons from Historical Experience	70
Academic Events	
Simonova-Gudzenko E.K. The Symposium “Isles of Gold revisited: New Approaches to Study Early Modern Maps”	86

Становление системы японского консульского права как элемента международного права конца XIX – начала XX века

С.С. Павленко

В статье раскрываются основные положения японского консульского права конца XIX – начала XX века. Подается характеристика содержания «Правил для японских имперских консулов» 1890 г. как первого консульского устава Японии. Основными источниками его формирования были уставы европейских стран и непосредственно собственный японский опыт деятельности консульских учреждений. Благодаря этому «Правила для японских имперских консулов» имели синкретичный характер. Он выражался в адаптации практики западных стран к местным условиям и конкретным целям деятельности учреждений. В результате в Японии была выработана особая система консульского права, которая имела значительные отличия от европейских международно-правовых норм.

Ключевые слова: «Правила для японских имперских консулов», консульское право, консульский устав, Япония.

Реставрация Мэйдзи и реформационный процесс второй половины XIX века постепенно привели к становлению в Японии административно-бюрократического аппарата и системы зарубежных учреждений европейского образца. Открытие консульств привело к необходимости создания собственного японского консульского права – нормативно-правовой базы, которая бы регулировала функционирование учреждений. Исследование его сущности позволяет не только установить юридически-правовую основу деятельности японских консулов, но и расширить понимание региональных особенностей консульского права XIX – начала XX века.

Историографическая база. Проблема содержания нормативно-правовых положений, которые регулировали деятельность японских консулов, не нашла широкого отражения в научной литературе. Затрагивая сюжеты внешней политики Японии и ее консульских учреждений, историки в исследованиях преимущественно акцентируют внимание на практической стороне функционирования учреждений. Некоторым исключением является публикация П.Ю. Васкевича. В своей статье «Очерк быта японцев в Приамурском крае» [2] автор цитирует некоторые положения японского консульского права, анализируя отдельные стороны работы коммерческого агента Японии во Владивостоке. Следует указать, что П.Ю. Васкевич не раскрывает значение и содержание положений, ограничиваясь лишь

частичным перечислением отдельных позиций устава 1890 г. Вместе с тем исследование основных характеристик японского консульского права является важным этапом для понимания роли данных учреждений в реализации внешнеполитической стратегии МИД Японии и установления основных направлений его деятельности. Отсутствие исследований, решающих данную задачу, дополнительно актуализирует цель нашей работы.

Источники исследования представлены материалами документального характера. Французский ученый Ф. де Кюсси в своей работе *Réglements consulaires des principaux Etats maritimes de l'Europe et de l'Amérique* [11] представил полное содержание консульских уставов ведущих стран Запада середины XIX века, которые в дальнейшем стали основой и примером для выработки подобных документов в рамках японского консульского права. В частности, в работе Ф. де Кюсси содержались консульские уставы Франции, Пруссии, США. Именно эти страны были примерами для Японии второй половины XIX века при разработке собственных реформ периода Мэйдзи. В этом контексте следует отметить важность французской нормативно-правовой системы. Как полагал Ф. де Кюсси, она была пригодна для использования консулами и других стран [11, с. 149], поскольку именно в консульском праве Франции главные вопросы деятельности учреждений были раскрыты наиболее последовательно.

Основой источниковой базы являются «Правила для японских имперских консулов» [13] (яп. – 日本帝国領事規則, англ. – Rules for Japanese Consul) – японский консульский устав 1890 г. В дальнейшем токийским правительством был принят ряд дополнений к данному документу, однако в целом положения «Правил для японских имперских консулов» сохранили значимость до 1920-х гг. Анализ данного источника позволяет понять юридические особенности деятельности японских имперских консулов и основные составляющие сферы их компетенции, что и является *целью нашего исследования*.

Сущность и содержание «Правил для японских имперских консулов». Разработка японского консульского права началась значительно позднее создания первых учреждений за рубежом, что датируется серединой 1870-х гг. В частности, первое японское консульство в России было открыто в 1876 г. в порту Корсаков на о. Сахалин [5]. Создавая консульские учреждения, Токио преследовал ряд целей, а именно: 1) стремился наладить торговые отношения и расширить экспорт, 2) защитить интересы японцев, находившихся за пределами своего государства, 3) получить достоверные сведения об окружающем мире, поскольку длительный период изоляции привел к информационному вакууму, который следовало преодолеть. Как отмечает известный западный исследователь Дж. Ленсен, «японские [консульские] представительства были глазами и ушами, а также основой Министерства иностранных дел Японии. Их отчеты способствовали тому, что Токио мог оценить ситуацию...» и выработать адекватный ответ на политику иностранных правительств [12, с. 2–3]. Помимо этого, деятельность консульских учреждений способствовала утверждению авторитета державы за ее пределами, что имело определенное влияние на признание нового динамически развивающегося государства мировым сообществом.

В течение 1870–1880-х гг. юридическая основа деятельности японских консульств не была определена. В стране только начал разворачиваться реформационный процесс, поэтому токийское правительство не успело разработать собственные правовые нормы, которые

регулировали бы деятельность консулов. В этот период происходит накопление опыта и исследование европейских международно-правовых норм с точки зрения возможности их применения.

Основными источниками консульского права XIX века были обычаи, международные соглашения и конвенции, а также уставы и правительственные инструкции. В течение 1870–1880-х гг. доминирующее значение для деятельности японских консулов имели традиции и правительственные инструкции. Действующие в то время соглашения между Японией и другими странами указывали лишь на общие условия работы консульств, не раскрывая при этом основных положений их функционирования. Правительственные инструкции имели индивидуальный характер, предписывая порядок действия для отдельных учреждений в конкретных ситуациях. Отсутствие собственно японских законодательных норм выразилось в неопределенности основного круга вопросов компетенции консулов.

В 1889 г. была принята Конституция Японии. Это побудило к дальнейшей разработке законодательной базы, в том числе и консульского устава. 19 мая 1890 г. министр иностранных дел Японии С. Аоки в имперском приказе № 80 утвердил «Правила для японских имперских консулов» [13], которые фактически стали первым японским консульским уставом.

Структурно «Правила...» состояли из двух частей. В первой части были представлены общие положения, которые раскрывали основные направления консульской компетенции, вторая имела вид таблицы с указанием размеров различных консульских сборов, дополнявших содержание первого блока. Первая часть по своей тематической направленности являлась комплексной. Содержательно она раскрывала следующие вопросы консульской деятельности: 1) оказание помощи японцам, которые находились за рубежом; 2) содействие коммерческим и военным кораблям; 3) порядок взимания платы за услуги учреждения.

Большинство положений «Правил для японских имперских консулов» регламентировали отношения между консулами и структурами, находящимися вне системы Министерства иностранных дел – частными лицами, коммерческими организациями, военно-морским флотом. Таким образом, данный документ являлся инструкцией не только для консульских чинов, но и для японских подданных за границей, командиров коммерческих и военных судов, предписывая порядок решения различных вопросов.

Практика длительного существования института японского консульства без единой нормативной базы обуславливала характер и содержание «Правил для японских имперских консулов». Японские законодатели не акцентировали внимание на мелких вопросах. Причина столь «общего» подхода кроется в значительной ориентированности японских консулов на европейские образцы права. Кроме того, нарушение уже установленных традиций могло привести к нежелательным последствиям и негативно повлиять на международное положение Японии, которое во второй половине XIX века и без того было довольно неустойчивым. С другой стороны, «Правила для японских имперских консулов» оставляли широкие рамки для консульской активности. Этим признавалось то, что чиновнику на месте проще сориентироваться в конкретной ситуации. К тому же при необходимости он мог обратиться непосредственно в Министерство иностранных дел для получения дополнительных инструкций.

Статья 1 «Правил для японских имперских консулов» указывала, что японские имперские консулы «должны приносить пользу в области внешней торговли, коммуникаций, мореплавания» [13]. Аналогичные по сути утверждения содержались в большинстве консульских уставов западных стран того времени. Они декларативно определяли главную официальную цель деятельности учреждений: способствовать развитию торговых связей и мореплавания своей страны. Здесь же указывалось, что консул должен придерживаться правил местного законодательства и межгосударственных договоренностей, согласуя их с законодательством своей страны. Это создавало определенную правовую коллизию. Однако, согласно традициям консульского права XIX века, доминанта признавалась за местным законодательством, если обратное не было указано в межгосударственных договоренностях.

Далее в «Правилах для японских имперских консулов» была представлена характеристика основных направлений консульской деятельности.

1. *Защита интересов соотечественников.* Консул должен был предоставлять японским подданным, которые оказались в затруднительном положении, помощь для их возвращения на родину (Ст. 4). В случае смерти соотечественника консул был обязан охранять имущество умершего и способствовать его передаче законному наследнику (Ст. 3).

2. Согласно *нотариальным функциям*, консулу вменялось в обязанность регистрировать смерть, рождение, брак (Ст. 2); визировать и выдавать паспорта, в том числе и иностранцам для поездки в Японию (Ст. 12). Консул заверял документы для их дальнейшего представления в японские государственные или коммерческие учреждения (Ст. 14).

3. *Судебные функции* давали консулу право предлагать пути решения противоречий между японцами и иностранцами (Ст. 18) как по их обращению, так и в случае поручения местной власти (Ст. 19). Если согласно правилам межгосударственных договоренностей за консулом признавалось право консульской юрисдикции, консул осуществлял полное судопроизводство над своими соотечественниками (Ст. 17).

4. Консул был обязан *содействовать деятельности флота своей страны*. Он выдавал разрешение капитанам коммерческих судов на поднятие японского флага (Ст. 8); свидетельствовал условия найма японских бортовых команд и продажи кораблей (Ст. 9, 10). Капитан был обязан сообщать консулу о времени прибытия и выхода его судна из порта, а также об объеме приобретенного груза (Ст. 11). По ходатайству капитана консул выдавал свидетельства, что среди пассажиров и экипажа судна не было больных эпидемическими заболеваниями (Ст. 14); помогал с поиском и арестом беглых японских матросов (как с коммерческих, так и военных судов), а также обращался с этими вопросами за помощью к местной администрации (Ст. 6, 15). В случае смерти или болезни капитана консул назначал нового временного капитана (Статья 16) и оказывал всестороннее полное содействие военным судам своей страны (Ст. 5, 20).

5. Консул *взимал консульские сборы* как плату за услуги учреждения, порядок и размер которых четко определялись в «Правилах...» (Статья 21, 23). При необходимости консульство могло предоставлять услуги перевода (Статья 24).

6. Консул обязан был предоставлять в Министерство иностранных дел *подробный ежегодный отчет* о состоянии региона либо страны, в которой он выполнял свои служебные обязанности (Ст. 29).

Размеры основных консульских сборов [13]

Случаи, за которые взималась плата	Стоимость
Регистрация брака, смерти, рождения	20 сэн ¹
Выдача свидетельства о регистрации брака, смерти, рождения	50 сэн
Выдача паспорта	2 иены
Выдача визы	1 иена
Донесение о происшествии на корабле	1 иена
Свидетельство о происшествии на корабле	5 иен
Свидетельство о прибытии судна в порт и выходе из него	5 иен
Регистрация продажи корабля	4 иены
Подписание удостоверения на поднятие государственного флага	4 иены
Обращение о возвращении моряка-дезертира	2 иены
Свидетельство о задержании моряка-дезертира	2 иены
Свидетельство о состоянии здоровья на корабле	2 иены

В последней, 30-й статье отмечалось, что данные правила распространялись на генеральных консулов, консулов и лиц, выполняющих обязанности генерального консула и имеющих специальные на это полномочия.

Особенности японского консульского устава. Большинство положений «Правил для японских имперских консулов» были типичными для европейского консульского права XIX века. Но все же в японской системе имелись значительные особенности. Например, в уставах западных стран четко определялась подотчетность консула не только Министерству иностранных дел, но и ряду других министерств, к примеру, финансовому ведомству [7, с. 35]. Японские нормативно-правовые положения лишь определяли их подчиненность Министерству иностранных дел. Хотя на практике они часто действовали в тесной взаимосвязи с Министерством земледелия и торговли. Кроме того, в «Правилах...» не указывались конкретные требования к консульским отчетам, только содержалось предписание к их периодичности, в отличие от Устава России 1858 г., где указывались конкретные тематические направления для отчетов, освещение которых было обязательным для консулов [6, с. 18].

В «Правилах для японских имперских консулов» 1890 г. также не определялись такие вопросы, как порядок ведения консульских архивов, сношений с местными органами власти страны пребывания, аккредитации, отсутствовали понятие консульского округа, классификация учреждений консульского характера, толкование консульских привилегий и иммунитетов. Эти нормы были тщательно разработаны во французском праве. Очевидно из-за того, что данные положения отдельно регулировались внутригосударственным законодательством большинства стран, японцы не видели необходимости в их дополнительном определении в рамках «Правил для японских имперских консулов».

Данная ситуация краткого изложения, с одной стороны, создавала предпосылки для дальнейшей разработки японского консульского права, а с другой – побуждала японские консульские чины к инициативной деятельности на местах. Например, неопределенность

¹ 1 сэн = 0,01 иены. Справочно: согласно курсу 1899 г. – 1 рубль = 1,032 иены [4, с. 243]

консульского округа позволяла консулам действовать в более широких географических пределах. Как правило, в японских консульских патентах² указывался только город назначения чиновника.

В европейской практике это означало, что его деятельность ограничивается исключительно указанным городом. Однако, как отмечал российский чиновник при Дальневосточном наместничестве Г.А. Плансон (1859–1937), для японцев это были нормы внутригосударственного значения, которые определялись инструкциям МИДа Японии. По этой причине японские консулы не ограничивались установленными географическими границами. Кроме того, вопреки обычаям консульского права, японские консулы при необходимости вступали в сношения с местными чиновниками и служащими любого уровня. Согласно же нормам европейских государств они могли обращаться за помощью по любым вопросам только к высшей местной администрации в пределах консульского округа [3, л. 5 об.]. Неопределенность этих вопросов позволяла консульским чинам достигать поставленных целей без нарушения собственных законодательных норм. Анализируя подобное положение дел, Г.А. Плансон приходит к выводу, что нарушения японцами российских норм имели не только негативное значение, но и позволяли более мобильно решать проблемы, которые возникали при длительном нахождении японских рыбопромышленников в дальневосточных водах Российской империи.

Дальнейшая разработка японского консульского права. В течение 1891–1893 гг. внесен ряд изменений в содержание «Правил для японских имперских консулов». В частности, уточнялись вопросы касательно консульских сборов [15] и порядка сношений с Министерством иностранных дел [14]. Также был установлен порядок организации экзаменов для аттестации служащих консульских учреждений и дальнейшего их продвижения по службе [16]. В распоряжении от 1893 г. была зафиксирована численность японских служащих в дипломатических и консульских учреждениях. Согласно его содержанию, вырисовывалась весьма четкая иерархическая система японских консульских чинов, которая состояла из генерального консула, консула первого ранга, консула второго ранга и торгового агента [17].

Благодаря реформам второй половины XIX века постепенно укрепились позиции Японии на международной арене, что стало основой для пересмотра неравноправных договоренностей, заключенных между японским правительством и рядом западных стран в 1850-х гг. Серия новых договоренностей середины 1890-х гг. определяла ряд вопросов консульской компетенции, в частности порядок взаимодействия между местной администрацией и консулами в случаях попадания корабля одного из государств в водах другого на мель либо же в случае кораблекрушения, а также дезертирства моряков [8, с. 37–39]. Кроме того, указывалось, что «генеральные консулы, консулы, вице-консулы, замещающие консулов, и консульские агенты, выполняя все свои обязанности, пользуются привилегиями, изъятиями и льготами, которые предоставлялись консульским чиновникам

² Консульский патент – документ, удостоверяющий факт назначения и полномочия консула. Выдается представляемым государством и направляется по дипломатическим каналам в министерство иностранных дел страны пребывания, которое выдает консульскую экзекватуру. Консульский патент содержит полное имя консула, его ранг, должность, консульский округ и местонахождение консульства.

стран наибольшего благоприятствования»³ [8, с. 40]. Эта норма юридически уравнивала японских консулов, их права, привилегии и функции с консулами «цивилизованных» (западных) государств, что завершило оформление нормативно-правовой основы их деятельности.

Таким образом, система японского консульского права, сформированная в 90-х годах XIX века, базировалась на трех группах источников: европейском консульском праве, собственных нормативно-правовых законодательных положениях Японии и международных договорах. Содержание последних определяло вопросы взаимодействия консулов с местной администрацией и признавало за ними права и привилегии равные консулам других стран. Нормы европейского права позволяли японцам использовать опыт западных стран для организации собственной системы института консульства. Однако сущность и главные направления деятельности учреждений определялись именно японским консульским уставом и правительственными инструкциями, поскольку консульства способствовали реализации внешнеполитического курса своего правительства.

В содержании «Правил для японских имперских консулов» проявился присущий японской культуре синкретизм: использование опыта Запада и его адаптация к собственным условиям и потребностям. Благодаря этому японцами были выработаны особые положения консульского права, имевшие заметные отличия от европейских норм, ставшие составляющей и неотъемлемой частью международного права XIX – начала XX века.

Список литературы

1. Блунчли И.К. Современное международное право цивилизованных государств, изложенное в виде кодекса. М., 1876. 179 с.
2. Васкевич П.Ю. Очерк быта японцев в Приамурском крае // Известия Восточного института. 1906. Т. 15. Вып. 1. 39 с.
3. Государственный архив Российской Федерации. Фонд 818. Плансон Георгий Антонович, дипломат, посол в Сиаме, генеральный консул в Сеуле, начальник дипломатической канцелярии на Дальнем Востоке. Оп. 1. Д. 169. 186. Записка Плансона Г.А. о компетенции японских консульств в Николаевске и Хабаровске.
4. Горяинов С.В. Руководство для консулов. СПб., 1903. 792 с.
5. Костанов А.И. Курильские острова во второй половине XIX – начале XX столетия // История Курильских островов. URL: <http://www.kuriles-history.ru/book/chapter/13> (дата обращения: 29.05.2016).
6. Министерство иностранных дел. Центральное учреждение. Дипломатические агенты. Консулы. Круг их ведомства. Права и обязанности должностных лиц: Сб. практ. сведений / сост. по офиц. сведениям. СПб.: тип. МПС, ценз, 1904. 24 с.

³ Режим наибольшего благоприятствования – международно-правовой режим, согласно которому каждая из договорных сторон (при неравноправных соглашениях – одна из сторон) предоставляет другой, ее физическим и юридическим лицам такие же условия экономических, торговых и других видов деятельности, которые они предоставляют или будут предоставлять в будущем любым третьим странам, их физическим и юридическим лицам.

7. Никонов М.Н. Справочная книга для лиц центральных и заграничных установлений МИД. СПб., 1869. 101 с.
8. Русско-японский договор о торговле и мореплавании 8 июня (27 мая) 1895 г. // Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М., 1927. С. 99–103. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIX/1840-1860/Sb_dog_Dal_vost/21-40/24.htm (дата обращения: 29.05.2016).
9. Тамура А. Японская иммиграция на российский Дальний Восток во второй половине XIX – первой трети XX в. (по источникам и литературе на японском языке). Владивосток, 2007. 280 с.
10. Эйхельман О.О. Консульское право. Житомир, 1886. 128 с.
11. Cussy F. Règlements consulaires des principaux Etats maritimes de l'Europe et de l'Amérique. Leipzig, 1851. 492 с.
12. Lensen G.A. Japanese diplomatic and consular, officials in Russia: a handbook of Japanese representatives in Russia from 1874 to 1968. Sophia University, 1968. 230 p.
13. Original script signed by the Emperor, 1890, Imperial Ordinance No.80, Rules for Japanese Consul / National Archives of Japan // Japan Center for Asian Historical Records. URL: http://www.jacar.go.jp/DAS/meta/imageen_A03020068100 (дата обращения: 29.05.2016).
14. Original script signed by the Emperor, 1892, Imperial Ordinance No.45, Revision of Article 29 of Japanese Consul Rules / National Archives of Japan // Japan Center for Asian Historical Records. URL: http://www.jacar.go.jp/DAS/meta/imageen_A03020125500 (дата обращения: 29.05.2016).
15. Original script signed by the Emperor, 1893, Imperial Ordinance No.9, Deletion of Article 23 of Rules for Japanese Consul / National Archives of Japan // Japan Center for Asian Historical Records. URL: http://www.jacar.go.jp/DAS/meta/imageen_A03020138000 (дата обращения: 29.05.2016).
16. Original script signed by the Emperor, 1893, Imperial Ordinance No.126, Organization System for Committee Members of Diplomat and Consul Examination / National Archives of Japan // Japan Center for Asian Historical Records. URL: http://www.jacar.go.jp/DAS/meta/imageen_A03020149700 (дата обращения: 29.05.2016).
17. Original script signed by the Emperor, 1893, Imperial Ordinance No.125 / National Archives of Japan // Japan Center for Asian Historical Records. URL: http://www.jacar.go.jp/DAS/meta/imageen_A03020149600 (дата обращения: 29.05.2016).

Поступила в редакцию 29.05.2016

Автор:

Павленко Светлана Сергеевна, аспирант кафедры всемирной истории, Днепрпетровский национальный университет (49010, Украина, г. Днепрпетровск, проспект Гагарина, д. 72). E-mail: Skaiveta@rambler.ru

The formation of Japanese consular law system as a part of international law at the end of XIXth and the beginning XXth centuries

S.S. Pavlenko

The article describes the main provisions of Japanese consular law at the end of XIXth and the beginning of XXth centuries. It characterises the content of the "Rules for Japanese Consul" in 1890 as the first Japanese consular statute. The main sources of its formation were the statutes of European countries and direct experience of consular offices in Japan. Owing to these factors the "Rules for Japanese Consuls" had a syncretic character. It is conveyed in the adaptation of Western countries' experience to local conditions and in specific objectives of activity of the institutions. As a result Japan has developed a specific system of consular law, which had significant difference from European international law.

Keywords: "Rules for Japanese Consuls", consular law, the consular's statute, Japan.

Author:

Pavlenko Svetlana S., postgraduate student at the World History of Department, Dnipropetrovsk National University (72, Gagarin avenue, 49010, Dnipropetrovsk, Ukraine).
E-mail: Skaiveta@rambler.ru

Рекордный туризм в Японию в 2015 году на фоне отношения японцев к другим странам

О.И. Казаков

В 2015 г. Япония зафиксировала рекордное число иностранных туристов – 19,7 млн человек. Количество туристов из Китая увеличилось на 107 %, а количество российских туристов сократилось на 15 %. При этом доля японцев, симпатизирующих Китаю, продолжает оставаться на крайне низком уровне – порядка 15 %.

Ключевые слова: Япония, Китай, США, российско-японские отношения, иностранный туризм, общественное мнение, «мягкая сила».

Иностранные туристы в Японии

Еще до окончания 2015 г. Япония зафиксировала рекордные показатели посещения страны иностранными туристами. Так, в декабре 2015 г. было объявлено, что за 11 месяцев количество иностранцев, посетивших Японию, достигло рекордного показателя – около 18 млн человек. В Японской национальной туристической организации (яп. 日本政府観光局, англ. Japan National Tourism Organization) главными факторами роста числа иностранных туристов назвали снижение курса иены и ослабление визовых требований для граждан Китая, что резко увеличило число туристов именно из этой страны [1]. В то же время количество российских туристов за этот же срок сократилось на 16,2 %.

По данным Японской национальной туристической организации, Япония с 2012 г. демонстрирует уверенный рост количества иностранных туристов (табл. 1). Ущерб, нанесенный стране Великим бедствием на Востоке Японии (яп. 東日本大震災, *Хигаси Нихон дайсинсай*) в марте 2011 г. (годовое падение иностранного туристического потока на 27,8 %), фактически удалось преодолеть за один год (в 2012 г. прирост иностранных туристов составил 34,4 %) [2]. Иностранному туризму как одному из источников дохода страны после Великого бедствия на Востоке Японии правительство стало уделять еще большее внимание, что дало свои положительные результаты: стабильно с 2012 по 2015 г. наблюдался рост количества иностранцев, посещавших страну в туристических целях, приблизившись к уровню 20 млн человек.

Таблица 1. Иностранные туристы в Японии, 2011–2015 гг., человек; в скобках указан прирост/падение по сравнению с предыдущим годом, %

Страна*	Год				
	2011	2012	2013	2014	2015
Китай	1 043 246 (–26.2 %)	1 425 100 (36.6 %)	1 314 437 (–7.8 %)	2 409 158 (83.3 %)	4 993 689 (107.3 %)
Южная Корея	1 658 073 (–32.0 %)	2 042 775 (23.2 %)	2 456 165 (20.2 %)	2 755 313 (12.2 %)	4 002 095 (45.3 %)
Тайвань	993 974 (–21.6 %)	1 465 753 (47.5 %)	2 210 821 (50.8 %)	2 829 821 (28.0 %)	3 677 075 (29.9 %)
Гонконг	364 865 (–28.3 %)	481 665 (32.0 %)	745 881 (54.9 %)	925 975 (24.1 %)	1 524 292 (64.6 %)
США	565 887 (–22.2 %)	716 709 (26.7 %)	799 280 (11.5 %)	891 668 (11.6 %)	1 033 258 (17.8 %)
Россия	33 793 (–34.3 %)	50 176 (48.5 %)	60 502 (20.6 %)	64 077 (5.9 %)	54 365 (–15.2 %)
Всего	6 218 752 (–27.8 %)	8 358 105 (34.4 %)	10 363 904 (24.0 %)	13 413 467 (29.4 %)	19 737 409 (47.1 %)

* В таблице, кроме России, перечислены страны с туристическим потоком в Японию в 2015 г. более 1 млн человек.

Источник: Японская национальная туристическая организация. URL: http://www.jnto.go.jp/jpn/reference/tourism_data/visitor_trends/

Японская пресса обращала внимание и на локальные рекорды. Так, столичное правительство провело опрос гостиниц и других мест проживания, который показал, что в 2015 г. из-за рубежа по делам или с целью туризма Токио посетило 11 млн 890 тыс. человек. Это на 34 % больше по сравнению с 2014 г. Власти Токио также отметили, что в 2015 г. зарубежными гостями было потрачено в Токио 10 млрд 160 млн долл. [3].

Несмотря на столь впечатляющие позитивные результаты, нынешняя администрация премьер-министра Японии Абэ Синдзо ставит себе амбициозную цель: к 2020 г., когда в Токио пройдут Олимпийские и Паралимпийские игры, повысить ежегодное число зарубежных туристов, посещающих Японию, до 40 млн. Фактически это предполагает удвоение по сравнению с нынешним уровнем числа приезжающих в Японию зарубежных туристов. Для достижения этой цели в Японии предпринимаются специальные меры.

Например, по информации NHK, в 2015 г. правительство Японии определило семь новых туристических маршрутов, а в первой половине 2016 г. выбрало еще четыре: один пролегает по северной префектуре Хоккайдо, другие охватывают Токио и 10 окружающих столицу префектур в регионе Канто. В частности, один из маршрутов знакомит с историей и природой региона Санин на побережье Японского моря. Туристы смогут осмотреть развалины бывшего серебряного рудника Ивами, который входит в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, а также полюбоваться песчаными дюнами Тоттори [4].

Помимо формирования новых туристических маршрутов, правительство Японии обсуждает ход реализации стратегии, которая предусматривает получение бóльшей отдачи

от принадлежащих стране культурных ценностей и государственных парков, улучшение транспортных связей – железных дорог и автобусных маршрутов – с туристическими объектами, а также дальнейшее открытие государственных гостиниц. Кроме этого, обсуждаются вопросы подготовки многоязычных справочных руководств на объектах культуры и расширения доступа к художественным галереям. Продолжает привлекать иностранных туристов доступность авиакомпаний, послабление визовых требований, расширение перечня беспошлинных товаров и услуг [5]

В японском характере есть такая черта, как внимание к деталям и, на первый взгляд, мелким вопросам. Так, власти Японии решили пересмотреть некоторые обозначения на туристических картах. В преддверии Олимпиады-2020 в Токио возникло предложение убрать шесть условных знаков, которые обычно используются для обозначений объектов на картах. В частности, буддистские храмы на картах в Японии обозначаются свастикой (*мандзи*). Однако свастика у иностранцев может ассоциироваться с нацизмом, хотя *мандзи* отличается от нацистского символа. Тем не менее, предлагалось заменить этот символ символом пагоды. Прежде чем принять решение, власти страны решили узнать мнение граждан, и те не поддержали данную инициативу, отметив, что «идея глупая», а буддистский символ *мандзи* гораздо более древний, чем нацизм¹. Также предлагается изменить, например, обозначение церкви, которую сейчас на картах помечают крестом – предполагается, что туристы могут спутать ее с кладбищем. Сомнение вызывает и обозначение отелей латинской буквой «Н» (от «Hotel»), поскольку на Западе таким образом обычно помечают взлетно-посадочную площадку для вертолетов. Некоторые другие условные обозначения признаны в принципе непонятными для гостей из других стран [6].

По данным Японской национальной туристической организации, первые пять месяцев 2016 г. показали рост числа иностранных туристов в Японии на 29,1%, а в апреле зафиксировано рекордное за месяц число иностранных туристов в количестве 2 081 800 человек. Если не возникнут какие-либо форс-мажорные обстоятельства, то по итогам 2016 г. ожидается уверенное преодоление рубежа в 20 млн человек и достижение Японией нового рекорда во въездном туризме.

Взаимный туризм в российско-японских отношениях

При росте количества иностранных туристов, посетивших в 2015 г. Японию и Россию, динамика взаимного туризма между Россией и Японией в 2015 г., к сожалению, оказалась отрицательной, хотя причины тому, очевидно, разные.

Граждане России столкнулись с падением экономики и курса рубля к доллару более чем в 2 раза – от 32,6587 руб./долл. на 1 января 2014 г. до 72,8827 руб./долл. на 31 декабря

¹ В России свастика фактически находится вне закона. Согласно принятому в 2002 г. ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», экстремизмом названы «пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения». Конституционный суд России не раз признавал законным запрет символов, похожих на нацистскую символику «до степени смешения». По его мнению, разрешение вопроса, являлась ли соответствующая символика нацистской или сходной с нацистской символикой до степени смешения, связано с исследованием «фактических обстоятельств» (Документ 245-О/2015).

2015 г.², поэтому поездки в другие страны для россиян стали более затратными и, порой, менее комфортными по ряду политических причин. И хотя Япония для россиян продолжает оставаться страной, по сравнению с рядом других стран, относительно дорогой³, но весьма привлекательной, общее падение уровня жизни не могло не сказаться на возможностях граждан России посещать в туристических целях другие страны, включая и Японию. Достигнув в 2014 г. пика туристов из России в количестве порядка 64 тыс. чел., в 2015 г. произошло уменьшение их количества на 10 тыс. человек, или на 15,2 % – до уровня порядка 54 тыс. человек, что составило 0,28 % россиян от общего количества иностранных туристов, посетивших Японию в 2015 г. Тогда как в 2013 г. доля российских туристов в Японии составляла максимум за период 2011–2015 гг. – 0,6 % от всех иностранных туристов.

По данным Российского союза туриндустрии, уже в 4-м квартале 2015 г. было зафиксировано сокращение на 31,4 % числа турпоездок за рубеж, совершенных россиянами с января по сентябрь 2015 г., по сравнению с тем же периодом прошлого года, и это самое большое падение за последние 15 лет [8]. Отмечено также снижение пассажиропотока и авиационными компаниями. Так, по данным Lufthansa Group, чей суммарный пассажиропоток в 2014 г. насчитывал 106 млн человек, пассажиропоток на зарубежных направлениях в Россию и из России в январе – октябре 2015 г. по сравнению с тем же периодом 2014 г. упал на 15 % [9].

По информации Ростуризма со ссылкой на данные Пограничной службы ФСБ России, в 2015 г. выехало за рубеж 34 390 тыс. россиян⁴, тогда как в 2014 г. их было 45 888 935, а в 2013 г. – 54 069 079 человек (табл. 2). Таким образом, в 2015 г. за рубеж выехало на 25 % россиян меньше, чем в 2014 г., а в 2014 г. – на 17 % меньше, чем в 2013 г.

Таблица 2. Статистика по выезду российских граждан за рубеж (Япония и всего) за 2013 и 2014 гг.

Страны	Цели поездки	2013 г.	2014 г.	Изменение численности российских граждан, выехавших за рубеж за 2014 г. по сравнению с аналогичным показателем 2013 г. (± %)
Япония	Всего	87 952	89 371	2
	Туризм	33 414	37 255	11
	Служебная	8161	7932	-3
Всего по всем странам	Всего	54 069 079	45 888 935	-15
	Туризм	18 291 737	17 611 569	-4
	Служебная	1 031 639	927 303	-10

Источник: Показатели выезда российских граждан за рубеж за 2014 г. / Ростуризм. URL: <http://www.russiatourism.ru/contents/statistika/>

² Данные Центрального банка России. URL: <http://www.cbr.ru>

³ Например, по данным американского журнала Time, в рейтинге 112 стран по стоимости проживания в них (от дешевых до дорогих), Япония занимает 102 место (для сравнения: Гонконг – 110, Республика Корея – 99, США – 83, Китай – 74, Вьетнам – 67, Россия – 39) [7].

⁴ Неясно, почему указанные Ростуризмом общие данные за 2015 г. являются приблизительными, а не точными.

Характерно, что по состоянию на конец июня 2016 г. статистика по выезду россиян за рубеж в 2015 г. на сайте Ростуризма не полная, а по поездкам в Японию есть лишь информация о первых 9 месяцах 2015 г. (табл. 3).

Таблица 3. Статистика по выезду российских граждан за рубеж (Япония и всего) за 9 месяцев 2015 г.

Страны	Цели поездки	9 мес. 2014 г.	9 мес. 2015 г.	Изменение численности российских граждан, выехавших за рубеж за 9 мес. 2015 г. по сравнению с аналогичным показателем 2014 г. (\pm %)
Япония	Всего	66 354	53 093	-20
	Туризм	27 251	19 358	-29
	Служебная	5 754	5 094	-11
Всего по всем странам	Всего	36 797 505	29 333 387	-20
	Туризм	14 569,158	9 995 472	-31
	Служебная	698 733	586 394	-16

Источник: Показатели выезда российских граждан за рубеж за 9 месяцев 2015 г. / Ростуризм. URL: <http://www.russiatourism.ru/contents/statistika/>

Очевидно, что естественное увеличение потока российских туристов в Японию возможно лишь при условии повышения жизненного уровня активной части населения России. Какие-либо механизмы по смягчению визового режима, которые периодически обсуждаются в двустороннем формате, вероятнее всего, не могут иметь решающего значения для оживления российского туризма в Японию.

Количество японцев, посетивших Россию в 2015 г., также уменьшилось, хотя эти данные за 2015 г. на сайте Ростуризма не представлены – имеется информация только за 9 месяцев 2015 г. (табл. 4). Эти данные показывают, что при общем росте посетивших Россию иностранных туристов на 6 % число японцев из них сократилось на 13 %.

Таблица 4. Статистика по въезду иностранных граждан (Япония и всего) на территорию России за 9 месяцев 2015 г.

Страны	Цели поездки	9 мес. 2014 г.	9 мес. 2015 г.	Изменение численности иностранных граждан, въехавших в РФ за 9 мес. 2015 г. по сравнению с аналогичным показателем 9 мес. 2014 г. (\pm %)
Япония	Всего	89 830	77 792	-13
	Туризм	49 460	43 505	-12
	Служебная	23 124	20 676	-11
Всего по всем странам	Всего	24 948 184	26 486 839	6
	Туризм	2 244 586	2 539 457	13
	Служебная	4 702 627	5 967 492	27

Источник: Показатели въезда иностранных граждан в Российскую Федерацию за 9 месяцев 2015 г. / Ростуризм. URL: <http://www.russiatourism.ru/contents/statistika/>

Отметим, что 28 июля 2011 г. на заседании президиума правительства Российской Федерации, которое состоялось под председательством В.В. Путина, была утверждена Федеральная целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)» [10]. Как было заявлено, реализация этой программы позволит повысить конкурентоспособность отечественного туристского рынка, создать условия для развития туристской инфраструктуры, привлечь инвестиции в отрасль. Мероприятия ФЦП направлены также на повышение эффективности продвижения национального туристского продукта на внутреннем и международном рынках, совершенствование системы подготовки кадров. Целью программы является повышение конкурентоспособности российского туристского рынка, удовлетворяющего потребности российских и иностранных граждан в качественных туристских услугах, а достижение этой цели будет обеспечиваться решением следующих основных задач:

- Развитие туристско-рекреационного комплекса Российской Федерации.
- Повышение качества туристских услуг.
- Продвижение туристского продукта Российской Федерации на мировом и внутреннем туристских рынках.

Однако показатели по туристическому потоку в 2015 г. не демонстрируют значительных улучшений в этой сфере экономической деятельности. Так, если рубль по отношению к доллару подешевел более чем в 2 раза, а годовой прирост иностранных туристов для России составил 5 % (30 792 091 чел. в 2013 г. и 32 421 490 чел. в 2014 г.), то вряд ли можно назвать успешным реализацию вышеуказанной ФЦП.

По данным Российского союза туристской индустрии, число россиян, выехавших на отдых за рубеж в первом квартале 2016 г., снизилось на 22 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года и составило 1 млн 479 тыс. человек [11]. Однако в первом квартале 2015 г. по сравнению с 2014 г. количество российских туристов за границей упало на 40,3 % – до 1 млн 899 тыс. человек, что говорит о замедлении процесса отказа россиян от зарубежного отдыха.

В контексте же российско-японских связей в области туризма ситуация даже ухудшилась. Очевидно, что последнее никак не способствует развитию двусторонних отношений на уровне неофициальной «народной дипломатии».

Иностранный туризм как проявление «мягкой силы»

Въездной иностранный туризм можно рассматривать не только с точки зрения экономики, привлечения в страну иностранных покупателей и роста доходов местных продавцов, но и с позиции эффективности применения страной «мягкой силы». Послевоенная Япония уделяет «мягкой силе» особое внимание, понимая, что вложения в пропаганду своих привлекательных сторон – от языка и истории до технических достижений – способствуют созданию позитивного имиджа страны за рубежом и, в конечном счете, ведет к повышению конкурентоспособности на внешних рынках. Так, по

данным PR-агентства Portland, которое представляет рейтинг⁵ 30 стран по влиянию использования ими «мягкой силы», в 2015 г. Япония занимала в этом рейтинге 8-е место, а в 2016 г. улучшила свою позицию, переместившись на 7-е место [12]⁶.

По данным Pew Research Center, в 2015 г. для граждан АТР наиболее привлекательной (в оригинале – *favorable*) выглядит именно Япония [13]. Опрос зафиксировал в целом 71 % респондентов, симпатизирующих Японии (Китаю – 57 %; Индии – 51 %; Республике Корея – 47 %), и следующий уровень симпатий к Японии по странам: Малайзия – 84 %; Вьетнам – 82 %; Филиппины – 81 %; Австралия – 80 %; Индонезия – 71 %; Пакистан – 48 %; Индия – 46 %; Республика Корея – 25 %; Китай – 12 %. С симпатией к Японии также относятся 74 % американцев.

В случае с иностранным туризмом позитивный имидж Японии в мире способствует привлечению в страну иностранных гостей, которые, в частности, хотят сопоставить свою воображаемую Японию – с гейшами, самураями, *ниндзя*, *манга*, *анимэ*, оригинальной кухней и бытовыми роботами – с Японией реальной. Хотя в пополнении местных бюджетов не последнюю роль играют иностранные гости, отправляющиеся в Японию в основном «за шопингом». Несомненно, что успехи Японии в области безопасности, устройства и качества жизни способствуют тому, что иностранные туристы, хоть раз посетившие Японию, укрепляются в своих симпатиях к этой стране.

Но если успехи «мягкой силы» Японии способствует привлечению в страну иностранных туристов, то интересен вопрос о том, как сами японцы относятся к тем странам, откуда гости прибывают. Особенностью Японии является то, что традиционное японское гостеприимство (*омотэнаси*) ориентировано на высокие стандарты обслуживания гостей и покупателей, невзирая на их национальность и другие особенности. Правда, иногда иностранные гости «достают» японцев и последние вводят временные запретительные меры⁷, в целом какие-либо яркие проявления «расизма» в Японии редки, хотя в стране и встречаются заведения с адресованной иностранцам табличкой «Только для японцев» (в оригинале – *Japanese Only*) либо допускающие вход иностранцев, но обязательно в сопровождении японцев. Однако, похоже, что в последнее время такие заведения становятся редким явлением.

Данные по симпатиям и антипатиям японцев в отношении ряда иностранных государств выявляются в ежегодных всеяпонских опросах общественного мнения, которые с 1978 г. проводятся по инициативе Отдела по связям с общественностью кабинета министров и премьер-министра Японии и касаются отношения японцев к другим странам. Вопрос стоит так: испытывает ли респондент симпатию (дружеские чувства) к той или иной стране, или не испытывает? (Табл. 5).

⁵ Рейтинг агентства Portland рассчитывается по 7 основным критериям, среди которых 6 объективных (культура, образование, деловой климат, стандарты государственного управления, распространенность цифровых технологий, отношения с другими странами), а также данные социологических опросов.

⁶ Россия в этом рейтинге в 2015 г. отсутствовала, но в 2016 г. появилась на 27-ом месте.

⁷ Например, после распада СССР в самом начале XXI века в прессе обсуждались случаи, когда некоторые японские бани (*сэнто*) ряда портовых городов на Хоккайдо ввели запрет на их посещение российскими моряками, которые вели себя там непристойным образом.

Таблица 5. Отношения японцев к ряду стран в 2006–2015 гг., %

Страна*	Симпатии	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
США	Есть	75.3	75.6	73.3	78.9	79.9	82	84.5	83.1	82.6	84.4
	Нет	21.3	22.8	24.8	19.1	18.4	15.5	13.7	15.8	15.3	13.5
Южная Корея	Есть	48.5	54.8	57.1	63.1	61.8	62.2	39.2	40.7	31.5	33
	Нет	47.1	42.6	40.9	34.2	36	35.3	59	58	66.4	64.7
Россия	Есть	15.4	14.7	13	15.4	14	13.4	19.5	22.5	20.1	17.4
	Нет	78.9	81.6	83.4	79.6	82.4	82.9	76.5	74.8	76.4	79.3
Китай	Есть	34.3	34	31.8	38.5	20	26.3	18	18.1	14.8	14.8
	Нет	61.6	63.5	66.6	58.5	77.8	71.4	80.6	80.7	83.1	83.2

* Здесь порядок стран определяется уровнем симпатий респондентов (от высокого до низкого) по состоянию на 2015 г.

Источник: По данным Опроса общественного мнения по внешним отношениям. 14.03.2016. URL: <http://www.cao.go.jp> (на яп.)

Начиная с 2011 г. японцы стали относиться к США с еще большей симпатией, уровень которой превысил 80 %. Считается, что это улучшение отношений связано с проведенной американскими войсками в Японии после землетрясения 11 марта 2011 г. операцией «Томодачи» (*Томодати сакусэн*)⁸. При этом количество американцев, посетивших Японию в 2015 г. в туристических целях, превысило 1 млн человек (табл. 1).

Ухудшение отношений между Японией и Южной Кореей из-за принадлежащих последней островов Токто (яп. *Такэсима*), расположенных в западной части Японского моря, и конфликтов, связанных с разным пониманием отдельных страниц истории этих двух государств, хотя и отразилось на падении симпатий японцев к этой стране после 2011 г., но не сказалось на туристическом потоке южнокорейцев в Японию, который в 2015 г. превысил 4 млн человек (табл. 1). При этом доля японцев, симпатизирующих Южной Корее, в 2015 г. немного увеличилось.

Еще более парадоксальную ситуацию демонстрирует Китай. С одной стороны, из-за территориального спора по островам Сэнкаку (кит. Дяоюйдао) – группе островов в Южно-Китайском море, контролируемых Японией, но оспариваемых Китаем, который обострил отношения между странами и привел к эскалации напряженности в регионе, симпатии японцев к Китаю находятся на крайне низком уровне – 14,8 %, а доля японцев, не испытывающих дружественных чувств к Китаю, в 2015 г. достигла рекордно высокой отметки в 83,2 %. С другой стороны, поток туристов из Китая в 2015 г. вырос на 107 % и приблизился к рекордному уровню в 5 млн человек, что составляет более 25 % от всего потока иностранных туристов в Японию (табл. 1). Как представляется, такой интерес

⁸ В то тяжелое для Японии время армия США мобилизовала флот из 19 кораблей, ударной силой которого стали авианосцы «Рональд Рейган» и «Джордж Вашингтон», и 18 тыс. военнослужащих. Операция «Томодачи» не ограничивалась спасательными и поисковыми работами, а имела много направлений, включая разбор завалов и расчистку аэропорта Сэндай, порта Осима и других объектов, мониторинг радиационной обстановки, предоставление барж с водой для охлаждения атомных реакторов, командирование специального подразделения химико-биологического реагирования и др.

китайцев к Японии отчасти способен нивелировать политическую напряженность в японо-китайских отношениях.

Что касается России, то второй год подряд фиксируется уменьшение и без того незначительной доли японцев, симпатизирующих России (22,5 % в 2013 г., 20,1 % в 2014 г. и 17,4 % – в 2015 г.), причем этот процесс сопровождается как падением количества визитов россиян в Японию, так и японцев в Россию (табл. 1 и 4). И это худший случай из рассмотренных выше.

В России в качестве идентификатора отношения россиян к другим странам можно выделить ежегодный опрос Левада-Центра, посвященный оценке россиянами того, является ли та или иная страна другом или врагом России (табл. 6). Похоже, что в условиях информационной войны, в которой происходит подмена информационных сообщений пропагандистскими, восприятие стран через призму «друг/враг» стало для россиян доминирующим.

Таблица 6. Мнения россиян о ряде стран в 2006–2015 гг., %

Страна	Ответы*	2006	2007	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Китай	Друг	24	19	18	16	18	16	20	40	43	34
Япония	Друг	6	5	5	5	5	4	4	4	2	5
	Враг	4	3	3	3	9	6	7	5	6	5
США	Враг	37	35	45	26	33	35	38	69	73	72

* Респонденты должны были ответить на два вопроса: (1) «Назовите пять стран, которые вы могли бы назвать наиболее близкими друзьями, союзниками России?» (несколько вариантов ответа) и (2) «Какие пять стран вы назвали бы наиболее недружественно, враждебно настроенными по отношению к России?» (несколько вариантов ответа). В 2016 г. менее 1 % Китай набрал в списке «врагов», а США – в списке «друзей».

Источник: Союзники и «враги» России, европейская интеграция / Левада-Центр. 02.06.2016. URL: <http://www.levada.ru/2016/06/02/13400/> (дата обращения: 02.06.2016).

Согласно табл. 6 умеренно-дружеское отношение россиян к Китаю (30–40 % и в 2016 г. 3-е место в списке «друзей») и резко негативное с 2014 г. – к США⁹ (порядка 70 % и в 2012–2016 гг. 1-е место в списке «врагов») контрастирует с отношением россиян к Японии (в 2016 г. 14-е место в списке «друзей» и 12-е место в списке «врагов»): в течение последних 10 лет граждане России не видят в Японии ни друга, ни врага [14]. Такое «нейтральное» отношение хотя и не вызывает большого оптимизма с точки зрения развития двусторонних отношений, но и не создает значительных преград для их развития в будущем. На текущий момент в контексте участия России в информационных войнах и силовых операциях за пределами страны такое положение дел в российско-японских отношениях не выглядит безнадежным. А учитывая реально действующий японо-американский военно-политический

⁹ В постсоветское время россияне вновь увидели в США врага после крымских событий и эскалации напряженности на востоке Украины, когда против России были введены санкции. Вслед за США и Европейским союзом Япония присоединилась к этим санкциям, однако они носят формальный характер и в настоящее время фактически не являются серьезным препятствием для развития двусторонних отношений.

альянс и активное участие Японии в G7, вариант будущих отношений России и Японии при сохранении статус-кво без их заметного улучшения остается наиболее вероятным.

Однако на фоне информационной войны с Западом Россия должна системно проводить политику «мягкой силы», привлекая на свою сторону граждан других стран и формируя стратегические заделы на будущее. К сожалению, понимание важности этой работы не всегда доходит до лиц, принимающих в России решения. В частности, весьма странным выглядит заявление пресс-секретаря президента России Д.С. Пескова, который считает, что в условиях информационной войны «заниматься имиджевыми делами вряд ли целесообразно» [15]. Как раз «имиджевыми делами», используя инструменты «мягкой силы», необходимо заниматься ежедневно, а вот информационные войны, если и решают какие-то текущие задачи пропагандистского толка, то, как правило, в тактическом плане, а не в стратегическом. К тому же информационные войны не способны формировать, например, устойчивый позитивный имидж государства, а, скорее, фиксируют противоречия между странами, проводят и укрепляют «разделительные линии».

* * *

Как представляется, рекордное число иностранных туристов в Японии в 2015 г., почти достигшее 20 млн человек, отражает не только эффективность реализации правительственных программ по развитию туризма и фактическую готовность Японии принимать иностранцев в стиле особого японского гостеприимства, но и высокий уровень терпимости по отношению к тем приезжим, к которым у самих японцев отношение не всегда дружественное. На первый взгляд, кажется удивительным, что из всех стран на первое место по посещаемости Японии в качестве туристов в 2015 г. вырвались столь «несимпатичные» для японцев китайские гости. Однако это еще раз подчеркивает нацеленность островной Японии на открытость миру и ряд привлекательных национальных черт граждан современной Японии.

В то же время целесообразно проанализировать успешный японский опыт привлечения в страну иностранных туристов и создания в стране комфортных для туризма условий с целью выявления в этом опыте тех механизмов, которые могли бы быть задействованы и для улучшения положения дел во въездном туризме в самой России.

Список литературы

1. NHK World. 16.12.2015 20:15.
2. Казаков О.И. Иностранный туризм в Японии после Великого бедствия на Востоке Японии // Япония наших дней. № 2 (12), 2012. – М.: ИДВ РАН, 2012. С. 51–63.
3. NHK World. 27.05.2016 07:21.
4. NHK World. 15.06.2016 07:06.
5. Gov't ministries told to include tourism-boosting steps in budget requests // Japan Today. 18.06.2016 06:45 JST.

6. Japan's plan to drop swastikas as temple symbol sparks backlash // BBC. 19.01.2016. URL: <http://www.bbc.com/news/world-asia-35349619> (дата обращения: 30.06.2016).
7. These Are the 50 Cheapest Countries to Live // Time. 18.02.2016. URL: <http://time.com/money/4229754/cheapest-countries-to-live/> (дата обращения: 30.06.2016).
8. Снижение турпотока из РФ с января по сентябрь стало самым большим за 15 лет // Интерфакс. 08.12.2015 10:31. URL: <http://www.interfax.ru/russia/483749> (дата обращения: 30.06.2016).
9. В Lufthansa Group заявили о спаде пассажиропотока из России на 15% // Интерфакс. 09.12.2015 00:18. URL: <http://www.interfax.ru/business/483923> (дата обращения: 30.06.2016).
10. Программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)» // ФЦП. Департамент государственных целевых программ и капитальных вложений Минэкономразвития России. URL: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2017/361/> (дата обращения: 30.06.2016).
11. Турпоток из РФ за рубеж в первом квартале 2016 года сократился на 22 % // Интерфакс. 28.06.2016. URL: <http://www.interfax.ru/russia/515671> (дата обращения: 30.06.2016).
12. The Soft Power 30. URL: <http://softpower30.portland-communications.com/ranking/> (дата обращения: 30.06.2016).
13. How Asia-Pacific Publics See Each Other and Their National Leaders // Pew Research Center. 02.09.2015. URL: <http://www.pewglobal.org/2015/09/02/how-asia-pacific-publics-see-each-other-and-their-national-leaders/> (дата обращения: 30.06.2016).
14. Казаков О.И. Япония для россиян: «и не друг, и не враг, а так...» // Япония наших дней. № 1 (11), 2012. – М.: ИДВ РАН, 2012. С. 125–133.
15. Песков: попытки улучшить имидж России не целесообразны в связи с информационной войной // ТАСС. 26.03.2016 14:53. URL: <http://tass.ru/politika/3153694> (дата обращения: 30.06.2016).

Поступила в редакцию 30.06.2016

Автор:

Казаков Олег Игоревич, заведующий Отделом наукометрии и информационных технологий Института Дальнего Востока РАН. E-mail: kazakov_oleg@mail.ru

**The Number of Foreign Tourists in Japan in 2015
Beats all Records Regardless of the Attitude of the Japanese to Other Nations**

O.I. Kazakov

For Japan 2015 is marked by a record number of foreign tourists which mounted to 19,7 million people. The number of visitors from China has increased by 107 %, whilst the share of those from Russia has dropped by 15 %. These trends are seen with only 15 % of the Japanese showing favorable attitude to China.

Keywords: Japan, China, USA, Russian-Japanese relations, foreign tourism, public opinion, «soft power».

Author:

Kazakov Oleg I., Head of Department of Scientometrics and Information Technology, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences. E-mail: kazakov_oleg@mail.ru

«Душа Японии» в зеркале японского *кайдана*

Г.Б. Дуткина

В статье анализируется генезис японского «повествования о необычайном» (жанра *кайдан*), начиная с его становления (эпоха Позднего средневековья, 1603–1867) до конца 60-х – начала 70-х годов XX в. Характерные особенности данного литературного жанра дают основания считать *кайдан* одним из типичных образцов развития японской литературы и культуры в целом. Развивавшийся под сильным влиянием сначала китайской волшебной новеллы XIV в., а затем западной мистической литературы XIX в., *кайдан* вобрал в себя богатое наследие японского фольклора и благодаря особому механизму культурной адаптации выработал ряд специфических, чисто национальных черт, став феноменом японской культуры мирового масштаба. *Кайдан* продолжает эволюционировать и в наши дни, благодаря мифологическому складу японского национального сознания, и наоборот, именно *кайдан* способствовал формированию ряда черт национальной психологии современных японцев.

Ключевые слова: *кайдан*, японское «повествование о необычайном», японское кино, J-horror, призраки, привидения, *ёкай*.

*Кайдан*¹, или «повествование о необычайном» [1], пожалуй, можно назвать одним из самых экзотических и ярких явлений японской культуры. Формировавшийся изначально как литературный жанр, *кайдан* стремительно вышел за рамки собственно литературы и пустил многочисленные корни в других (и не только смежных) видах искусств. Перечисление его «реинкарнаций» займет немало места, достаточно упомянуть огромный пласт изобразительного и декоративно-прикладного искусства (в частности, средневековые гравюры и манга с изображением всевозможных фантастических монстров, привидений, призраков и оборотней; бронзовые и керамические фигурки с той же тематикой), а также зрелищные искусства (пьесы театра *Кабуки*², представления театра *ёсэ*³, в том числе устные сказы, в первую очередь *ракуго*⁴ и *кодан*⁵ с соответствующими сюжетами).

¹ Термин «*кайдан*» (яп. 怪談) состоит из двух иероглифов – «необычайное, странное, загадочное» и «рассказ», «повествование». Иначе, «повествование о необычайном».

² *Кабуки* (яп. 歌舞伎, букв. «песня, танец, мастерство», «искусное пение и танцы») — один из видов традиционного театра Японии. Представляет собой синтез пения, музыки, танца и драмы.

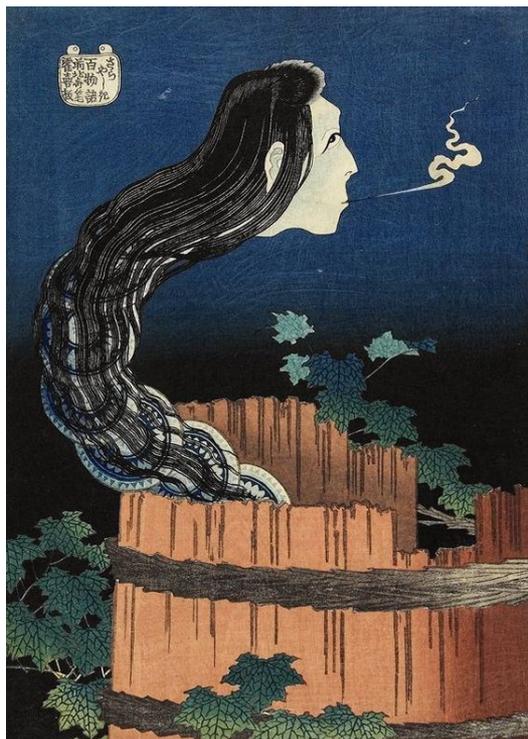


Рис. 1. Призрак Окику. Кацусика Хокусай (1760-1849).
Серия «Сто страшных историй» («Хяку-моногатари», 百物語)

Легенда гласит, что хозяин утопил в колодце служанку, отказавшую ему в любви, за якобы утерянное драгоценное блюдо, и она стала мстительным призраком. История послужила сюжетом для пьесы Кабуки «Бантё сараясики».

В XX веке в «сокровищницу» кайданов начинают массово добавляться кинофильмы, мультипликация (аниме), современная манга... Конец XX в. «вознес» кайдан на новый виток спирали – и породил целый ряд разновидностей *нео-кайдана*, в частности, *J-horror*⁶. Тема

³ Ёсэ (яп. 寄席) — популярное японское театральное представление. Театр ёсэ возник в XVII в. Представления проходят на небольшой сцене, без декораций, актеры выступают без грима, в обычном платье. В программу входят рассказы *кодан* и *ракуго* (основные для ёсэ жанры), короткие анекдоты *мандан*, юмористический диалог *мандзай*, сценка с подражанием речи какого-либо актера *коваиро*, звукоподражание *мономанэ*, чревовещание *фукувадзюцу*, японские традиционные танцы, жонглирование, акробатика, показ фокусов и т. п. Наиболее популярным видом вокального искусства, составляющего часть программы ёсэ, является *рокёку* (тж. *нанива-буси*).

⁴ *Ракуго* (яп. 落語) — японский литературный и театральный жанр, созданный в XVI–XVII вв. Под этим названием обычно известны миниатюры, исполняемые профессиональными рассказчиками (*ракугока*) на эстраде или сцене театра ёсэ. Как по форме, так и по содержанию ракуго разнообразны. Иногда они имеют характер анекдота, иногда же представляют собой довольно длинный рассказ.

⁵ *Кодан* (яп. 講談) — вид устного рассказа в Японии. Получил развитие в XVI в., когда странствующие монахи-сказители рассказывали эпизоды из исторической хроники «Тайхэйки». Рассказчики К. выступали в храмах или под навесами у проезжих дорог. Во время исполнения рассказчики обычно сидели на помосте, для усиления выразительности жестикулировали, время от времени ударяли сложенным веером об пол перед собой. *Кодан* стал одним из истоков театрального искусства. Сохранился до наших времен (и сейчас включается в программы радио и телевидения).

⁶ *J-horror* — японские фильмы (а также романы и пр.) ужасов. Впервые мир познакомился с жанром *J-horror* с выходом фильма Наката Хидэо «Рингу» («Звонок», 1998 г.)

нео-кайдана заслуживает отдельного рассмотрения, но уже априори очевидно, что невозможно полностью отождествлять нео-кайдан ни с классическими образцами кайдана, ни, тем более, с европейской готической традицией или современными западными фильмами и романами ужасов. При всей их оригинальной новизне нео-кайдан и J-horror неотделимы от фольклорных традиций, древних японских верований, мифов и легенд. Однако в рамках данной статьи ограничимся рассмотрением особенностей развития *литературного кайдана*.

* * *

Классический кайдан, сформировавшийся в Японии конца XVII в., возник отнюдь не на пустом месте: «повествование о необычайном, о странном, загадочном или ужасном» не является порождением собственно эпохи Эдо, или Позднего средневековья (1603–1867 гг.). Подобные рассказы существовали и до него: довольно долго имели широкое хождение в народе *симпитэкина ханаси* (таинственные рассказы), *коваи ханаси* (страшные рассказы), *мэдзураси ханаси* (рассказы об удивительном), однако все они не были связаны едиными жанровыми рамками. Вообще фантастическая традиция японской литературы уходит корнями в глубь веков – в мифы, легенды, предания. «Чудесное» присутствует в хронике «Кодзики» («Записи о деяниях древности», 712 г.), в первых волшебных повестях – «Такэтори-моноготари» («Повесть о старике Такэтори», конец X – начало XI в.) и «Уцубо-моноготари» («Повесть о дупле», конец X в.), в сборнике дидактических рассказов (*сэцува*) «Кондзяку моноготари» («Стародавние повести», ок. 1120 г.), пронизывает роман Мурасаки Сикибу «Гэндзи моноготари» («Повесть о принце Гэндзи», XI в.). Срез литературы «о чудесном» VIII–XVI вв. (как религиозной, так и светской) великолепно представлен составителем А. Н. Мещеряковым в сборнике переводов на русский «Волшебная Япония» [2]. Но именно проза *сэцува*⁷, с ее мощной «чудесной» компонентой (близкой к «повествованию о необычайном») представляет особый интерес для исследователей кайдана. Недаром ряд композиционных приемов сэцува нередко применялся при составлении сборников типа *кайдансю*⁸). Однако все эти блистательные и любимые японцами шедевры так и остались всего лишь застывшими памятниками истории.

Иная судьба выпала *японскому кайдану* – «повествованию о необычайном». (Образцы жанра в переводе на русский язык довольно полно представлены в сборниках переводов на русский японской фантастической прозы «Пионовый фонарь» [3], а также «Мистическая Япония» [4].)

История развития японского «повествования о необычайном» имеет ряд особенностей, которые позволяют считать кайдан своего рода моделью (по меньшей мере, одной из главных моделей) развития японской литературы и культуры в целом. Речь идет о

⁷ *Сэцува* (яп. 説話) — жанр средневековой японской литературы, включающий в себя легенды, сказки, притчи, предания и анекдоты. К данному жанру относятся более ста сохранившихся литературных произведений (VIII–XIV вв.) Рассказы *сэцува* могли быть с фантастическим сюжетом, но зачастую представляли собой и религиозные притчи, и просто бытовые зарисовки. Наибольший интерес представляет сборник «*Удзисю моноготари*» («Истории, собранные в Удзи», XIII в.).

⁸ *Кайдансю* (яп. 怪談集) – сборники рассказов в жанре *кайдан*.

непрерывной цепочке культурных заимствований особого типа, осуществлявшихся при помощи уникального механизма культурной адаптации, выработанного японцами. Суть его такова: «Японцами легко усваиваются только те элементы, которые близки их мышлению, все чуждое отбрасывается... Таким образом, существующие условия остаются неприкосновенными и неизменными, обеспечивая очевидную стабильность традиционных элементов» [5, с. 57].

Заметим, что трансплантация инородной модели в японскую культуру происходит не на этапе первого «знакомства», а лишь когда возникают условия для наполнения чуждой новой формы японским национальным материалом. (Если сузить рамки до конкретного жанра кайдан, то речь пойдет о заимствованных сюжетах из китайской волшебной новеллы⁹, основанных на сходных с японскими преданиях и легендах, а затем, в конце XIX в., о западной мистической и детективной литературе.) После интенсивной японизации (вплоть до перерождения формы) заимствованной модели следует ее резкспорт во внешний мир в качестве сугубо японского, национального культурного явления.

Но вернемся к истории кайдана...

Итак, после окончания длительного периода междоусобных войн и провозглашения Токугава Иэясу сёгуном, в стране воцарился долгожданный мир. Столицей Японии становится Эдо. Эпоха Эдо (1603 – 1867) принесла колоссальные перемены в быт и культуру Японии: расцвела городская культура, начали бурно развиваться торговля, ремесла, сформировалось третье сословие (торговцев и ремесленников) с его специфическим менталитетом и психологией, стало возможно свободно перемещаться по стране. И постоянно находившиеся в странствиях путешественники, и торговцы, и ремесленники способствовали «обмену» местными фольклорными сюжетами, что в свою очередь подстегивало интерес к «старине», к народным верованиям и легендам. Практически ни одно многолюдное собрание – поэтические состязания по *рэнга*, *хайкай*, чайные церемонии, храмовые праздники и пр. – не обходилось без выступлений профессиональных рассказчиков и рассказов «о необычном», даже в глухих деревнях при появлении заезжего гостя крестьяне сходились в дом старосты, чтобы послушать «страшные» и «странные» рассказы о чудесах (*кайдан банаси*).

Новая (массовая) литература предназначалась не только для круга избранных, теперь книги стали доступны всем без исключения. Книгоиздатели переходят к ксилографическому способу печатания, тексты обильно сопровождаются фонетической азбукой *кана* и богатыми иллюстрациями.

Жанр кайдан, сформировавшийся в русле этой массовой, коммерческой литературы, окончательно утвердился к началу годов Гэнроку (1688–1704), отличавшихся особенно бурным развитием городской культуры. Если в более ранних сборниках дидактической прозы сэцува «рассказы о чудесах» сочетались с обычными бытовыми зарисовками, то теперь начинают преобладать сборники нового типа – *кайдансю* («собрания кайданов»),

⁹ Имеется в виду китайская волшебная новелла *чуаньци* (кит. 传奇, букв. «рассказ о необычном, повествование об удивительном») XIV в., в которой к тому времени уже сложился классический тип этого рассказа.

состоявшие исключительно из «рассказов о необычайном» (странных, невероятных или страшных историй).

Японский исследователь кайданов, составитель трехтомного «Эдо кайдансю» («Сборник кайданов эпохи Эдо») Такада Мамору считает, что термин «кайдан» закрепился уже в начале годов Канъэй (1624–1644) [6, с. 399]. Такада Мамору выделил десять наиболее репрезентативных образцов того времени. Их можно разделить на три группы, в соответствии с основной направленностью: *фольклорный тип, религиозный (буддийский) и литературный (основанный на китайских образцах)* [6, с. 403]. В каждом сборнике «кайдансю» могли содержаться рассказы всех трех типов, и направленность тома определяло то, какие именно рассказы преобладали.

Характерный пример «фольклорного сборника» – «Тоноигуса» («Рассказы ночной стражи», 1677). Составитель-обработчик – поэт Огита Ансэй. Сборник состоит в основном из «страшных» историй о проделах кошек, лис, барсуков, пауков и прочих, в основном, зооморфных оборотней, а также духов, что заявлено уже в самих заголовках рассказов (например, «Как старая кошка становится оборотнем»). Но это отнюдь не сказочный материал.



Рис. 2. Нэкомата (кошка-людоед с раздвоенным хвостом) играет на сямисэне. Саваки Суси (1707–1772). Эмаки «Иллюстрированный свиток сотни демонов». («Хяккай дзукан» (百怪図巻), завершен в 1737 г.)

Рассказы «Тоноигуса» скорее восходят к прасказке или мифологической быличке и представляют собой подобие мемората или фабулата. Сверхъестественный персонаж описывается с избыточностью деталей, зато сведения о главном герое скупы; место и время события обозначаются со скрупулезной квазидокументальной достоверностью. Так достигается совмещение «исторического» и «мифологического» времени, «географического»

(реального) и «мифологического» пространства. Возникает закономерный вопрос: почему профессиональный поэт и писатель обратился к простонародным верованиям и суевериям? И почему подобного рода литература вдруг получила широкое распространение во всех социальных слоях (независимо от статуса, возраста, пола и уровня образованности читателей)?

Интерес к построенным на фольклорной основе кайданам вполне закономерен для того времени. Позднее средневековье для большинства стран было эпохой консолидации наций, эпохой формирования основных черт национальной психологии, что всегда сопровождалось повышением интереса к национальным корням. Этот период также называют «второй эпохой мифологического творчества» [7, с. 12]. А тот факт, что к составлению сборников типа кайдансю обратились профессиональные писатели, говорит об эстетизации древних верований, об отчуждении повествования от собственно верования. Это – безусловное свидетельство становления литературного жанра.

К кайданам второго, религиозного типа с буддистской направленностью, бесспорно, относятся сборники типа «Хирагана-бон. Инга моногатари» («Повести о карме»). Собственно, таких «Повестей о карме» в трехтомном «Эдо кайдансю» две – одна записана азбукой хирагана, другая – азбукой катакана. Книга, записанная азбукой хирагана, датируется началом годов Камбун (во всяком случае, первые три свитка относят к 1661 г.). Составитель и обработчик – буддийский священник Судзуки Сёсан (1579–1655). Судзуки Сёсан отвергает фольклорную традицию как ересь и стремится подтвердить существование буддийского потустороннего мира описанием вполне «реальных» событий, происходивших с людьми, нарушившими закон Кармы.

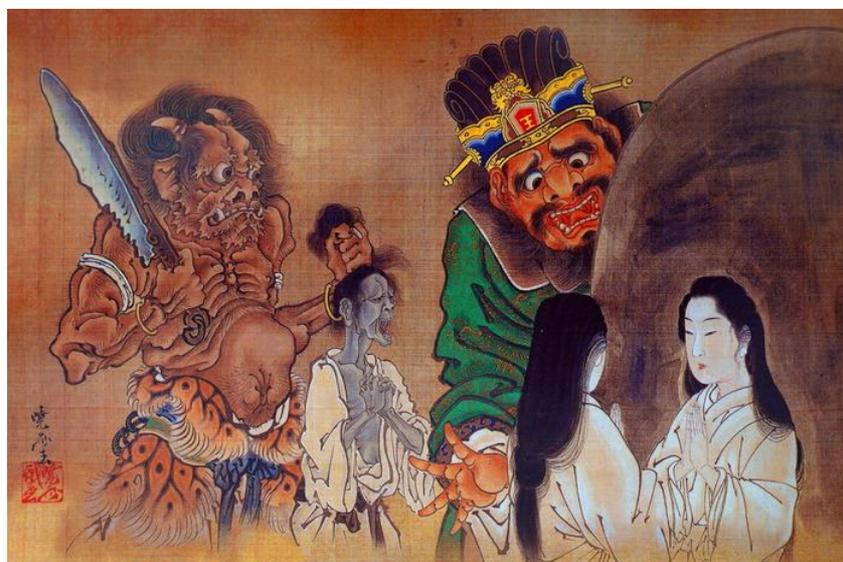


Рис. 3. Картины Ада. Каванабэ Кёсай (1831–1889).
Серия «Картины Ада и Рая» («Дзигоку гокуракудзу» 地獄 極楽図)

Здесь основная идея по обычаю *сэцува* заключена уже в заголовке («О том, как скряга превратился в «голодного беса»», «О том, как некая женщина после смерти обращается в змею и обвивает мужчину»). Для достоверности история непременно привязывается к определенному месту, а в конце добавляется клишированная фраза: «Люди знали об этом доподлинно». Нередко в рассказах такого типа встречаются вставки из буддистских проповедей, цитаты из священных сутр¹⁰. Кайданы фольклорного и буддистского типа литературно недостаточно развиты и представляют собой скорее переходную форму от записи факта к литературе, хотя и обладают уже признаками литературного жанра, а также родовыми признаками жанра кайдан (мифологическая природа героев, сказочность фабулы, точное указание места и времени события, совмещение реального и мифологического пространства, установка на достоверность чуда).

Третья разновидность – китаизированные литературные кайданы – уже, скорее, не рассказы, а мистические (страшные) новеллы «*кай-и сэсэцу*» [6, с. 407]. В них присутствует разветвленный сюжет, а также психологические характеристики и описания не только главных героев, но и пейзажей. Кайдан третьего типа – слепок с китайской волшебной новеллы *чуаньци* XIV в., к тому моменту уже сформировавшей основные черты литературного канона. Наиболее яркий пример новелл этого типа – сборник «Отогибоко» («Кукла-талисман», начало годов Камбун, 1667). Составитель-обработчик – Асаи Рёи (1640–1709). «Кукла-талисман» являет собой классический образец японского механизма культурного заимствования: адаптации на японской почве инокультурной литературной модели. Рёи не просто заменял китайские заголовки на японские (например, «Жизнеописание Айцин» на «Историю куртизанки Миягино»), а также имена героев и географические названия, но и подыскивал японские исторические аналоги китайским легендам. Главное место в мире нежити начинают занимать привидения, доминирует мотив злобной мести униженных при жизни женщин. В последующих веках именно новеллы о привидениях составят костяк *японского кайдана*.

Возможна и *другая классификация сборников кайдансю* – традиционная для вышеупомянутой прозы *сэцува*: *хяку-моногатари* («Сто рассказов»), *сёкоку-банаси* («Рассказы из всех провинций») и *отоги-ява* («Ночные рассказы»). Сборник «Тоноигуса», например, составлен по принципу *отоги-ява* (*отоги*, *тоги* означает бодрствование при спящем господине или услужение ему в качестве собеседника). Страшные истории рассказывались, дабы не заснуть. В *хяку-моногатари* прослеживается связь со средневековой игрой «Хяку-моногатари кайданкай» («Компания рассказчиков ста страшных историй»): участники игры, закрывшись в темной комнате, по кругу рассказывали жуткие истории, гася по одной свече, отчего сгущалась тьма и нагнеталась атмосфера ужаса.

¹⁰ Собственно, буддистская притча также пришла в Японию извне вместе с заимствованным буддизмом. А.Н. Мещеряков отмечает, что «буддийские легенды в средневековой Японии еще не успевают утратить связь с фольклором... что буддизм проник в области духовной культуры, синтоизмом еще не освоенные либо находящиеся еще в «подсознании» культуры («готовность», которую проявило японское общество к усвоению материковой культуры и цивилизации, заключается, возможно, именно в этом, а роль буддизма сводится к «проговариванию» подсознательных структур)... Мифологическое объяснение человека как понятия родового дополняется буддийским объяснением человека как личности» [8].



Рис. 4-5. Каванабэ Кёсай (1831–1889).
Серия «Призраки» («Юрэйдзу», 幽霊図)

Сборник выдающегося писателя японского средневековья Ихара Сайкаку – «Сёкоку банаси» («Рассказы из ста провинций», 1686) построен по классификации сэцува. Это произведение создано позже, чем приведенные выше сборники из собрания «Эдо кайдансю», и свидетельствует о развитии жанра кайдан. На первый взгляд, «Рассказы из всех провинций» стоят как бы особняком в творчестве рационально мыслившего Сайкаку. Сборник основан на фольклорном материале – рассказах о чудесах, о таинственных отшельниках-магах, о лисах-оборотнях и пр. Неожиданный факт обращения Сайкаку к теме сверхъестественного говорит о том, сколь популярен был в те времена кайдан и сколь глубок интерес общества к национальным традициям. В литературном отношении – это шаг вперед в развитии жанра. Уже не просто запись факта чуда, а литературная новелла. Сверхъестественные персонажи ведут себя как обычные люди. Подобная амбивалентность, а также сочетание высокого и таинственного с «карнавальным» снижает пафос и переводит действие в бытовой план, придавая удивительную достоверность (равноценную фразе «люди знали об этом доподлинно»). Чудеса же зачастую представляют собой просто сюжетно-композиционный прием.

XVIII в. отмечен появлением гения Уэда Акинари (1734–1809), чьи произведения до сих пор не только читаются и экранизируются в Японии, но любимы во всем мире. Шедевр Акинари – «Угэцу-моногатари» («Луна в тумане», 1776).

Вообще этот период подарил японской литературе несколько громких имен, в том числе Цуга Тэйсё (1718–1791). Без Тэйсё и «Луна в тумане» была бы иной [9, с. 46]. Как

всегда, толчком к очередному витку развития кайдана послужил рост интереса к национальным корням. В условиях ухудшения экономического положения страны и всплеска антисёгунских настроений, а также в результате «великого голода» годов Тэммэй (1783–1787) активизировались течения и школы, оппозиционные официальной идеологии, в частности, «вагакуся»¹¹ («национальная школа»), призывавшая к укреплению национальной религии синто и изучению национальной культуры.

Кисти Тэйсё (осакского врача и литератора) принадлежат несколько ярких сборников адаптаций на японский манер китайской волшебной новеллы: «Хицудзигуса» («Кувшинка», 1706), «Ханабуса дзоси» («Гроздь цветов», 1749); «Сигэсигэ ява» («Пышный луг», 1766). Именно Тэйсё впервые вплетает в канву кайдана мотив сна, в котором происходит совмещение двух миров, наложение грезы на действительность. Сон как средство постижения откровения характерен вообще для средневековой фантастической литературы, но особенно – для *китайских чуаньци и японских кайданов* (так называемая литература снов – *юмэгатари*).

«Луна в Тумане» считается *венцом кайдана* и одной из первых *ёмихон* – книг для серьезного чтения. Она состоит из 9 новелл с элементами всех трех упомянутых выше типов кайдана. Чрезвычайно интересна новелла «Распутство змеи». Мотив страсти змеи восходит к древним китайским легендам, однако и в японском фольклоре есть немало преданий о змее-хозяйке водоема – отражение традиционных верований в духов-хозяев *нуси*. Именно Акинари сумел наполнить привычную схему подлинным драматизмом. Все новеллы подобны жемчужинам, но крайне важно выделить еще одну – «Ночлег в камышах». В ней использован тот же сюжет, что и в новелле «История куртизанки Миягино» Асаи Рёи (сборник «Отогибоко»). В основе обеих новелл – новелла китайского писателя Цюй Ю¹² «Жизнеописание Айцин». Но Уэда Акинари еще более усовершенствовал механизм культурной адаптации, полностью отказавшись от привычных шаблонов. Китайский образец настолько японизирован Акинари, что это уже скорее вопрос формы сосуда, а не его содержимого. Американский японовед Дональд Кин считал, что Акинари действительно верил в духов и призраков, однако «решающими факторами... были отточенный стиль, правдивое описание характера и мастерское владение композицией» [(9, с. 270)]. Акинари отвергал конфуцианство с его рационализмом и отрицанием сверхъестественного и с 25-летнего возраста увлекался «кокугаку».

Кайдан проникает и в драматургию. «Жуткие» пьесы о привидениях идут на сцене театра Кабуки и пользуются бешеной популярностью. Непревзойденным образцом *кайдана* в

¹¹ *Кокугаку* (яп. 国学), известно также как *Вагаку* (яп. 和学)— национальное культурное движение в Японии в период сёгуната Токугава (середина XVII в.), пытавшееся противопоставить доминировавшим в то время китайско-неоконфуцианским теориям самобытность японской культуры и истории. Опираясь на национальную японскую религию синто, адепты движения *кокугаку* и основанная ими школа *кокугакусю* делали основную ставку на изучение старинной японской поэзии вака и традиционного японского искусства. Отчасти это движение было диссидентским, так как ратовало за восстановление прямого императорского правления в Японии.

¹² Цюй Ю (кит. 瞿佑; 1341–1427) – китайский писатель, классик жанра *чуаньци*. Автор новелл «Жизнеописание Девы в зеленом», «Записки о пионовом фонаре», «Записки о шпильке – золотом фениксе», сборника «Новые рассказы у горящего светильника» (кит. 剪燈新話).

драматургии и по сей день считается пьеса Цуруя Намбоку IV «Ёцуя Токайдо кайдан» («Происшествие в Ёцуя на тракте Токайдо», 1825).

Завершает домэйдзийский период гений устного сказа *ракуго* Санъютэй Энтё III (1839–1990), автор знаменитого «Пионового фонаря» («Ботан доро»). Хотя правильнее будет сказать, что его «Пионовым фонарем» открылся новый этап развития кайдана...

В годы Бунка-Бунсэй (1804–1818; 1818–1830) театр *ёсэ* славился постановками *кайданов* («кайдан банаси»). В этом жанре в конце периода *бакумацу*¹³ приобрел популярность актер Санъютэй Энтё III. В начале эпохи Мэйдзи он отошел от театра и стал выступать самостоятельно. Позднее его текст был зафиксирован на бумаге [10, с. 149]¹⁴.

Санъютэй Энтё III ввел в традиционный устный сказ захватывающий сюжет с авантюрной фабулой и, впервые, параллельную интригу (трагикомическую и комедийно-бытовую), наложив старый китайский сюжет на две японские легенды. В отличие от «Пионового фонаря» Асаи Рёи, он соединяет реальный и потусторонний мир, использует смеховой элемент, а также прием квазиразоблачения, что усиливает достоверность. В сущности, «Пионовый фонарь» Энтё был своеобразным мостиком к *кайдану XX века*. (Кстати, Энтё собирал сюжеты кайданов, а также коллекционировал гравюры с изображениями привидений и призраков.)

Однако, несмотря на широкое распространение кайдана благодаря Кабуки и ракуго, в эпоху Мэйдзи (1867–1912), с началом *модернизации, которая, в первую очередь, означала вестернизацию страны*, «повествование о необычайном» несколько утрачивает позиции. Причина – бурное проникновение в Японию западной культуры с ее рационализмом. В привидения стало неприлично верить.

Тем не менее, западная цивилизация не искоренила кайдан. В 1890-е годы в Японии расцвел романтизм и неоромантизм, что подогрело интерес к эстетике кайдана. В немалой степени интерес к средневековой литературе призраков подстегнул также новый всплеск национального сознания, снова выразившийся в призывах к сохранению национальной самобытности, в поисках национальных корней. Эта тенденция отражала недовольство некоторых слоев населения чрезмерной европеизацией Японии.

Любопытно, что выразителем новых веяний стал не японец, а натурализовавшийся в Японии американский журналист Лафкадио Хирн (1854–1904). Приехав в Японию в 1890 г. как корреспондент, он женился на японке и принял не только японское подданство, но и японское имя жены, став Якумо Коидзуми. Хирн настолько проникся любовью к японской традиционной культуре, что посвятил свою жизнь исследованиям местных традиций. Он ездил по стране, собирая фольклорные сюжеты и рассказы о сверхъестественном. Хирн написал ряд книг о японской культуре, в частности, о японском фольклоре, верованиях и *кайданах*. В их числе – знаменитый авторский сборник новелл в жанре кайдан – «Квайдан»

¹³ *Бакумацу* – последние года сёгуната Токугава (бакуфу), 1853–1867 гг.

¹⁴ Устный рассказ существовал в средневековой Японии в различных жанрах, оттачивался веками и к этому времени достиг высокого художественного уровня. Многие рассказчики записывали свои рассказы и издавали их, впоследствии часть подобных сборников стала источником фольклорных сюжетов не только для рассказчиков более позднего периода, но и для всей литературы Японии Новейшего времени.

(Kwaidan: Stories and Studies of Strange Things, 1904), впоследствии частично экранизированный великим режиссером Кобаяси Масаки. (Страсть Хирна к кайданам не случайна, еще до приезда в Японию он увлекался мистикой Эдгара По.) Вместе с японским именем Хирн, видимо, воспринял и японский менталитет, так как его новеллы представляют почти традиционную обработку старинных японских легенд и преданий и китайских сюжетов. В сборнике Хирна присутствуют все три типа японского *кайдана* – фольклорный, буддийский и китайский, а также есть элементы *юмэгатару* («литературы снов»).

К этому же периоду относятся основополагающие теоретические труды «отца японской фольклористики» этнографа Янагита Кунио (1875–1962), собиравшего старинные и современные ему легенды и предания. Сборник легенд местности Тоно префектуры Иватэ «Тоно моногатару» (1910) представляет собой сборник в жанре *сэцува*.

Эпоху Мэйдзи символично завершает творчество Идзуми Кёка (1873–1939), нареченного в литературных кругах «обакэ-но тайтё» («командир о-бакэ»¹⁵). С него же начинается история кайдана следующей эпохи – Тайсе (1912–1926). Кёка считают романтиком мэйдзийского периода в литературе. Ему принадлежат более 300 новелл и пьес «о необычайном». Чрезвычайно знаменита пьеса «Тэнсю моногатару» (1917), название которой принято переводить как «Замковая башня». Наибольшей известностью среди прозаических произведений пользуется новелла «Коя Хидзири» («Мудрец с горы Коя», 1900). Она легла в основу современного аниме. Также следует упомянуть «Тюмонтё» («Книга заказов», 1901, «Ута андон» («Стихи на бумажном фонаре», 1910), «Байсёку камо намбан» («Утка и перец, купленные за продажную любовь», 1920), «Маю какуси-но рэй» («Привидение без бровей», 1924). Литературоведы отмечают не только высокое мастерство Кёка, поднимающее его над кайданами периода Эдо, но и необычайную сценичность его произведений [11, с. 217].

В начале эпохи Тайсё вспыхнула яркая звезда писателя Танака Котаро (1880–1941). Первый кайдан он написал в 1919 г. Танака считал кайдан одним из самых выразительных жанров и большую часть жизни посвятил этой теме. В частности, он – автор сборников классических и современных японских и китайских кайданов. Танака родился в провинции Тоса (остров Сикоку, совр. преф. Коти), и все его творчество пронизано яркими мотивами местных верованиями и легенд. (В силу изолированности Сикоку того времени от основной территории Японии предания и легенды сохранялись там практически в первозданном виде.) Танака обрабатывал старинные легенды, а также записывал бытовавшие при его жизни поверья (что, возможно, позднее оказало влияние на формирование в конце XX в. так называемого городского фольклора). Ему свойственен тонкий психологизм, который

¹⁵ *О-бакэ* – собирательное название для всех видов сверхъестественных персонажей японского фольклора и населяющих кайдан. Это фантастические существа *ёкай* (духи, чудовища), *хэнгэ* – оборотни (в основном зооморфной природы), привидения или призраки *юрэй* (главным образом в женском обличьи), а также традиционные персонажи буддийского пантеона (голодные духи-*гаки*, многочисленные черти-*они*, бесы и пр., сопоставимые со злыми духами низших мифологических систем. Однако в наше время японцы стали обобщенно называть всех персонажей мира нежити и нечисти термином *ёкай*, что исконно означало – «чудовища, монстры».

позволяет отнести кайданы Танака именно к жанру чудесной новеллы, несмотря на искусственную стилизацию под быличку или даже сказку.



Рис. 6. Ямамба. Горная ведьма. Неизвестный художник.
Свиток-эмаки «Полное собрание демонов» («Бакэмоно дзукуси» 化物ずくし).
Период Эдо (XVIII–XIX вв.).

Вообще японские литературоведы выделяют две тенденции в кайдане эпохи Тайсё. Первая – продолжение традиций классики жанра в ёмихон, Кабуки, устном сказе кодан, в ракуго. Вторая тенденция – трансформация жанра, размывание его границ. Под влиянием пришедших из Европы увлечений мистикой и оккультизмом появляются так называемые *кайки сакка* (怪奇作家) – писатели, сочинявшие мистическую литературу. Чрезвычайную популярность обретают переводы западных писателей, пишущих в этом ключе, а также детективной литературы, в первую очередь Эдгара По и Конан Дойла. Атмосфера мистики составляет основу *кайдана*, поэтому целая плеяда известных японских писателей обращается к теме сверхъестественного [11], [12]. В их числе Акутагава Рюноскэ, Токутоми Рока, Нацумэ Сосэки, Ёсикава Эйди, Осараги Дзиро, Кайондзи Тёгоро и др. Подобное увлечение мистикой проявляется в создании кайданов или стилизаций под кайданы с примесью детектива.

Перед Второй мировой войной, уже в эпоху Сёва (1926 – 1989), их ряды пополнили Танидзаки Дзюньитиро, Сато Харуо, Кавабата Ясунари, Сакамото Анго, Исикава Дзюн (и даже Мисима Юкио), хотя в основном эти авторы работали в рамках исторической прозы или в границах «чистой литературы» модернизма. К списку можно добавить также Окамото

Кидо и Эдогава Рампо, писавших «неправильные» («*кайдан мэйта*») детективы, то есть детективы с примесью *кайдана*.

Этот новый, «размытый» кайдан, или «литература тайны», мимикрирует, приспособляется к изменившейся действительности. Изменяется и его атрибутика. Хотя и сохраняется что-то из привычного – ночь, тьма, луна, пруд, «усадьба с привидениями», где, правда, нет уже самих привидений, но появляется нечто новое. Вместо берега реки, поросшего плакучими ивами, – гранитные набережные; вместо паланкинов – трамваи. А вот уже совсем не свойственные классическому кайдану предметы – микроскопы, бинокли, зеркала... Однако магия новых атрибутов почти физически ощутима, это окно, приоткрывающее красоту inferнального. В более традиционных «новых» кайданах по-прежнему орудует нечистая сила в лице ведьм, привидений, даже оборотней. Никуда не делась и атмосфера леденящего ужаса. Особенно выразительны шедевры Акутагава, созданные по мотивам средневековой прозы сэцува (вспомним писателей Позднего средневековья – Ихара Сайкаку и Уэда Акинари, также черпавших вдохновение и сюжеты в прозе сэцува, возникшей из устной фольклорной традиции).

После войны в японском кайдане прозвучало еще одно громкое имя – Исикава Дзюн. (1899–1987). Некоторые японские литературоведы относят Исикава Дзюн к писателям, тяготевшим к мистике [12, с. 40], несмотря на то, что Исикава никогда не выходил за рамки *дзюнбунгаку* («чистой литературы»). Однако, будучи переводчиком Андрэ Жида, воспитанный на традициях французской литературы, Исикава разрывался между желанием привить принципы европейского модернизма в японской прозе и в то же время отыскать их литературные и философские аналоги в чисто национальной традиции, создавая то, что впоследствии получило название *дзиккэн сёсэцу* («экспериментальный роман») [13, с. 45–46]. В 50-е годы Исикава Дзюн удалось, наконец, создать серию произведений в высшей степени фантастических, в том числе «Сион монагатари» («Повесть о пурпурных астрах», 1956), построенную на фольклорном материале. Однако Исикава, в отличие от своих предшественников, не пользуется готовым сюжетом из средневековых новелл, он сам создает его, лишь расцвечивая фольклорными деталями. В сущности, это философская притча с использованием фольклорного материала (главная героиня – лиса-оборотень). Но кайдан ли это? Хотя в повести сохранены основные признаки жанра, нет индивидуального рассказчика и точного указания места и времени, зато появляется философская насыщенность текста. Так что уместнее говорить о *дальнейшем размывании границ кайдана, о трансформации его в принципиально новое явление*, хотя и основанное на традициях кайдана, и шире – на японском фольклоре. Здесь более подходит термин «магический реализм» или «литература чудесной реальности». И в этом Исикава Дзюн задолго предвосхитил следующий этап развития кайдана – периода глобализации, с конца XX – начала XXI в.

После Второй мировой войны в кайдане произошел резкий прорыв границ жанра. Высокое искусство и сфера развлечений окончательно дистанцировались, в результате чего в послевоенной Японии расцвела культура так называемого *андерграунда*. Журналы того времени изобиловали эротическими и фантастическими рассказами, в том числе кайданами, в которых доминировал мотив похоти. Эрос пленил японцев. Однако центром «индустрии

кайдана» стал стремительно развивавшийся кинематограф. Ведущие киностудии Японии начинают массово экранизировать классику литературного кайдана, в котором переплетаются все необходимые компоненты успеха – эрос, ужас и эстетика смерти – беспроигрышное сочетание высокого качества материала и коммерческой выгоды [10]. В 1953 г. японский режиссер Мидзогути Кэндзи за экранизацию «Угэцу моногатари» удостоивается «Серебряного льва» на Венецианском кинофестивале. Следом режиссер Кобаяси Масаки за фильм «Квайдан» (экранизация четырех новелл Лафкадио Хирна) награждается специальным призом жюри на Каннском кинофестивале (1965). Кайдан и японские призраки, духи, привидения и чудовища, впервые явленные западному миру в англоязычном произведении Лафкадио Хирна, выходят на широкую арену как чисто японский культурный феномен, достойно продемонстрировав результаты действия японского механизма культурной адаптации.

Классику жанра экранизировали и в 30-е, и в 40-е годы, но эти фильмы почти не сохранились, доступны ленты начала 50-х и 60-х годов. Поскольку невозможно перечислить все, что было снято по теме кайдан, ограничимся самыми яркими примерами, дающими представление о масштабе процесса.

Наиболее популярным оказался сюжет пьесы Кабуки драматурга Цуруя Намбоку «Происшествие в Ёцуя на тракте Токайдо» («Ёцуя токайдо кайдан»). Пьеса была экранизирована многими режиссерами, начиная с 20-х годов: Иноуэ Кинтаро (немой фильм, 1927), Накагава Сиро (немой фильм, 1927), Ито Дайсукэ (немой фильм, 1928), Киносита Кэйсукэ (1949), Мори Масаки (1956), Накагава Нобуо (1959), Мисуми Кэндзи (1959), Като Тай (1961), Тоёда Сиро (1965), Мори Кадзуо (1969). В 80-е, 90-е и нулевые годы появились новые экранизации, уже не только в виде кинофильмов, но и телесериалов, а также аниме.

Чрезвычайно привлекательными для режиссеров оказались пьесы Санбюэя Энтё. Близкие к оригиналам экранизации и фильмы по мотивам «Пионового фонаря» («Ботан доро») делают режиссеры Акира Нобути (1955), Ямамато Сацуо (1968), Цусима Масару (1996), Накагава Нобуо (1970), Нисияма Масатэру (1972), Сонэ Тюсэй (1972), Минамино Умэо (1982), Ёсида Такэнари (2007). Сборник короткометражек современного «рассказчика» ужасных историй Инагава Дзюндзи сняли режиссеры Номото Таити и Ядо Киёми (В: J-horror Anthology: Legends, 2003), «Призрак болота Касанэ» («Касанэ га фути») экранизировали Накагава Нобуо (1957, 1971), Курохаси Рюсукэ (1957), Масаки Мори (1959), Ясуда Кимёси (1960, 1970), и Наката Хидэо (под названием «Кайдан», 2007). Кстати, Наката, «запустивший на мировую орбиту» J-horror фильмом «Звонок» («Рингу», 1998), снял «Призрак болота Касанэ» в формате добротного классического кайдана.

Не менее любим как режиссерами, так и зрителями сюжет Белой змеи, фигурировавшей еще в «Угэцу моногатри», а также мотивы мстительных кошек *кайбё*¹⁶ (особый поджанр фильмов-кайданов) [14].

¹⁶ Разновидность кошки-монстра (*кайбё*). Обретает огромную сверхъестественную силу, напившись крови убитой хозяйки; реже – кошка, умершая вместе с хозяйкой.



Рис. 7. Каванабэ Кёсай (1831–1889).
Серия «Ночной хоровод демонов» («Хякки ягё», 百鬼夜行)

60-е – 70-е годы XX в. – четкий водораздел между старым (классическим) и «новым» кайданом. Однако это вовсе не означает, что классический кайдан завершил свой жизненный круг. Обе разновидности жанра существуют параллельно, подпитываясь друг от друга. И очевидно, что классический кайдан вечен, как и многие другие явления классической японской культуры. Это магическое зеркало, в котором отражается своеобразие японской ментальности, потаенные струны японской души – немного по-детски наивной, рефлексивно верующей в реальность потустороннего мира, в неотвратимость закона Кармы, в грозных ёкай и даже оборотней, а уж в призраков и привидения – однозначно!

Кайдан дожил до наших дней благодаря этой специфике японского сознания, позволяющей воспринимать окружающий мир через призму чудесного. И именно кайдан, став *непреходящим* явлением японской массовой культуры, поддерживал и консервировал эти качества японской души, формируя ряд таких особенностей, как мифологизм и анимистичность, любопытство, толкающее на преодоление табу, иррационализм и эмоциональность, «симплицитность» (простота) японского мышления, эстетизация смерти и окружающего мира и т.д. Без пристального изучения характерной для японцев веры в духов и оборотней как психологического феномена невозможно правильное понимание средневекового и современного мировоззрения японцев [15, с 129].

Как нельзя «изъять» из жизни японцев суеверия, поверья, синтоистские и местные праздники, культы и обряды, так же немислимо «убрать» из современного японского языка идиомы, пословицы, поговорки, связанные с неосознанной верой японцев в «чудесное». Все это в буквальном смысле «вколочено» в картину мира японцев нашего, XXI века – в том числе в форме кайдана.

Кайдан сделался неотъемлемой, необходимой частью жизни японцев – как театр Кабуки, как чайная церемония, как сумиэ, икебана... Как сакура весной. Как листья клена осенью. Как прелесть неизменно сменяющих друг друга времен года... Кстати, и в кайдане тоже есть своя сезонность – пьесы с привидениями в Кабуки непременно дают именно знойным летом – так сказать, для прохлады...

Список литературы

1. *Дуткина Г.* Традиции и развитие «повествования о необычайном» от средневековья к современности: дис. ... канд. филол. наук / ИВ РАН. М., 1992.
2. Волшебная Япония. Золотая серия японской литературы. СПб., 2001
3. Пионовый фонарь. Японская фантастическая проза. М., 1991.
4. Мистическая Япония. Золотая серия японской литературы. СПб., 2003
5. Modern trend of Western civilization and cultural peculiarities in Japan // In: The Japanese mind. Essentials of Japanese philosophy and culture. Ch.A.Moore, ed. Tokyo, 1973.P. 52–65.
6. *Такада Мамору.* Комментарий в: Эдо кайдансю : [Собрание кайданов эпохи Эдо]. В 3 т. Токио, 1989. – Т. 2 (на яп. языке).
7. *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986
8. *Мещеряков А.Н.* Предисловие в: Японские легенды о чудесах. М., 1984.
9. *Кин Дональд.* Японская литература XVII–XIX вв. М., 1978
10. Инада Кадзухиро. «Кайданрон»: [Теория кайдана]. Токио, 2015 (на яп. языке)
11. *Миура Масао.* Нихон кингэндай бунгакуси. Тайсёхэн: [История японской литературы Нового и Новейшего времени. Эпоха Тайсё] // Санъё гакуэн танкидайгаку киё, 35 (2004) P. 87–100. URL: <http://ci.nii.ac.jp/naid/110006459112> (дата обращения: 30.08.2016).
12. *Миура Масао.* Нихон кингэндай кайдан бунгакуси. Сёва сэндзэн-сэнтюхэн: [История японской литературы Нового и Новейшего времени. Эпоха Сёва: довоенный период, военный период] // Journal of Kawaguchi Junior College 19, Saitama Gakuen University, 39–60, 2005. URL: <http://ci.nii.ac.jp/naid/110004867230> (дата обращения: 30.08.2016).
13. *Tyler William.J.* Preface to the translation of: Ishikawa Jun, Moon Gems // In The Showa Anthology. Modern Japanese Short Stories. V. I. Tokyo, New York, San-Francisco, 1985.
14. Кайданы в японском кино. URL: http://kaidan.org/kaidan_ghost.html (дата обращения: 30.08.2016).
15. *Конно Энсукэ.* Кайдан – Миндзокугаку татиба кара: [Кайдан с позиций этнографии]. Токио, 1957.

Поступила в редакцию 30.08.2016

Автор:

Дуткина Галина Борисовна, кандидат филологических наук, Общество «Россия – Япония», председатель Центрального правления. E-mail: dutkina@mail.ru

“Nihon-no Kokoro” in the Mirror of Japanese Kaidan

G.B. Dutkina

The article is an attempt to analyze the genesis of Japanese *kaidan* genre (“a tale of extraordinary things” or “a story of weird and mysterious things”) beginning from its origin in Edo period (1603 – 1867) till present time. The development of this classical story of the supernatural has some very specific features, which make us regard *kaidan* to be one of the archetypal models of Japanese literature and culture on the whole. *Kaidan* has got an extremely strong impact first from Chinese XIV century fantastic novel and then from Western mystic literature of the XIX century. Having absorbed the richness of Japanese folklore, this genre has produced a typically national peculiarity due to a very specific mechanism of cultural adaptation, which makes *kaidan* a bright phenomenon of Japanese culture of world scale. In our days *kaidan* continues to evolve due to mythological mentality of Japanese people, and vice a verse, it has been *kaidan* that helped to form some patterns of Japanese national character.

Keywords: *kaidan*, Japanese weird story, Japanese cinema, J-horror, apparitions, ghosts, *yokai*.

Author:

Dutkina Galina B., PhD (Philology), «Russia-Japan society», Chairman of the Central Board.
E-mail: dutkina@mail.ru

Выход Японии на мировой рынок вооружений: политический аспект

О.Г. Парамонов

Японским правительством в ходе реализации внешнеполитической доктрины премьер-министра Абэ Синдзо, известной как «проактивный пацифизм», была проделана значительная работа по пересмотру ряда самоограничений японской оборонной политики, одно из которых касалось запрета на экспорт продукции военного назначения. Данная статья посвящена анализу первых шагов Японии на внешних рынках вооружений в контексте их влияния на региональную среду безопасности.

Ключевые слова: экспорт продукции военного назначения, доктрина Абэ, противоракетная оборона, союз безопасности США и Японии, проактивный пацифизм, новые три принципа.

Производимая в Японии продукция военного назначения (ПВН), особенно в таких сферах, как кораблестроение и танкостроение, еще в период холодной войны выглядела вполне достойно по сравнению с американскими и европейскими аналогами. Вместе с тем в течение многих десятилетий страны, занимавшиеся экспортом вооружений, не должны были рассматривать Японию в качестве своего конкурента из-за существовавшего в Токио консенсуса между политиками и представителями бизнеса о целесообразности полного отказа от военного экспорта с целью обеспечения мирного развития страны. Предпринимаемые сегодня правительством Абэ Синдзо шаги свидетельствуют о возможности использования Японией экспортного потенциала оборонно-промышленного комплекса (ОПК) не только для преодоления экономических трудностей, накопившихся в данной отрасли, но и для реализации внешнеполитической доктрины С. Абэ, известной как «проактивный пацифизм» (Proactive Contribution to Peace).

Система жестких самоограничений, касающихся правил экспортного контроля Японии, начала формироваться в 1967 г., когда правительство Сато Эйсаку провозгласило принципы (часто упоминаются как «Три принципа»), которым надлежало следовать при применении Закона о контроле за внешней торговлей и Указа об экспортном контроле. В соответствии с ними запрещался экспорт ПВН коммунистическим режимам, а также в страны, подпадающие под санкции ООН, уже вовлеченные в вооруженные конфликты или имеющие предпосылки для участия в них. В 1976 г. кабинет Мики Такэо заявил об ужесточении экспортной политики. Японское правительство должно было: 1) не допускать экспорт

оружия в страны, подпадающие под действие предыдущих запретов; 2) воздерживаться от военного экспорта и в другие страны, действуя на основе конституции и законодательства о внешней торговле; 3) применять аналогичные подходы в отношении экспорта оборудования, связанного с производством вооружений [6, с. 21].

Однако еще в 80-х годах прошлого столетия система экспортного контроля Японии стала постепенно смягчаться. За это время из нее было сделано в общей сложности не менее двадцати исключений, большая часть из которых была связана с военным сотрудничеством с США, в первую очередь, с участием Токио в создании совместной ПРО. Например, в конце 2004 г. правительство Коидзуми Дзюньитиро заявило о готовности разрешить экспорт в США комплектующих для вооружений, связанных с противоракетной обороной.

Наряду с Вашингтоном, стремящимся разделить со своим союзником финансовые расходы и технологические издержки при создании ПРО, с 2010 г. серьезным фактором давления на правительство Японии в вопросе смягчения экспортного контроля стали интересы ее промышленных корпораций. В условиях общей стагнации японской экономики национальный ОПК был вынужден балансировать в условиях сокращения военных расходов и невозможности выхода на внешние рынки вооружений. Китадзава Тосими, занимавший пост главы японского оборонного ведомства, прокомментировал сложившуюся ситуацию следующей фразой: «Нам бы не хотелось сидеть и спокойно наблюдать, как производственная база и технологическая основа национальной оборонной промышленности разрушаются из-за того, что мы связаны по рукам и ногам» [4, с. 114].

В Кэйданрэн (Федерация экономических организаций Японии) осуществили разработку и публикацию в 2010 и 2013 г. «Предложений для (очередных версий. – *О.П.*) основных направлений программы национальной обороны» [1, с. 36]. Эксперты Кэйданрэн рекомендовали создать новую систему экспортного контроля, где решения в каждом конкретном случае принимались бы в зависимости от возможных последствий для безопасности Японии и мирового сообщества в целом. Кроме того, правительству предлагалось создать механизм отслеживания использования странами-импортерами ПВН японского или совместного с Японией производства. Представители промышленного лобби при этом подчеркивали, что целесообразность участия Японии в совместных разработках и производстве вооружений обусловлена не только экономическими причинами – получением доступа к новейшим зарубежным технологиям и сокращением стоимости НИОКР, но и получением дополнительных возможностей для расширения сотрудничества с дружественными государствами в сфере внешней политики. Для обсуждения перспектив кооперации в сфере производства ПВН делегации комитета Кэйданрэн по оборонной промышленности побывали в Италии, Франции, Германии, Швеции, а также встречались с представителями ЕС и НАТО [4, с. 114].

Вместе с тем значительная часть контролировавшей правительство в 2009-2012 гг. Демократической партии Японии (ДПЯ), а также представители ее влиятельного политического партнера – Социалистической партии, возражали против отмены или серьезной корректировки запрета на экспорт продукции военного назначения. Нерешенность данного вопроса уже начинала негативно отражаться на темпах разработок в области ПРО не только в Японии, но и в США. В результате именно правительство ДПЯ пошло навстречу

Вашингтону и собственному ОПК. В июне 2011 г. в виде исключения была разрешена передача дружественным странам совместно разработанных компонентов новой модификации противоракеты SM-3. В декабре 2011 г., после допуска находящегося в сложном финансовом положении авиастроительного подразделения небольшой компании ShinMaiwa Industries к участию в тендере на поставку многоцелевых гидросамолетов для ВМС Индии [7, 8], правительство Ноды Ёсихико утвердило «Порядок передачи иностранным государствам изделий военного назначения» [37], предусматривающий возможность поставки другим странам ПВН для осуществления международного сотрудничества и укрепления мира, а также для последующих совместных разработок и производства с целью обеспечения безопасности Японии.

В июле 2012 г. Комитет оборонной промышленности Кэйданрэн и Аэрокосмический и оборонный комитет при Торговой палате США в Японии опубликовали «Совместное заявление о военно-техническом сотрудничестве между Японией и США» [26], в котором были определены форматы участия в военной кооперации (разработка и производство вооружений на основе межгосударственных соглашений, предварительные исследования в сфере передовых технологий, совместные разработка и производство с целью поддержки зарубежных правительственных программ, поставка произведенной по лицензии продукции в интересах выдавшей лицензию компании). Далее, в марте 2013 г. правительство Японии разрешило экспорт предполагаемых к производству в Японии компонентов истребителя F-35. В консорциуме по разработке этого самолета участвуют несколько государств, ключевую роль в нем играют США [4, с. 117]. В Токио также рассматривали в качестве возможных партнеров по кооперации в сфере производства ПВН другие дружественные государства, к которым в Японии относят страны НАТО, в том числе Турцию.

В Анкаре, не имеющей в силу ряда политических причин доступа к западным военным технологиям, также присматривались к Токио как к одному из ключевых потенциальных партнеров в сфере военно-технического сотрудничества (ВТС). Это было обусловлено сильными позициями японского ОПК в таких областях, как программное обеспечение для автоматизированных систем, военная электроника, универсальные корабельные платформы. Свою роль сыграло также наличие у турецкой стороны положительного опыта ВТС с одной из стран СВА – Республикой Корея. Особенно Турцию интересовали технологии, использованные при создании нового основного танка Т-10 для Сил самообороны Японии (начал поступать на их вооружение в 2015 г.). Развивая скорость до 70 км/ч, японский танк имеет высокие показатели мобильности. При рассмотрении в турецких СМИ возможностей ВТС с Японией предлагалось, чтобы Анкара в этом вопросе проявляла больше инициативы [40].

Тематика ВТС обсуждалась в ходе состоявшегося в конце 2011 г. визита в Турцию главы МИД Японии Гэмбы Коитиро, за которым последовали регулярные встречи на высоком и рабочем уровнях по линии оборонных ведомств двух стран, где, помимо обсуждения перспектив ВТС, стороны договорились продвигать сотрудничество в оборонной сфере по более широкому кругу вопросов, включая миротворческие операции, ликвидацию последствий гуманитарных катастроф и стихийных бедствий, борьбу с пиратством, обмена между учебными и научно-исследовательскими структурами, расширение взаимодействия по линии НАТО [40].

Далее, в ходе визита С. Абэ в Турцию в мае 2014 г. президент Реджеп Тайип Эрдоган предложил создать на ее территории совместное предприятие TUSAS Engine Industries и Mitsubishi Heavy Industries по разработке и выпуску двигателя для перспективного танка Altay турецкой разработки и вскоре получил положительный ответ из Токио. Анкара заверила своего партнера в готовности обеспечить сохранность технологической информации и подписать соглашение, ограничивающее ее передачу без согласия Японии третьим странам [38].

В Токио рассчитывали, что ВТС со страной, входящей в НАТО, не вызовет негативной реакции со стороны США – своего главного союзника. В случае успеха переговоров было бы создано первое в истории Японии совместное предприятие по выпуску ПВН. Представители минобороны Японии подчеркивали, что благодаря энергичной дипломатии С. Абэ ряд государств уже проявляет интерес к японским военным технологиям. По их мнению, совместное предприятие с Турцией могло бы помочь создать подобные проекты со странами, не входящими в число традиционных внешнеполитических партнеров Японии [23].

После следующего визита С. Абэ в Турцию в феврале 2014 г. стало известно об отказе сторон от дальнейших переговоров по проекту. В качестве основной причины указывалось на заявленную Анкарой возможность экспорта танка Altay в Пакистан, что могло повлечь за собой риски использования этих боевых машин для целей, не соответствующих принципам «проактивного пацифизма». С. Абэ прокомментировал вопрос как окончательно решенный: «ничего нельзя сделать» [12].

Из высказываний официальных лиц и представителей экспертного сообщества Японии также следовало, что даже в случае возникновения у Турции желания пойти на компромисс в вопросе реэкспорта совместно произведенной ПВН, проект все равно бы не состоялся. У Токио появились веские причины предполагать, что попытка поддержать собственный ОПК за счет сотрудничества со страной, начавшей проводить недостаточно предсказуемую внешнюю политику, может нанести существенный ущерб японским национальным интересам.

Считая реально существующей военную угрозу со стороны Ирана, Турция в сентябре 2012 г. анонсировала переговоры с китайской China Precision Machinery Import-Export Corp. о получении помощи в создании собственной, автономной от НАТО, системы ПРО. В Токио пришли к выводу, что любые контакты между Турцией и Китаем в военной области, даже при получении соответствующих гарантий от Анкары, несут в себе слишком высокие риски, связанные с утечкой чувствительных технологий. Об этом свидетельствовали официальные комментарии японских чиновников: «Турция пыталась укрепить свою национальную безопасность при помощи Китая. Это нас настораживает» [12]. НАТО, занимавшееся разработкой интегрированной системы ПВО, также было крайне встревожено перспективой турецко-китайского партнерства.

Перед тем, как перейти к описанию дальнейших шагов Токио по продвижению своих интересов на внешних рынках вооружений, хотелось бы отметить, что, хотя первый опыт ВТС между Токио и Анкарой оказался неудачным, подобные контакты способствовали активизации обменов между странами по другим направлениям оборонной политики. Например, их перспективы обсуждались в ходе состоявшейся в июне 2016 г. в Анкаре встречи министра национальной обороны Турецкой Республики Фикри Ышыка (Fikri Işık) с командующим морскими Силами самообороны Японии Томохисой Такэи [39].

После победы Либерально-демократической партии Японии (ЛДПЯ) на парламентских выборах в 2012 г. правительство С. Абэ и Совет национальной безопасности Японии 17 декабря 2013 г. утвердили Стратегию национальной безопасности Японии [3], которая заменила Основной курс в области обороны, принятый еще в 1957 г. В новом документе, в частности, было объявлено о разработке новых подходов к политике экспортного контроля, исходя из того, что международное сотрудничество в области безопасности является ключевым элементом «проактивного пацифизма» и что одной из форм подобного сотрудничества является участие в совместных разработках и производстве вооружений.

Далее, 1 апреля 2014 г. правительство и Совет национальной безопасности Японии одобрили «Три принципа трансфера продукции военного назначения» [2] (далее – новые принципы трансфера ПВН), Совет национальной безопасности одобрил Руководящие принципы по их применению [17]. Новые правила экспортного контроля разрешают японским компаниям осуществлять поставки ПВН союзникам Токио или дружественным государствам. Также упрощается порядок участия японских производителей в международных проектах, связанных с разработкой и производством вооружений. При этом должны соблюдаться следующие условия:

1. Запрещается экспорт ПВН в страны, нарушающие международные обязательства и соглашения.

2. Решения принимаются по каждому конкретному случаю при проведении тщательного изучения и обеспечении транспарентности.

3. Осуществляется надежный контроль за недопущением использования полученной от Японии ПВН в целях, отличных от заявленных, для передачи ее в третьи страны и т.п.

Экспорт японской ПВН не может осуществляться в государства, не выполняющие резолюции Совета Безопасности ООН либо подпадающие под санкции этой организации, а также в страны, использующие для достижения политических целей военную силу.

Подобная деятельность должна способствовать повышению вклада Японии в обеспечение международного мира и укреплению обороноспособности страны за счет: 1) осуществления совместных с США и другими партнерами Японии разработки и производства ПВН; 2) расширения сотрудничества с этими странами по вопросам безопасности; 3) поддержания в современном состоянии техники и вооружения Сил самообороны, защиты японских граждан, находящихся за рубежом.

Государства, закупающие ПВН у Японии, должны заранее запрашивать согласие Токио на ее трансфер третьим странам или использование в целях, отличных от заявленных. Контролирующие функции и обеспечение мониторинга военного экспорта возложены на Министерство обороны, МИД, Министерство торговли. В особых случаях для осуществления военных поставок потребуется одобрение Совета национальной безопасности. Публичность и транспарентность обеспечивается путем издания ежегодного доклада, содержащего подробную информацию о заключенных контрактах и о ходе их рассмотрения на заседаниях Совета безопасности. Для повышения эффективности ВТС также планируется создать специальное ведомство по образцу американского Агентства сотрудничества в области безопасности и обороны (U.S. Defense Security Cooperation Agency), входящего в структуру Пентагона и отвечающего за экспорт ПВН, ее сервисное обслуживание и

подготовку работающего с ней персонала, а также за поддержание контактов между военными США и их союзниками [14].

При рассмотрении экспертных оценок новых принципов трансфера ПВН необходимо отметить, что некоторые специалисты высказали сомнения касательно того, что правительству удастся создать реально работающий механизм отслеживания конечных реципиентов ПВН японского производства, так как это потребует серьезных финансовых затрат [9]. Также было отмечено противоречие в связи между экспортом оружия и миролюбивыми целями [30].

Паллиативный характер ряда положений новых принципов трансфера ПВН во многом объясняется значительным влиянием на их разработку позиции «младшего», но при этом весьма влиятельного политического партнера ЛДПЯ – партии Новая Комэйто, которая выполняет в системе «сдержек и противовесов», сложившейся внутри двухпартийного тандема еще в период холодной войны, обязанности «защитника» пацифистских положений Конституции. Эксперты партии Новая Комэйто, принимавшие активное участие в разработке новых принципов трансфера ПВН, вынуждены были исходить из того, что в условиях, когда «Япония не может обеспечить мир и собственную безопасность своими силами, а международное сообщество ожидает от Японии более активной роли в поддержании мира и стабильности в соответствии с возможностями страны» [2], смягчение системы экспортного контроля будет выглядеть «меньшим злом», чем, например, пересмотр антивоенных положений конституции. В марте 2014 г., когда появилась информация о возможности согласования между представителями двух партий окончательной редакции новых принципов трансфера ПВН, Уэда Исаму, влиятельный функционер Новой Комейто, занимающийся, в том числе, вопросами внешней политики и безопасности, заявил, что предложенный ЛДПЯ проект новой системы экспортного контроля будет дополнен серьезными ограничениям [31].

Не стало неожиданным, что США дали высокую оценку действиям своего союзника, направленным на пересмотр системы экспортного контроля. Официальный представитель государственного департамента США Джен Псаки в 2014 г. заявила: «Мы приветствуем пересмотр японской политики, связанной с экспортом продукции военного назначения». По ее словам, это расширяет возможности для кооперации в военно-промышленной сфере с США и другими странами-партнерами, а также позволяет Японии модернизировать свою оборонную промышленность и выходить на глобальные рынки вооружений [32].

Реакция Пекина на инициативы С. Абэ была ожидаемо негативной. Официальный представитель МИД КНР Хун Лэй заявил: «То, какие цели преследует японская политика в военной сфере и в области безопасности, отражает общее направление движения Японии. Это также оказывает влияние на региональную среду безопасности и стратегическую стабильность» [13].

Первым случаем применения новых принципов трансфера ПВН стало объявленное правительством в июле 2014 г. разрешение Mitsubishi Heavy Industries осуществить поставку в интересах американской компании Rhytheon Co. сенсоров для противоракет PAC-2, предназначенных для экспорта в Катар. PAC-2 является устаревшей версией

противоракетного комплекса Patriot, ряд компонентов для него уже не производился в США [34].

Как отмечалось выше, задача выхода японских компаний на международные рынки вооружений начала решаться предыдущими правительствами без пересмотра базовых подходов Токио к своей оборонной политике. Официальные комментарии генерального секретаря кабинета министров Суги Ёсихидэ свидетельствовали о том, что приоритетной целью новых инициатив правительства С. Абэ в сфере военного экспорта является не поддержка национального ОПК, а претворение в жизнь доктрины «проактивного пацифизма» [35], в том числе планов по выстраиванию региональной архитектуры безопасности с участием государств, разделяющих общие западные ценности либо имеющих в своих отношениях с Пекином элементы «серой зоны безопасности». В числе значимых практических шагов можно рассматривать совместные усилия США и Японии по повышению оборонного потенциала Филиппин. Япония обеспечивает поставки патрульных кораблей для береговой охраны этого государства, а также для Вьетнама.

Подобная стратегия, известная как «выстраивание возможностей» (capacity building), уже применялась Вашингтоном для того, чтобы избежать прямого конфликта с Пекином при сдерживании его территориальных амбиций. Новые инструменты для решения данной задачи могут появиться и в случае внесения дальнейших изменений в программу официальной помощи развитию, что позволит ее использовать для укрепления оборонных возможностей стран-реципиентов [25].

Кроме того, С. Абэ рассчитывает диверсифицировать политику Японии в области безопасности, используя военно-техническое сотрудничество для выстраивания и укрепления связей в оборонной сфере с целым рядом государств: с европейскими странами, другими дружественными Японии региональными акторами, например, Австралией, Индией. Так, еще в конце 2013 г. началась реализация первого японо-британского проекта по разработке специального костюма для защиты от поражающих факторов оружия массового поражения [18]. В ходе визита С. Абэ в мае 2014 г. во Францию была достигнута договоренность о совместной разработке подводного дистанционно управляемого аппарата (underwater drone), в начале 2015 г. начались консультации о создании универсального робота-сапера, способного действовать в условиях радиоактивного заражения. В японских СМИ при этом появились предположения о намерении Токио создать противовес контактам в военно-технической сфере между Парижем и Пекином, и здесь, как и в ситуации с Анкарой, начал приобретать актуальность вопрос утечек чувствительных японских технологий в Китай. В марте 2015 г. в ходе встречи в формате «два плюс два» в Токио было подписано франко-японское соглашение о трансфере военного оборудования и технологий, юридические гарантии Парижа в Токио посчитали достаточными [20, 21].

В июле 2014 г. в ходе состоявшейся во время турне С. Абэ по государствам Океании встречи с Тони Эбботом, возглавлявшим правительство Австралии, была достигнута предварительная договоренность об оснащении австралийских ВМС субмаринами типа *Soyu*, которые предполагалось строить по лицензии на верфях в Аделаиде или поставлять из Японии [28]. *Soyu* является самой большой неатомной субмариной в мире (водоизмещение свыше 4000 т) и считается одной из лучших в своем классе, ее основным преимуществом

является большая продолжительность пребывания в подводном положении благодаря использованию воздухомнезависимого двигателя Стирлига. В составе морских Сил самообороны уже имеется несколько подлодок данного типа, построенных компаниями Mitsubishi Heavy Industries и Kawasaki Shipbuilding.

Состоящие сегодня на вооружении ВМС Австралии шесть подводных лодок типа Collins имеют ряд серьезных конструктивных недостатков и являются весьма дорогостоящими. Хотя попытки австралийских корабелов разработать новый проект подлодки потерпели неудачу из-за невозможности уложиться в бюджетные рамки, правительство Т. Эббота подверглось серьезной критике со стороны собственного ОПК за предпочтение японского проекта отечественным разработкам и было вынуждено рассматривать варианты участия национальных предприятий в строительстве подлодок японской конструкции [33]. Поставка Soryu Канберре могла бы стать первым заметным событием с участием Токио на международном рынке вооружений, самым фактом обсуждения ее условий Япония и Австралия намеревались продемонстрировать США готовность увеличить свой вклад в дело обеспечения региональной безопасности [35].

Объявленное в апреле 2016 г. правительством Малкольма Тёрбнулла решение Канберры о закупке субмарин у французской компании DCNS оказалось неприятным сюрпризом для японского правительства, поскольку в Токио были уверены в беспорных преимуществах своего предложения, зарубежные эксперты также рассматривали Японию как безусловного фаворита. О степени разочарования Токио в действиях своего партнера можно судить по комментариям министра обороны Японии Накатани Гэн: «Я хочу получить объяснения, почему выбрали не нас, и сделаю соответствующие выводы» [11]. В японских СМИ появились предположения о том, что выбор не в пользу Японии во многом был сделан австралийцами под давлением со стороны Пекина, являющегося важнейшим торговым партнером Канберры в ряде стратегических секторов экономики и не желающего пассивно наблюдать за укреплением ее отношений с Токио в сфере безопасности.

В отличие от ситуации с Анкарой, фиаско с Канберрой может иметь более серьезные последствия, поскольку в Токио надеялись, что поставка субмарин в Австралию продемонстрирует японскому обществу и соседям Японии по региону успешность курса С. Абэ на укрепление связей с дружественными государствами в оборонной сфере, а также наличие значительных выгод от этой политики не только для безопасности Японии, но и для ее экономики.

Подлодками класса Soryu также заинтересовались ВМС Индии, которые планируют потратить 8,1 млрд. долларов на шесть новых дизельных субмарин. В марте 2013 г. министр обороны Индии Манохар Паррикар предложил своему японскому коллеге Г. Накатани во время их встречи в Токио, чтобы Soryu участвовала в индийском тендере, но получил уклончивый ответ. Несмотря на тесные контакты двух стран в оборонной сфере, отсутствие у Японии заинтересованности в отношении экспорта подлодок в Индию может быть связано с отсутствием на ведущихся с 2011 г. переговорах внятного ответа Дели насчет закупки японского самолета-амфибии ShinMaywa US-2 [24], о чем подробнее будет сказано ниже.

Из предположений представителей экспертного сообщества, например, работающего в Королевском колледже Лондона эксперта по морским вооружениям Алессио Паталано

(Alessio Patalano), можно сделать вывод, что субмарины класса Soryu имеют не слишком хорошие перспективы продаж в страны, находящиеся на сопоставимом с Индией уровне технологической культуры, который, безусловно, весьма высок, но все же недостаточен для их постройки на национальных верфях и последующей эксплуатации. Недостатком японских субмарин в этом случае также является заявленный примерно в 20 лет период активной их эксплуатации. Кроме того, возможности субмарины по автономности превосходят потребности большинства военных флотов, действующих в акватории Индийского океана. А. Паталано полагает, что сдержанность Японии здесь является вполне обоснованной, поскольку для ее репутации как производителя ПВН не пошло бы на пользу еще одно фиаско в «копилке» несостоявшихся сделок [24].

Краткий обзор экспортных перспектив японского военного авиастроения целесообразно начать с краткого обзора истории переговоров между Токио и Дели о вышеупомянутом контракте по гидросамолету ShinMaiwa US-2. Данная модель может быть использована для решения широкого круга задач, например, патрулирования и спасательных операций, и является единственным в мире гидросамолетом, способным осуществлять взлет и посадку при волнении моря в пять баллов.

С появлением US-2 в тендере авиации ВМС Индии на поставку поисково-спасательных гидросамолетов, объявленном в конце 2010 г., в котором также участвовали российский Бе-200, канадский Bombardier 415 и американский проект Sea Star, его результат был практически predetermined. В январе 2014 г. Онодера Ицунори, занимавший пост главы оборонного ведомства Японии, в ходе своего визита в Дели достиг со своим индийским коллегой А.К. Энтони предварительной договоренности о поставке в Индию японских самолетов-амфибий и об участии индийской стороны в разработке версии US-2 под ее требования. В пользу US-2 сыграли не только хорошие взлетно-посадочные характеристики, но и политический аспект – заинтересованность в развитии военно-политических связей с Токио в качестве противовеса растущим военным возможностям Пекина.

В совместном заявлении премьер-министра Японии С. Абэ и премьер-министра Индии Нарендры Моди, опубликованном в декабре 2015 г., было подтверждено намерение правительств этих стран способствовать углублению сотрудничества в оборонной сфере, «включая технологическую кооперацию, совместные разработки и производство» [19]. В его тексте был особо упомянут спасательный гидросамолет US-2 в качестве перспективного варианта подобного сотрудничества. Согласно источникам в Дели, контракт на 1,65 млрд долл. о поставке двух готовых самолетов и сборке еще десяти в Индии по лицензии был готов к подписанию в первом квартале 2016 г. [15]

Продажа самолета US-2 в Индию могла бы явиться для Японии знаковым событием и означала бы выход на мировой рынок третьего производителя «больших» гидросамолетов после российского ОАО «ТАНТК имени Г.М. Бериева» и канадской компании Bombardier Aerospace. Интерес к US-2 уже проявляли Австралия, Индонезия и Бруней [5].

После состоявшегося 4 марта 2016 г. саммита глав внешнеполитических ведомств Японии, Индии и Австралии в индийских СМИ появилась, со ссылкой на официального представителя МИД Японии Ясухису Кавамуру, информация о том, что у Японии отсутствуют планы зарубежных поставок US-2 в ближайшей перспективе и что этот вопрос

не обсуждался в ходе данной встречи. В МИД Индии комментировать данную информацию отказались [22], связанные с оборонным ведомством источники предположили, что возникшие трудности связаны с введением индийским правительством новой системы военных закупок. Решение по ним перешло к ведению Совета по оборонным закупкам Индии (Defence Acquisition Council) под председательством министра обороны, что и могло оказаться причиной задержки с подписанием контракта по US-2, поскольку до этого переговоры велись совместной рабочей группой из представителей индийского и японского правительств, что не соответствует новым правилам [10].

Франц-Стефан Гади (Franz-Stefan Gady), эксперт по вопросам международной безопасности, выражает осторожный оптимизм в отношении продажи US-2 в Индию, полагая, что в конце текущего года либо в следующем контракт все же будет заключен. Основная проблема, по его мнению, связана с отсутствием у японской стороны достаточного опыта общения с чиновниками из военного ведомства Индии [15].

Еще один тип разработанного в Японии самолета может иметь неплохие экспортные перспективы. Это базовый патрульный самолет Kawasaki P-1, вооружение и другие характеристики которого делают его пригодным как для борьбы с подводными лодками, так и для решения более широкого круга задач в условиях «серой зоны» безопасности. Первое предложение о его поставке было сделано в июле 2014 г. во время авиасалона в Фарнборо, причем японская сторона решила заинтересовать британских военных, ищущих замену выведенным из боевой эксплуатации в 2011 г. самолетам Hawker Siddeley Nimrod собственного производства. В случае участия в тендере Kawasaki P-1 вступил бы в конкуренцию с продукцией авиапрома союзника Токио – самолетом P-8 Poseidon американского концерна Boeing. Kawasaki P-1 при этом имел бы невысокие шансы на победу, поскольку британские ВМС осуществляют патрулирование в водах Атлантики во взаимодействии с флотом США, и, помимо политических причин, влияющих в таких случаях на выбор Лондона, сильным преимуществом P-8 Poseidon является его оперативная совместимость с системами связи и управления Королевских ВМС. Единственным привлекательным моментом для британцев могло бы выглядеть следующее обстоятельство: в случае совместной разработки экспортного варианта Kawasaki P-1 Лондон мог получить доступ к новейшим радарным и другим чувствительным технологиям, что исключалось в случае контракта с Boeing из-за ограничений Пентагона.

Даже в случае отсутствия конкретного результата внимательное рассмотрение Великобританией японского предложения способствовало бы, по мнению британского аналитика Симона Челтона (Simon Chelton), привлечению внимания других потенциальных покупателей, например Новой Зеландии, Норвегии, Канады. В итоге британцы Kawasaki P-1 не заинтересовались, но на этот самолет обратили внимание военные Таиланда [16, 29].

Завершая описание попыток японского военного авиапрома получить зарубежные контракты, представляется целесообразным уточнить следующее обстоятельство. Несмотря на то, что компании ShinMitsubishi, Kawasaki Heavy Industries и др. разрабатывают весьма совершенные типы самолетов, Силы самообороны Японии в состоянии обеспечить их заказами в весьма ограниченных объемах. Например, ими планируется приобретение порядка 20 самолетов Kawasaki P-1 до 2020 г. В случае отсутствия у производимой ими авиатехники экспортных

перспектив работа над ее новыми образцами может оказаться экономически неоправданной, что начнет отрицательно сказываться на обороноспособности Японии.

Вместе с тем в экспертном сообществе в основном не видят причин для большого пессимизма в первых неудачах японского ОПК на внешних рынках. Директор Института сравнительных азиатских исследований при Университете Тэмпл (Япония) Роберт Дьюджеррик (Robert Dujarric) полагает, что хотя японские компании и столкнулись здесь с рядом проблем, они умеют учиться на подобном опыте. У Японии нет военной техники, которая прошла «боевую обкатку», почти семидесятилетний период мира и самоограничений в политике безопасности не пошел японскому ОПК на пользу [11]. Стефен Наги (Stephen Nagy), профессор Международного христианского университета в Токио, комментируя ситуацию со срывом сделки по субмарине Soryu, высказал мнение, что поскольку сфера военного экспорта очень важна для С. Абэ и он рассматривает ее как способ обеспечения японского технологического и экономического роста, Япония, если ей действительно нужны крупные международные контракты, должна овладеть приемами продвижения своей военной продукции на зарубежных рынках [11].

* * *

Японии будет весьма сложно стать самодостаточным актором на глобальном рынке вооружений, но в региональном масштабе она может добиться определенных успехов. Сильным конкурентом японских компаний здесь можно рассматривать военно-промышленный комплекс Республики Корея. Вместе с тем некоторые страны, находящиеся вблизи региональных очагов «серой зоны» безопасности, с некоторыми надеждами присматриваются именно к Токио, при этом вместе с вооружением японского производства они рассчитывают заручиться поддержкой со стороны японо-американского альянса. Учитывая содержание утвержденных в апреле 2015 г. новых Руководящих принципов оборонного сотрудничества США и Японии [41], характер подобной поддержки может выйти за сугубо политические рамки.

Список литературы

1. Бэйдэйкаку-но тайко-ни мукэта тэйгэн // Нихон кэйдзай дантай рэнгокай : [Предложения для новых основных направлений программы национальной обороны // Кэйданрэн]. 14.05.2013. URL: <https://www.keidanren.or.jp/policy/2013/047.html> (дата обращения: 26.07.2016).

2. Бэйдэсобиитэн сангэнсоку // Кантэй : [Три принципа трансфера продукции военного назначения // Канцелярия премьер-министра Японии]. 01.04.2014. URL: http://www.kantei.go.jp/jp/kakugikettei/2014/_icsFiles/afieldfile/2014/04/01/20140401-1.pdf (дата обращения: 26.07.2016).

3. Коккаандзэн хосё сэнряку-ни цуйтэ // Кантэй : [Стратегия национальной безопасности // Канцелярия премьер-министра Японии]. 17.12.2013. URL: http://www.kantei.go.jp/jp/kakugikettei/2013/_icsFiles/afieldfile/2013/12/17/20131217-1_1.pdf (дата обращения: 26.07.2016).

4. *Парамонов О.Г.* Японо-американская ПРО – фактор изменений базовых принципов политики Токио в области безопасности // Япония в поисках новой глобальной роли. М.: Вост. лит. 2014. С. 109–126.
5. СМИ: В индийском тендере победили японские самолеты-амфибии ShinMaywa US-2 // Деловая газета «Взгляд». 09.01.2014. URL: <http://www.vz.ru/news/2014/1/9/667157.html> (дата обращения: 26.07.2016).
6. Япония и проблемы безопасности в АТР / отв. ред. В.Н. Бунин. М.: Центр по изучению современной Японии, 1996. 318 с.
7. Япония предложила Индии самолеты-амфибии // Лента.Ру. 17.11.2011. URL: <http://www.lenta.ru/news/2011/11/17/amphib> (дата обращения: 26.07.2016).
8. Япония смягчила запрет на экспорт военной продукции // Лента.Ру. 27.12.2011. URL: <http://www.lenta.ru/news/2011/12/27/relax/> (дата обращения: 26.07.2016).
9. *Aoki M.* Abe eases weapons export rules // The Japan Times. 01.04.2014. URL: <http://www.japantimes.co.jp/news/2014/04/01/national/politics-diplomacy/abe-eases-weapons-export-rules/> (дата обращения: 26.07.2016).
10. Bureaucratic Headwinds Spook Shinmaywa US-2 Aircraft Procurement in India // Defenseworld.net. 30.03.2016. URL: http://www.defenseworld.net/news/15715/Bureaucratic_Headwinds_Spook_Shinmaywa_US_2_Aircraft_Procurement_in_India (дата обращения: 26.07.2016).
11. Can Japan's defense firms bounce back from failed Australia sub bid? // Deutsche Welle. 02.05.2016. URL: <http://www.dw.com/en/can-japans-firms-bounce-back-from-failed-australia-sub-bid/a-19229228> (дата обращения: 26.07.2016).
12. China seen behind Japan's failed Turkey arms deal // Nikkei Asian Review. 03.08.2014. URL: <http://asia.nikkei.com/Politics-Economy/International-Relations/China-seen-behind-Japan-s-failed-Turkey-arms-deal?page=1> (дата обращения: 26.07.2016).
13. Foreign Ministry Spokesperson Hong Lei's Regular Press Conference on April 1, 2014 // Ministry of Foreign Affairs, the People's Republic of China. 01.04.2014. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/2511_665403/t1143219.shtml (дата обращения: 26.07.2016).
14. *Gady F.-S.* How Japan Plans to Conquer the Global Arms Market // The Diplomat. 07.06.2016. URL: <http://thediplomat.com/2015/05/how-japan-plans-to-conquer-the-global-arms-market/> (дата обращения: 26.07.2016).
15. *Gady F.-S.* Is the Japan-India Military Aircraft Deal Dead? // The Diplomat. 05.03.2015. URL: <http://thediplomat.com/2016/03/is-the-japan-india-military-aircraft-deal-dead/> (дата обращения: 26.07.2016).
16. *Gady F.-S.* Thailand Mulling Purchase of Japanese Sub-Hunting Aircraft // The Diplomat. 07.06.2016. URL: <http://thediplomat.com/2016/06/thailand-mulling-purchase-of-japanese-sub-hunting-aircraft> (дата обращения: 26.07.2016).
17. Implementation guidelines for the three principles on Transfer on Defense Equipment and Technology (Provisional Translation) / Ministry of Foreign Affairs of Japan. 01.04.2014. URL: http://www.mofa.go.jp/press/release/press22e_000010.html (дата обращения: 26.07.2016).

18. Japan and Britain cement defense ties // Deutsche Welle. 18.10.2013. URL: <http://www.dw.de/japan-and-britain-cement-defense-ties/a-17167667> (дата обращения: 26.07.2016).
19. Japan and India Vision 2025 Special Strategic and Global Partnership December 12, 2015 Working Together for Peace and Prosperity of the Indo-Pacific Region and the World / Ministry of Foreign Affairs of Japan. 12.12.2015. URL: http://www.mofa.go.jp/s_sa/sw/in/page3e_000432.html (дата обращения: 26.07.2016).
20. Japan, France eyeing defense deal // Nikkei Asian Review. 07.01.2015. URL: <http://www.asia.nikkei.com/Politics-Economy/International-Relations/Japan-France-eyeing-defense-deal> (дата обращения: 26.07.2016).
21. Japan, France join hands on defense equipment, fast-breeder reactors // The Japan Times. 05.05.2014 URL: <http://www.japantimes.co.jp/news/2014/05/05/national/politics-diplomacy/japan-france-join-hands-defense-equipment-fast-breeder-reactors/> (дата обращения: 26.07.2016).
22. Japan non-committal on supply of strategic amphibious aircraft to India // The Hindu. 28.02.2016. URL: <http://www.thehindu.com/news/national/japan-noncommittal-on-supply-of-strategic-amphibious-aircraft-to-india/article8290054.ece> (дата обращения: 26.07.2016).
23. Japan, Turkey to develop weapons tech together // Nikkei Asian Review. 12.11.2013. URL: <http://www.asia.nikkei.com/Politics-Economy/Policy-Politics/Japan,-Turkey-to-develop-weapons-tech-together> (дата обращения: 26.07.2016).
24. Japan Unlikely To Join Indian Sub Tender // DefenseNews. 11.04.2015. URL: <http://www.defensenews.com/story/defense/naval/submarines/2015/04/11/india-japan-submarine-soryu-air-conventional-technology-transfer/25454669/> (дата обращения: 26.07.2016).
25. *Jimbo K.* What to expect from the new US–Japan Defense Guidelines // East Asia Forum. 28.10.2014. URL: <http://www.eastasiaforum.org/2014/10/28/what-to-expect-from-the-new-us-japan-defense-guidelines/> (дата обращения: 26.07.2016).
26. Joint Statement on Defense Production Cooperation between Japan and the United States. Defense Production Comitee, Keidanren, Aerospace and Defense Comitee, American Chamber of Commerce in Japan // Nippon Keidanren 17.07.2012. URL: <https://www.keidanren.or.jp/en/policy/2012/059.html> (дата обращения: 26.07.2016).
27. *Kameda M.* Japan, France ink defense gear transfer pact at two-plus-two meeting // The Japan Times. 13.03.2015. URL: <http://www.japantimes.co.jp/news/2015/03/13/national/politics-diplomacy/japan-france-ink-defense-gear-transfer-pact-at-two-plus-two-meeting/> (дата обращения: 26.07.2016).
28. *Keck Z.* Australia and Japan to Ink Submarine Deal // The Diplomat. 08.07.2014. URL: <http://thediplomat.com/2014/07/australia-and-japan-to-ink-submarine-deal/> (дата обращения: 26.07.2016).
29. *Kelly T., Kubo N.* Exclusive: Japan seeks to sell sub-hunting jet to UK as Abe pushes arms exports // Reuters. 07.01.2015. URL: <http://www.reuters.com/article/2015/01/07/us-japan-uk-arms-exclusive-idUSKBN0KG0WG20150107> (дата обращения: 26.07.2016).
30. *Kingston J.* Weapons for peace and proactive pacifism // The Japan Times. 12.04.2014. URL: <http://www.japantimes.co.jp/opinion/2014/04/12/commentary/weapons-for-peace-and-proactive-pacifism/> (дата обращения: 26.07.2016).

31. LDP, Komeito lawmakers reach deal on stringent screening for exporting arms / Kyodo // The Japan Times. 18.03.2014. URL: <http://www.japantimes.co.jp/news/2014/03/18/national/politics-diplomacy/ldp-komeito-lawmakers-reach-deal-on-stringent-screening-for-exporting-arms/> (дата обращения: 26.07.2016).
32. Marie Harf Deputy Spokesperson Daily Press Briefing, Washington, DC / U.S. State Department. 02.04.2014 URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/dpb/2014/04/224329.htm> (дата обращения: 26.07.2016).
33. Mizokami K. Japan's Emerging Defense Export Industry // USNI News. 23.02.2015. URL: <http://news.usni.org/2015/02/23/japans-emerging-defense-export-industry> (дата обращения: 26.07.2016).
34. Pfanner E. Japan Inc. Now Exporting Weapons // The Wall Street Journal. 20.07.2014. URL: <http://www.wsj.com/articles/japans-military-contractors-make-push-in-weapons-exports-1405879822> (дата обращения: 26.07.2016).
35. Pollman M. Japan's First Steps Into the World of Arms Exports // The Diplomat. 15.01.2015. URL: <http://thediplomat.com/2015/01/japans-first-steps-into-the-world-of-arms-exports> (дата обращения: 26.07.2016).
36. Proposals for the new National Defense Program Guidelines // Nippon Keidanren. 20.07.2010. URL: <http://www.keidanren.or.jp/english/policy/2010/067.html> (дата обращения: 26.07.2016).
37. Statement by the Chief Cabinet Secretary on Guidelines for Overseas Transfer of Defense Equipment etc. (Provisional translation) / Prime Minister of Japan and His Cabinet. December 27.12.2011. URL: http://www.kantei.go.jp/foreign/others/201112/___icsFiles/afieldfile/2012/01/31/20111227DA_NWA_e.pdf (дата обращения: 26.07.2016).
38. Tank engine development eyed with Turkey / Kyodo // The Japan Times. 04.01.2014. URL: <http://www.japantimes.co.jp/news/2014/01/04/national/tank-engine-development-eyed-with-turkey/> (дата обращения: 26.07.2016).
39. Turkey, Japan aim for closer defense ties // Daily Sabah. 08.06.2016. URL: <http://www.dailysabah.com/politics/2016/06/08/turkey-japan-aim-for-closer-defense-ties> (дата обращения: 26.07.2016).
40. Turkey, Japan may boost links in defense industry // Hürriyet Daily News. 11.01.2012. URL: <http://www.hurriyetdailynews.com/turkey-japan-may-boost-links-in-defense-industry.aspx?pageID=238&nID=11159&NewsCatID=345> (дата обращения: 26.07.2016).
41. The Guidelines for Japan-U.S. Defense Cooperation / Japan Ministry of Defense. April 27.04.2015. URL: http://www.mod.go.jp/e/d_act/anpo/ (дата обращения: 26.07.2016).

Поступила в редакцию 26.07.2016

Автор:

Парамонов Олег Геннадьевич, кандидат исторических наук, докторант Центра исследований Восточной Азии и ШОС Института международных исследований МГИМО(У) МИД России. E-mail: paramonov_og@rambler.ru

The Output of Japan to Global Arms Markets: the Political Aspect

O.G. Paramonov

During the implementation of the foreign policy doctrines of Prime Minister Shinzo Abe, known as "proactive pacifism", the Japanese government has done considerable work on the revision of some self-restraint in Japanese defense policy, including the ban on the arms export.

The article is devoted to the analysis of Japan's first steps on the international arms market in context with their influence on regional security environment.

Keywords: arms export, Abe doctrine, missile defense, US-Japan alliance, proactive pacifism, new three principles.

Author:

Paramonov Oleg G., Ph.D. (History), Researcher at the Center for East Asian and SCO Studies, Moscow State Institute of International Relations (University), Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation. E-mail: paramonov_og@rambler.ru

Заметки о японском кино: все оттенки розового

Е.Л. Катасонова

На протяжении последних 60 лет розовые фильмы (*пинку-эйга*) являются ведущим киножанром Японии и одним из главных сегментов японской киноиндустрии. И, тем не менее, вплоть до наших дней большая часть этой кинопродукции была обойдена вниманием критиков и историков кино. Однако значение этого жанра не подвергается сомнению. Такие всемирно известные режиссеры, как Куросава Киёси и Такита Ёдзиро, так же, как и мастера экспериментального кино – Дзэдзэ Такахиса и Соно Сион, дебютировали в этом жанре.

Ключевые слова: *пинку-эйга*, эро-гуро-нонсенс, эротика, гротеск, абсурд, малобюджетный фильм, независимая студия, роман-порно, *пинку-ваорэнсу*.

Возможно, это покажется парадоксальным, но своей растущей популярностью в мире японский кинематограф, в первую очередь, обязан режиссерам, пришедшим из телевидения либо из эротического кино – *пинку-эйга*¹. Конечно, по поводу телевидения, вроде бы, все выглядит понятным и вполне закономерным, поскольку такое происходит и в других странах. Однако увидеть экс-порнографов в числе лауреатов престижных премий и в номинациях крупнейших мировых кинофестивалей настолько сложно, что впору считать это явление чисто японским. Назовем лишь несколько громких имен: обладатель «Оскара» Такита Ёдзиро, лауреаты Берлинского международного кинофестиваля Дзэдзэ Такахиса, Соно Сион, неоднократный лауреат Азиатской киноакадемии, призер и номинант Каннского кинофестиваля Куросава Киёси и др.

И это наблюдение подтверждает известный продюсер Асакура Дайсукэ: «За последние 20 лет базой подготовки новых японских режиссеров являлись розовые *пинку-эйга*, киношколы и независимые источники. Их моделями стали фильмы *пинку-эйга*, «Никкацу» роман-порно в 1970-е и АТГ в 1960-е годы, поскольку все они – малобюджетные. Сегодня такие режиссеры, как Такита Ёдзиро и Зезе Такахиса – родом из розового кино, работают на больших киностудиях. Среди них и ветеран японского кино Окусима Исао, работавший ассистентом еще у таких режиссеров, как Вакамацу Кодзи, Ёсида Ёсисигэ и др.» [1].

¹ Обычно под *пинку-эйга*, буквально «розовыми фильмами», понимают эротические ленты, нередко затрагивающие политику и отличающиеся как щедрыми дозами насилия, так и обилием экспериментов в области формы.

Конечно, розовые ленты снимали и снимают не только лучшие киномастера Японии, но и, по большей части, заурядные ремесленники. И, тем не менее, эротический жанр не обошли своим вниманием и многие классики японского кино: Судзуки Сэйдзюн, Синдо Канэто, Исии Тэруо и др. Сегодня об этом открыто говорят Джон Ву, Квентин Тарантино, Джим Джармуш и другие, признавая большое влияние японского эротического кино на свое творчество.

Но, пожалуй, чаще и больше других стилистику пинку-эйга использовали в своих лентах так называемые левые кинематографисты – представители японской «новой волны» в 1960-е годы: Осима Нагиса, Имамура Сёхэй, Ёсида Ёсисигэ и др. Подобно своим западным учителям – Жану-Люку Годару, Клоду Шабролю, Франсуа Трюффо, – они ломали многие нравственные преграды, ниспровергали романтическую любовь, сводили ее к чувственному желанию, проводя через извращения, преступление и насилие. И в этом трудно усмотреть что-либо запретное, ведь секс-кино всегда привлекало многих известных режиссеров и на Западе, среди которых можно назвать имена Стэнли Кубрика, Ларса Фон Триера и др. И Япония в этом смысле также не стала исключением.

Из всех мастеров японского экрана, пожалуй, только Куросава Акира всегда стойко удерживал себя от подобного рода соблазна, жалуясь на засилье секса на Западе и видя в этом одну из главных причин деградации европейского кино. А объектом его критики стали откровенные сцены в картинах Феллини и Бергмана, и он нравоучительно предостерегал японских коллег от подобного рода увлечения. Но морализаторство Куросава не было услышано в японском киномире.

Не так давно, когда за пределами Японии знали еще крайне мало о японском кинематографе, о фильмах пинку-эйга было известно лишь единицам, да и не принято было говорить о них. И в этом откровенно признался авторитетный американский культуролог Дональд Ричи: «Запад ничего не знает об этих фильмах, да и не должен узнать» [2]. Да, тогда эти ленты предназначались только для японского зрителя, показывались в маленьких специализированных кинотеатрах либо распространялись на видеокассетах для домашних просмотров. Но Запад все-таки узнал о них. Сегодня все табу на эту кинопродукцию практически сняты. Открыты границы для показа японских розовых фильмов за рубежом, где проходят кинофестивали и ретроспективы работ известных представителей этого жанра, включая, кстати, и нашу страну. Не говоря уже о неограниченных возможностях всепроникающего Интернета.

В последнее время в Японии и других странах вышло немало книг и статей по этой тематике. В их числе книга «За розовым занавесом» («Behind the Pink Curtain», Godalming, Surrey, England, 2008) большого знатока японского кино из Великобритании Джаспера Шарпа. Он хорошо известен по популярному сайту midnigheye.com, посвященному современному японскому кино. «За розовым занавесом» – это полная история пинку-эйга, подробно рассказывающая не только об особенностях японского эротического кино, но и его взаимодействии с коммерческим и независимым кинематографом, политическими и культурными реалиями Японии.

И, тем не менее, несмотря на столь большое внимание к этой проблеме, до сих пор киноведа многих стран затрудняются дать четкое определение этому жанру, а также

наметить его хронологические, стилистические и иные рамки. На Западе пинку-эйга часто отождествляют с фильмами категории «эксплуатейшн» (exploitation), то есть эксплуатационного кино, куда относят жанровые фильмы, эксплуатирующие какую-либо популярную тему в целях быстрого получения прибыли. В данном случае речь идет о сексе и насилии. Другие проводят прямые параллели с *софткором* – легкой порнографией. А французские критики и вовсе приравнивают пинку-эйга к фильмам Пазолини и Фассбиндера и т.д. Однако кинематограф Европы и Америки не имеет полных аналогов этого японского явления.

Более того, во многом благодаря историку японского кино Джасперу Шарпу в последнее время наметились новые подходы к этому явлению. Так, до недавних пор западные исследователи, взяв за основу определение Томаса Вайссера, называли пинку-эйга все фильмы эротического содержания [3,5]. Шарп же отмечает разницу между студийными и независимыми лентами и предлагает использовать этот термин только при разговоре о независимых фильмах. И, судя по всему, такую точку зрения разделяют сегодня и многие японские критики.

Но в Японии граница между мейнстримом и пинку-эйга не настолько ощутима, как на Западе, так что такое разделение по чисто формальным признакам может лишь нарушить целостное восприятие картины. Ведь в этом случае, к примеру, такие жанры, как *роман-поруно* (roman-porno) и *пинку-ваорэнсу* (pink violence), ставшие популярной продукцией киностудий «Никкацу» и «Тоэй» и шедшие на широком экране, и вовсе выпадают из поля зрения и т.д. Поэтому куда предпочтительнее рассматривать историю этого явления в контексте развития всех основных жанров и направлений японского эротического кино в их ретроспективе.

Речь может идти о выделении трех основных периодов этого кинопроцесса. *Первый* связан с появлением фильмов в стилистике пинку-эйга, главными производителями которых стали небольшие независимые студии. *Второй* период отмечен переходом производства эротических фильмов в стилистике пинку-эйга в руки крупных киноконцернов. И, наконец, *третий* начинается с появления видеотехники, а в дальнейшем и цифровых носителей, что вернуло производство подобного рода кинопродукции в маленькие киностудии и переориентировало в основном на домашние просмотры.

Пинку-эйга, так же, как и *якудза-эйга*, – порождение 1960-х годов, когда кризис кинематографа, связанный, прежде всего, с растущей популярностью и доступностью телевидения, затронул и Японию. Так же, как в Америке и в Европе, японские киностудии искали способы привлечения зрителя, состав которого также резко изменился за эти годы. Выход был один – снять такое, что никогда не будет показано по телевизору в силу этнических, возрастных и другого рода ограничений. В Америке, а затем и в Европе, например, сделали это с помощью жанра exploitation, примерно по тому же пути пошли и в Японии, обратившись к созданию так называемых розовых фильмов – пинку-эйга.

Конечно, смелости японцев в области эротики можно только удивляться. Но при этом японское розовое кино, несмотря на обилие в нем потрясающих своей откровенностью сексуальных сцен и самых изощренных эротических фантазий, нельзя считать порнографическим в полном смысле этого термина. И связано это, прежде всего, с тем, что

порнография, хотя и во многом формально, но все-таки ограничена инструкциями цензуры, базировавшимися на местном законодательстве. В стране с 1907 г. действует ст. 175 Уголовного кодекса, не претерпевшая с тех пор никаких изменений. Эта статья, в частности, устанавливает запрет на производство и продажу любой порнографической продукции. Однако де-факто строгий юридический запрет на производство порнофильмов отсутствует: все вопросы, связанные с кино, регулируют добровольные организации, такие, как Nihon Ethicsof Video Association, которая вправе сама принимать решение о выдаче разрешений или запретов на эти показы. А требования здесь достаточно просты: цензура приемлет практически все, вплоть до эпизодов сексуальных издевательств или изнасилования, за исключением показа полной фронтальной наготы, и требует затемнения интимных мест тела человека.

При этом, как ни странно, жертвами японской цензуры не раз становились вполне невинные европейские ленты и даже такие высокоинтеллектуальные работы, как, к примеру, фильм «Книги Просперо» Гринуэя, снятый в Токио с фестивальных показов. Но в большинстве своем, в Японии, в отличие от многих стран, порнографические ленты сегодня идут на широком экране, а ежегодный объем порнографической кинопродукции в стране достигает 35 тыс. фильмов в год, что ставит эту страну в совершенно уникальное положение [4].

И такое явление вполне объяснимо, прежде всего, принимая во внимание особенности национального менталитета, сформировавшиеся у японцев еще с древних времен под влиянием религиозных представлений, этнопсихологии, культурных традиций и т.д., что определило весьма свободное отношение к сексу и обнаженному телу. Этот подход в корне отличается от того, что происходило в христианской Европе. Исконно японская религия синто всегда относилась к сексу как естественному проявлению природных потребностей человека, на что указывают многие древние мифы и легенды. И, пожалуй, самый известный из них – это сказание о возникновении японских островов в результате сексуальной связи бога Идзанаги и богини Идзанами. Японские исторические хроники «Кодзики» содержали в себе 35 эпизодов, имеющих отношение к физической любви, и т.д. «Эта откровенность в рассказе о сексе и литературных материалах, – пишет японский ученый ЁнэямаТосинао, – сохранилась вплоть до наших дней. В японской культуре не было в отношении секса сознания первородного греха, как это имело место в христианских культурах. Секс и эротика всегда оставалась ведущей темой в японской массовой культуре и не связывались с чувством стыда или вины [5, с. 293].

Особенно пышно эротическое искусство и свобода нравов расцвели в эпоху Эдо. Это и «веселые» кварталы Ёсивара, появившемся в Токио в окрестностях Асакуса, и возникшая и широко распространившаяся в эти годы примечательная практика татуировки, а также разнообразные и нелепые фантазии фетишизма и садомазохизма, вошедшие в японскую культуру благодаря таким авторам театра Кабуки, как Намбоку Цуру IV. Широкое хождение получает эротическая гравюра – *сюнга*, так называемые весенние картинки, в жанре которой работали многие выдающиеся японские художники, начиная с Хокусай Кацусика, и т.д. Кстати говоря, официально производство этой фривольной продукции находилось в те годы под запретом, но на деле на их распространение смотрели сквозь пальцы. Вообще японские

власти никогда – и в прошлом, и в настоящем – не пытались регулировать эту область человеческих отношений, если грубо не нарушались общественные устои.

Однако уже в годы Мэйдзи, когда страна после двух с половиной веков мирной изоляции вынуждена была семимильными шагами наверстывать свое отставание от Запада, произошло сексуальное закрепощение японцев. Стали утверждаться нормы христианской морали. Появилась цензура, которая ввела свои строгие ограничения на показ обнаженного тела и т.д. Но уже к 1920-м годам в стране вновь почувствовали ветер перемен. Ожил вечно бурлящий район Асакуса с его ярмарками и аттракционами, эротическими шоу, ресторанами и турецкими банями. К тому времени в Японии были уже переведены и классика европейской эротической литературы – роман «Декамерон», и работы маркиза де Сада. Появился и свой «японский Эдгар По» – Эдогава Рампо (урожденный Хираи Таро). Когда-то он слыл автором детективной и прочей бульварной, по меркам того времени, литературы. Но с каким-то невероятным художественным чутьем писатель смог почувствовать и уловить те странные и необычные мистические настроения, которые буквально витали в воздухе. И с редкой одержимостью стал внедрять в умы и души местных литераторов и художников свою странную эстетскую идею «*эро-гуро-нонсэнс*»: эротика, гротеск, нонсенс.

Приверженцем этой идеи стал и эстетствующий интеллигент, прославленный Танидзаки Дзюнъитиро, который, разделяя болезненное увлечение своего «младшего собрата» по перу всевозможными чувственными излишествами, сюрреалистическими и безумными видениями, сексуальными отклонениями и фетишизмом, создал особый род эротико-психологической драмы. Несмотря на то, что два писателя в те годы находились на разных уровнях литературной иерархической лестницы, совпадения в их высказываниях, мыслях, образах порой поразительны. Они проповедовали один особый вид эротизма – шокирующее сочетание желаний, страстей, пороков, ужаса и абсурда, который получил широкое распространение в японском искусстве в послевоенные годы и особенно ярко предстал в глянцево-журналах и художественных фильмах того времени. Тогда же, в начале 1920-х годов, произошло и еще одно знаковое событие в художественном мире Японии: японские актрисы все чаще стали примерять на себя женские роли, отодвигая на задний план мужчин-актеров, выступавших в женском амплуа *оннагата*. Это были Курисима Сумико, Хаара Комако и др. Но вскоре годы романтики сменились «периодом мрака», связанным с милитаризацией страны и разгулом политических репрессий. А затем грянула война – сначала в Китае, а затем на Тихом океане, закончившаяся полной капитуляцией Японии.

И последовавшая вслед за этим американская оккупация, как когда-то в годы Мэйдзи, повлекла за собой новые коренные сдвиги не только в экономике, политике, общественных настроениях, но и в жизненных устоях и нравах людей, вновь оказавшихся во власти западной массовой культуры, причем поначалу преимущественно американской. Из маленьких уютных кафе полились звуки американского джаза, японская молодежь стала разучивать рок-энд-ролл. В продаже появились американские эротические журналы: «Playboy» и др. Пошла мода на стриптиз, и открылись первые стрип-бары, самым популярным из которых стал легендарный клуб «Китанкурабо», получивший свое название по аналогии с популярным *эро-гуро*-журналом. На экранах пошли иностранные фильмы:

«Лето с Моникой» Ингмара Бергмана, «Любовники» Луи Маля, «Аморальный мистер Тис» Рассы Майера и т.д. с весьма откровенными по тем временам сценами. Одним словом, нравственное раскрепощение японцев стало быстро расширять свои рамки и в жизни, и в искусстве.

Но в отечественном кино все еще действовали свои строгие цензурные ограничения, царил официальный запрет на показ на широком экране обнаженного тела, не говоря уже о демонстрации сексуальных сцен. Достаточно сказать, что впервые поцелуй в японском кино, да и то осмотрительно прикрываемый зонтиком, японские зрители увидели лишь в 1946 г., и это стало настоящей национальной сенсацией. Конечно же, несмотря на запреты, японская эротическая продукция в те годы тоже существовала, но до начала 1960-х годов обнаженную натуру и сцены секса можно было увидеть только в однокатушечных порнофильмах, сделанных нелегально подпольными продюсерами, наподобие тех, каких изобразил Имаматура Сёхэй в своем фильме «Порнографы: введение в антропологию» («Эроготоситатиёри: дзинруйгаку нюмон», 1966).

Первым же японским розовым фильмом стала 40-минутная картина Кобаяси Сатору (1930–2001) «Рынок плоти» («Никутай-но итиба», 1962), снятая на «СтудииОР», копия которой сегодня хранится в Японском центре кино. Эта достаточно простая по сюжету короткометражная картина была снята при очень скромном по тем временам бюджете в 8 млн иен, но произвела большой резонанс в японском киномире. Практически на следующий день после выхода фильма на экран полиция изъяла пленку из кинотеатра за непристойное содержание, но навсегда сделала имя Кобаяси знаменитым. Вопрос тогда решился просто: после существенных цензурных сокращений, в результате которых продолжительность фильма свелась к 21 минуте экранного времени, показ был продолжен с огромным успехом. Кассовый сбор достиг не сравнимой с затратами цифры в 100 млн иен [6].

Но не только этим запомнилась японцам лента, «Рынку плоти» они во многом обязаны рождением нового жанра и его названием: дело в том, что в своей рецензии на этот фильм журналист Мураи Минору впервые употребил это словосочетание – *пинку-эйга*, розовое кино. С тех пор этот термин прочно вошел в оборот, как среди специалистов, так и широкой публики. Розовый цвет всегда ассоциировался у японцев с женским началом, трудно найти лучшее словосочетание для описания картин, где присутствуют много едва одетых или вообще обнаженных женщин.

Впоследствии Кобаяси Сатору назовут самым востребованным и самым продуктивным режиссером японского кино. Его фильмография насчитывает около 400 лент, преимущественно «розового» содержания, иногда с элементами хоррора (*эро-кайдан*) или социальной драмы [7]. А еще он вывел на большой экран целую плеяду актрис, ставших «принцессами» и «королевами» розового кино: Мацуи Ясуко, Мацудзаки Кимико, Маэда Митико, Миясита Дзюнко и, конечно же, Тамаки Катори. Эта полюбившаяся всем исполнительница главной роли в «Рынке плоти» только в течение 1960-х годов снялась в более чем 600 розовых фильмах.

Другой культовой фигурой в области низкобюджетного «розового кино» стал Вакамацу Кодзи – личность до крайности противоречивая: человек, не получивший высшего

образования, прошедший путь от мелкого якудза до одного из самых известных режиссеров Японии. Прирожденный бунтарь, левый радикал, политический и нравственный провокатор, изощренный эстет и, наконец, талантливый коммерсант.

Он дебютировал на «Никкацу» в начале 1960-х годов, сняв за пару лет 20 лент в жанре пинку-эйга, а затем, в 1965 г., в обход национальной отборочной комиссии отправил свою ленту «Тайное действие за стенами» («Кабэ-но нака-но дэкигото») на Берлинский кинофестиваль. Тогда этот фильм вызвал грандиозный скандал, после чего на родине Вакамацу окрестили «национальным позором Японии».

После случившегося режиссер уже не мог более рассчитывать на благосклонность студийного начальства. И без всяких покровителей извне и стабильных источников финансирования в 1965 г. создал свою собственную независимую кинокомпанию «Вакамацу продакш». Это было достаточно распространенным явлением тех лет: вплоть до начала 1970-х годов основная часть розовой продукции выпускалась независимыми студиями с очень скромным бюджетом. Слепленные за считанные дни, с непрофессиональными актерами за символические гонорары, эти поделки часто становились в Японии объектами скандалов. Но такое было далеко не всегда, поскольку жанр был и остается идеальным для независимого постановщика. Главное требование, предъявляемое к режиссеру, – не менее шести секс-сцен на час с небольшим экранного времени. А в остальном – полная свобода, которую нельзя получить ни в одном жанре.

Так, практически с нулевым бюджетом, в 1966 г. Вакамацу снял свой первый независимый эротический фильм «Тайная охота эмбриона» («Тайдзи га мицурё-суру токи»). Эта странная садомазохистская история, походящая во многом на эротический кошмар, рассказывает о жертве жестокого истязателя и ее мести... А затем режиссер начинает выпускать до 12 лент в год. И хотя содержание некоторых из его садомазохистских опусов порой трудно отважиться пересказать, эти ленты по своей стилистике все же больше напоминали художественные эксперименты представителей новой волны, чем образцы порнопродукции. Его фильмы «Ангелы и насилие» («Окасарэта хакуи», 1967), «Секс – террор» («Сэйдзоку», 1970), «Иди, иди, вечная девственница» («Юкэюкэнидомэ-но сёдзё», 1969) и др. сравнивали с ранними работами самого Годара [8], вот почему они нередко попадали на широкий экран.

Конечно же, в его фильмографии много и таких работ, в которых даже по японским меркам слишком много секса и насилия, о чем нетрудно судить по их названиям: «Серийный насильник» («Дзюсан-нинрэндокубокома», 1978), «Неистовые пытки» («Богякуонна гомон», 1978), «Жестокая девственница» («Gewalt! Gewalt: сёдзёгэба-гэба», 1969) и т.д. Но в этих своих злых фильмах Вакамацу использует сексуальное насилие в качестве механизма борьбы с государством. В годы молодости он много вращался в кругу протестных режиссеров, открыто выражая в фильмах свою солидарность с антиправительственными студенческими выступлениями, и даже не скрывал своих тесных контактов с японской леворадикальной организацией «Красная Армия». За эти связи он был объявлен персоной нон грата сразу в нескольких странах, включая США и СССР. Зато у себя на родине вплоть до середины 1970-х он по-прежнему слыл голосом протестующей молодежи, из рядов которой режиссер рекрутировал большую армию своих преданных зрителей и поклонников.

И, тем не менее, несмотря на свое бурное прошлое и леворадикальные воззрения, после скандального, но громкого международного успеха «Империи чувств» Осима Нагиса, где он выступил сопродюсером, Вакамацу уходит в мейнстримное кино. И это был путь, который избрали в те годы многие независимые режиссеры – представители розового кино.

Дело в том, что необходимость выживать в эру развития телевидения и индустрии развлечений заставила даже крупные компании обратиться к эро-фильмам, так как лишь они в этот период приносили доход. Так наступила пора респектабельности розовых фильмов, пинку-эйга, которые фактически стали японским мейнстримом и охватили собой множество других жанров – от романтических драм и садомазохистских триллеров до эротических комедий, криминальных лент о преступлениях – якудза-эйга и фильмов ужасов. Так начиналась вторая волна в истории розового кино, в которую на сей раз втянулись гиганты кинопроизводства.

Первым полнометражным игровым художественным фильмом в стиле пинку-эйга была лента Тэцудзи Такэси «Видение» («Хакудзицуми»), снятая на «Сётику». Ее сюжет представлял собой описание болезненных сексуальных галлюцинаций пациента в кресле стоматолога. Этот фильм, в котором в главной роли выступила молодая актриса Мисси Канако, незадолго до этого открытая Вакамацу, представляет собой причудливое смешение стилистики жанра пинку-эйга с его садомазохистскими вариациями и сюрреалистического сюжета в стилистике эрогуро, заимствованного у Танидзаки Дзюньитиро. Но сам писатель постарался всеми путями откреститься от такого соавторства из-за громкого скандала, поднятого цензурой. А начинающий режиссер Тэцудзи, напротив, радовался такому громкому «боевому крещению», за которое вскоре получил негласный титул «крестного отца японской эротики». В том же 1964 г., как бы в очередной раз провоцируя критиков и зрителей на новый скандал, он выпускает вторую ленту – «Сны красной комнаты» («Кокэйму»), вновь созданную по мотивам произведений Танидзаки. Но прежнего ажиотажа не состоялось.

Зато самые шумные события последовали год спустя, когда Тэцудзи закончил съемки фильма «Черный снег» («Курой юки», 1965), вызвавшего очередной громкий конфликт с цензурой и его двухгодичное разбирательство в суде. В итоге выиграл режиссер, причем, благодаря поддержке его коллег по кинематографическому цеху: они отстаивали свои права на расширение рамок свободы дозволенного в кино. Теперь в противоположность западной цензуре, которая вырезала куски из фильмов, японская стала довольствоваться оптическим смазыванием и ретушированием запретных для показа мест, оставляя метраж картины без изменений. И этой благоприятной ситуацией воспользовались многие режиссеры. Так постепенно секс и эротика входят в мейнстримное кино.

Жесткая конкуренция в борьбе за зрителя разгорелась между двумя крупнейшими студиями – «Никкацу» и «Тоэй», каждая из которых выработала свой фирменный стиль в эротическом кино. Первая стала специализироваться на так называемых романтических порно – *роман порно* (*роман-поруно*), эротических софткорных фильмах, как правило, не имеющих ничего общего с романтикой. Но зато это запоминающееся сочетание слов позволяло четко отделить продукцию «Никкацу» от другого популярного тогда жанра, *пинку софто порно* (*pink soft porno*), причем не только по названию, но и по стилистике.

Название оказалось обманчивым: ничего более откровенного, чем европейская эротика той поры, в пинку софуту поруно обнаружить нельзя. Зато на «Никкацу» в стилистике роман-порно стали производить куда более откровенные картины, правда, трактующие секс с более возвышенной и романтической точки зрения, нежели обычная серийная продукция.

Первым фильмом «Никкацу» в новом формате стал «Роман в полдень» («Дантидзума: хирусагари-нодзёдзи», 1971) режиссера Нисимура Сёгоро, рассказывающий о замужней домохозяйке, которая из-за равнодушия мужа пускается на поиски сексуальных приключений. Впоследствии режиссер признавался: «Я не знал, как снимать фильм, потому, что никогда раньше не смотрел *пинку-эйга*. По счастью, актриса Кадзуко Сирокава была ветераном жанра» [8]. Эта лента сразу же стала в Японии абсолютным хитом, легла в основу 20 сиквелов и дала название самому жанру. А вслед за Нисимура на «Никкацу» появилась целая плеяда режиссеров, обратившихся к новому жанру: Фудзита Тосио, Муракава Тору, Като Акира, Хаяси Исао и др. Все они считались профессионалами высокого класса, но, возможно, одно лишь их мастерство не могло гарантировать успех новым фильмам, если бы не участие таких красивых и талантливых актрис, как Хара Эцуко, Сирокава Кадзуко, Миясита Дзюнко и, конечно же, несравненная Тани Наоми – главная звезда роман-порно.

И все-таки, среди этого большого числа актеров и режиссеров, приложивших свою руку к созданию розового кино на «Никкацу», под номером вторым после Нисимура всегда называют Тацуми Кумасиро (конечно, если следовать хронологии, но не сравнивать художественные достоинства работ каждого из них, поскольку в этом случае очередность, наверное, пришлось бы поменять). Только за 2 года своей работы на «Никкацу» Тацуми снял около десятка таких лент, быстро превратившись из неизвестного режиссера в «короля роман-порно». Одним из его самых успешных фильмов «Мир гейши» («Ёдзёханфусума – но урабари», 1973) вызвал не только восторженные отзывы авторов весьма авторитетного в мире кино журнала *Kinema Junpo*, но и Франсуа Трюффо, при жизни по достоинству оценившего японского мастера роман-порно [9].

В отличие от других японских, а, тем более, европейских режиссеров, Тацуми не стремился ставить и решать в своих работах какие-то сложные философские, исторические или социальные проблемы. Главная же идея, которая просматривается во всех лентах режиссера, – вечное противостояние женской силы, скрываемой за внешней хрупкостью, и мужской слабости, искусно спрятанной за показной брутальностью. Но дело не только в сюжетах его картин, хотя многие из них Тацуми черпал из произведений известных японских писателей: Нагаи Кафу («Мир гейши»), Танидзаки Дзюнъитиро («Ключ», «Каги», 1974) и т.д.

Главное в том, как он переносил эти истории на экран. Постепенно овладевая постановочным мастерством, Тацуми научился снимать самые смелые и откровенные сцены практически без монтажа, одним долгим планом, при этом постоянно меняя ракурс съемки и скрывая таким образом от глаз зрителей все запрещенное к показу. И это стало фирменным стилем Тацуми.

А «Тоэй» избрала для себя более жесткий жанр эротики – «розовую жестокость», *пинку-ваорэнсу* (*pink violence*), взяв за основу традиционные для себя гангстерские фильмы *якудза-эйга* и абсурдный эротический гротеск – *эро-гуро*. Иногда его так и определяют:

«безумный в лучшем смысле этого слова гибрид боевика и эротики» [10], и относят к этому жанру «жесткое приключенческое кино с большим содержанием контента для взрослой аудитории» [11]. И здесь, конечно, не обошлось без участия ведущих режиссеров студии, считающихся родоначальниками этого жанра – Судзуки Норифуми, Исии Тэруо и др.

Эталоном жанра пинку-ваорэнсу принято считать ленту Судзуки «Секс и ярость» («Фурёанэго-дэн: Иносика Отё», 1973). Она не только стала культовой в Японии, но широко цитируется на Западе в фильмах Роберта Родригеса, Квентина Тарантино и др. Популярный американский режиссер не раз восторженно говорил об этом фильме, вдохновившим его как своим сюжетом, так и визуальным рядом, на создание известного боевика «Убить Билла» [12]. А по силе воздействия цветом фильм «Секс и ярость» часто сравнивают со знаменитым фильмом ужасов итальянского режиссера Ардженто «Суспирия».

Сюжетные линии этой картины много раз пересекаются, вызывая большое количество неожиданных поворотов, сексуальных сцен и кровавых столкновений, и часто наводят на мысль о том, если ли в ней какая-нибудь связь с реальностью. Действие фильма переносит нас в конец XIX века и делает свидетелями страшного события: на глазах маленькой девочки происходит убийство ее отца. Она вырастает и становится профессиональной преступницей: ловкой воровкой, опытным игроком в карты, виртуозно владеет мечом и искусством соблазнения. Главная цель ее жизни – найти убийцу отца и отомстить, и она решительно идет по этому пути, попадая в невероятные ситуации и преодолевая нечеловеческие испытания, сражаясь с большой международной криминальной группировкой и т.д.

Кажется, что в этой картине есть все – красивая героиня, в роли которой впервые появилась на экране одна из главных звезд этого жанра Икэ Рэйко, гармонично вписавшаяся в японский актерский состав шведка Кристина Ландберг, играющая британскую шпионку и т.д. А вдобавок к этому – великолепная хореография битв на мечах, красивое обнаженное женское тело, секс, насилие, вульгарный юмор, садомазохизм, исторический и политический подтекст и т.д. Чего только стоит одна из первых сцен фильма, в которой нагая Икэ Рэйко сражается с толпой бандитов! Конечно, стилистически фильм собран из многочисленных эпизодов, что порой нарушает логику событий. Но нужна ли она, коль скоро здесь столько динамики и секса? Расчет полностью оправдал себя.

Сразу же после успешного проката «Секса и ярости» руководство «Тоэй» решает снять сиквел этой картины под названием «История женщины-якудза» с той же Икэ Рэйко в главной роли, но поручает это уже другому своему прославленному режиссеру, Исии Тэруо. Этот талантливый киномастер к тому времени уже приобрел репутацию человека, который может снимать буквально все – криминальные ленты, фильмы о каратэ, интеллектуальные картины о внутреннем мире художника, и даже успел зарекомендовать себя как поклонник нуара. Но главной мечтой его жизни всегда оставались съемки фильмов в жанре эро-гуро его любимого писателя Эдогава Рампо.

Эти безумные эротико-гротескные мотивы врываются в его творчество с выходом «Женщин клана Токугава» («Токугаваоннакэйдзу», 1968), а затем вновь появляются и в другой известной ленте «Ад мук» («Токугаваирэдзуми-си:сэмэдзигоку», 1969), ставшей одной из точек отсчета в развитии этого жанра. Исии не знал запретных тем, он любил провокационную эротику, черный юмор, кровавые сцены, красивых актрис. И все эти

пристрастия воплотились в его следующей мрачной картине «Оргии в Эдо» («Дзанкуоидзёгякутаймоногатари: Гэнрокуоннакэйдзу», 1969). «Я зашел максимально далеко в показе секса и насилия... мне самому было интересно, насколько смогу раздвинуть рамки приличия...», – признавался Исии [8]. И он, действительно, поднял градус эротического накала в своих, как он сам называл, «пыточных» фильмах чуть ли не до самой высокой отметки. В фильме есть несколько запоминающихся эпизодов, например, сцена, в которой стадо разъяренных быков терзает девушек в красных платьях, постепенно оголяя их и убивая... Но, тем не менее, критики не приняли эти смелые художественные эксперименты Исии, назвав его «королем японского дурного вкуса» [13].

А сам режиссер в свою защиту честно заявил о том, что все эти фильмы о пытках и преступлениях – не его выбор, а коммерческий ход продюсеров. Но Исии лукавил, поскольку взялся за этот проект в расчете получить возможность снять, наконец, своего любимого Эдогава Рампо. И такая возможность вскоре настала. В 1969 г. он, наконец, выпускает столь желанный его сердцу фильм «Избранное Эдогава Рампо: ужасы обезображенного народа» («Кёфукикэйнингэн: Эдогава Рамподзэнсю», 1969). Но публика и критика восприняли картину весьма настороженно, увидев в ней откровенную сатиру на общественные устои. По этой же причине фильм не пошел в широкий прокат. И руководство студии временно отстраняет Исии от работы. Правда, его уже ждали на «Никкацу», готовясь к съемкам трилогии о восставшем драконе («Ноборирютэксахада», 1970). А после этого мастера вновь зовут на «Гозэй», правда, теперь ему было суждено создавать ленты совершенно других жанров – о боевых искусствах, байкерах и т.д.

И это – явный показатель того, что зрительский спрос на розовое кино стал постепенно спадать. В начале 1980-х годов выход на рынок домашнего видео и вовсе сокрушил «розовое» кинопроизводство. Теперь эротика и порнография переместились из кинотеатров в квартиры как «видео для взрослых» (adultvideo), а их производство вновь стало делом небольших независимых компаний. Но жанр *пунку-эйга* не теряет своей популярности. По мнению эксперта в области кино Хаяси Ёсиюки, «страсть к розовым фильмам не угасает. Это культура, которая всегда выживает» [14].

Список литературы

1. Akasaka Daisuke. Swimming in a Sea of Image: about Japanese Cinema in 2012 / Desistfilm. 10.2012. // URL: <http://desistfilm.com/swimming-in-a-sea-of-image-about-japanese-cinema-in-2012/> (дата обращения: 11.08.2016).
2. D. Richie's Introduction to A. Bock's Japanese Film Directors. N.Y., 1990.
3. Thomas Weisser, Yuko Mihara Weisser. Japanese Encyclopedia: Sex Films. Miami, Florida, 1998.
4. Lenta.ru. 23.06.2016.
5. Umesao Tadao. Seventy-seven Keys to the civilization of Japan. Osaka, 1990.
6. URL: [https://en.wikipedia.org/wiki/Satoru_Kobayashi_\(director\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Satoru_Kobayashi_(director)) (дата обращения: 11.08.2016).
7. URL: www.kinopoisk.ru/user/1280416 2012 (дата обращения: 11.08.2016).

8. *Агиляр К., Агиляр Д.* Японское эро-гуро и пинку-эйга (1956–1979). URL: <http://pulp-n-trash.blogspot.ru/2014/09/1956-79.html> (дата обращения: 11.08.2016).
9. *Плахов А.* Признанный классиком мастер романтического кино // Коммерсантъ. 06.02.1996.
10. *Денисов И.* Якудза-эйга. Жанровое кино по-японски // Русский журнал. URL: <http://www.russ.ru/pole/YAkudza-ejga> (дата обращения: 11.08.2016).
11. *Комм Д.* Сукэбан // Искусство кино. 03.02.2013. URL: <http://kinoart.ru/blogs/sukeban%20kinoart.ru/blogs/sukeban> (дата обращения: 11.08.2016).
12. *Beet A.* Tarantino's Magpie Moments // The Skinny. Independent Cultural Journalism. 10.01.2013.
13. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Исии,_Тэруо (дата обращения: 11.08.2016).
14. The Japan Times. 01.08.2010.

Поступила в редакцию 11.08.2016

Автор:

Катасонова Елена Леонидовна, доктор исторических наук, руководитель Центра японских исследований Института востоковедения РАН. E-mail: katasonova@rambler.ru

Notes on the Japanese Cinema: All Shades of Pink

E.L. Katasonova

For the past 60 years pink films (pink-eiga) have represented the biggest film genre in Japan, being one of the most vital segments of Japanese film industry. But till present time most pink-eiga productions have gone unnoticed by film critics and film historians. Nevertheless, the importance of this genre for the Japanese cinema is beyond any doubt. Worldwide renowned film directors like Kurosawa Kiyoshi and Takita Yojiro, as well as experimental filmmakers, such as Zeze Takahisa and Sono Sion, have started with pink eiga.

Keywords: pink-eiga, ero-guro nonsense, low-budget film, independent production company, roman-porno, pink-violence.

Author:

Katasonova Elena L., Doctor of Sciences (History), Head of the Center for Japanese Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. E-mail: katasonova@rambler.ru

Система доминантной партии в Японии: некоторые уроки исторического опыта*

Д.В. Стрельцов

В статье рассмотрены особенности системы доминантной партии в Японии в период существования «системы 1955 года» (1955–1993). Особое внимание уделяется тем политическим технологиям, которые правящая Либерально-демократическая партия использовала для удержания своего господства при сохранении всех демократических процедур: методам электоральной политики; методам достижения консенсуса на основе внутрипартийного баланса сил с целью недопущения раскола; методам обновления имиджа партии путем смены руководства; технологиям внесения раскола в ряды оппозиции. По мнению автора, одной из причин устойчивости феномена доминантной партии в Японии является «зависимость от накатанного пути», которая воспроизводит общенациональную политическую модель в различных исторических обстоятельствах.

Ключевые слова: Либерально-демократическая партия Японии, «система 1955 года», система доминантной партии, электоральная стратегия, фракции, «партия-универмаг», «зависимость от накатанного пути».

Мировой опыт свидетельствует о большом многообразии моделей политической системы доминантной партии, в том числе и демократических странах, – достаточно посмотреть на политическую историю Италии, Мексики, Японии и др. За последние годы большое количество внутривнутриполитических кризисов в этих странах внесли эрозию в демократические институты и существенно ослабили общественную поддержку партий власти. Под вопросом оказалась способность системы доминантной партии обеспечивать эффективное правление. Какие-то элементы этой системы оказываются по-прежнему востребованными в нынешних условиях, какие-то, наоборот, уже архаичны и не отвечают современной повестке дня.

Одним из наиболее интересных и поучительных в этом отношении является опыт более чем полувекового господства Либерально-демократической партии Японии (ЛДП). В этой стране система доминантной партии продолжает действовать и сохранять свою актуальность и сегодня. Большой интерес вызывает вопрос о том, какой вклад внес феномен системы однопартийного господства ЛДП в общемировую теорию доминантных партий, каковы были

* Настоящая статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект 16-01-50085.

методики удержания ею власти, в чем поучительность исторического опыта «системы 1955 года» для современной политической теории.

Либерально-демократическая партия удерживала монопольную власть в Японии на протяжении 38 лет, с момента своего основания в ноябре 1955 г. вплоть до ухода в оппозицию в июне 1993 г. 34 года из этого срока она имела большинство в обеих палатах парламента, утратив его только в 1989 г., за четыре года до краха «системы 1955 года», когда большинство в верхней палате перешло к оппозиции. В похожих системах доминантной партии, которые сложились в демократических Швеции и Италии, правящие партии находились у власти без перерывов дольше, чем ЛДП, но не имели столь продолжительного периода абсолютного большинства в парламенте. В 1994 г., уже в постбиполярный период, ЛДП вновь вернулась к статусу правящей партии, хотя и в составе коалиционного правления, и удерживала этот статус вплоть до 2009 г., а затем вновь восстановила его в 2012 г. Более чем полувековой срок пребывания у власти приносит ЛДП лавры чемпиона по продолжительности правления одной партии в демократической стране – дольше, чем в Мексике, Индии, Швеции, Италии, Израиле и др.

Сразу после своего образования в 1955 г. ЛДП имела в парламенте подавляющее большинство – на первых своих выборах в нижнюю палату, прошедших в 1958 г., она получила там 298 из 512 депутатских мандатов, тогда как ее ближайший соперник – Социалистическая партия Японии (СПЯ) – только 131. Однако после этого ЛДП на протяжении нескольких десятилетий постепенно утрачивала позиции ведущей политической силы Японии. Согласно ежемесячным опросам телеграфного агентства Дзидзи цусин, уровень общественной поддержки ЛДП, которая являлась наиболее популярной партией страны, составлял в период с 1960 по 1993 г. в среднем 32,5 % (лишь однажды он превысил 50 %). В постбиполярный период этот показатель снизился еще больше (23,3 % в период 1993–2008 гг.) [6, р. 14]. Таким образом, даже в период расцвета «системы 1955 года» ЛДП не могла быть охарактеризована как партия популистского типа, черпающая свою власть в поддержке со стороны широких народных масс, более того, с течением времени партия постепенно и неуклонно утрачивала свою популярность в японском обществе.

Характерно, что количество поданных за ЛДП голосов на выборах в парламент на протяжении долгого времени практически не менялось. Однако за счет выхода на политическую арену многочисленного послевоенного поколения избирателей, многие из которых стали голосовать за оппозицию, относительный уровень поддержки ЛДП постепенно снижался. В 1967 г. на всеобщих выборах парламента она впервые не получила большинства голосов избирателей, принявших участие в голосовании. К числу убедительных побед ЛДП на выборах в парламент, позволяющих говорить о ее существенном преимуществе над оппозицией, можно отнести лишь триумф либерал-демократов на «двойных выборах» 1980 и 1986 г. – итоги прочих выборов можно оценить лишь как относительный успех.

В чем же заключается секрет поразительной устойчивости и столь долговременного характера однопартийного правления ЛДП? Считается, что доминантные партии представляют собой внутренне цельные и последовательные организации, способные не только удовлетворять потребности своих членов, но и обеспечивать внутреннюю

солидарность перед лицом различных вызовов, и, в первую очередь, связанных с активностью своих политических оппонентов (1, p. 108).

Характерные черты организации и элементов власти ЛДП достаточно хорошо изучены отечественными авторами [11, 12, 17, 21, 22]. Доминантный характер ЛДП как правящей партии обеспечивался ее умением сохранять легитимность своей власти, не прибегая к явно антидемократическим процедурам, но применяя для этого особые политические технологии. При этом актуальность таких специальных методов с течением времени только возрастала. Сами эти методы стали своеобразными ноу-хау партии, обогатившим мировую теорию доминантных партий и вызвавшим к себе пристальный исследовательский интерес.

В настоящей статье рассмотрены следующие виды политических технологий удержания власти:

- 1) методы электоральной политики;
- 2) методы сохранения плюрализма мнений, обеспечения консенсуса на основе баланса сил, недопущения раскола партии и ухода из нее одной из внутренних группировок;
- 3) методы обновления имиджа партии путем смены руководства;
- 4) методы взаимоотношений с политическими оппонентами, включая технологии внесения раскола в ряды оппозиции.

Итак, рассмотрим указанные методы по отдельности. В своей *электоральной политике* ЛДП, как правящая партия, в максимальной степени использовала те пропагандистские преимущества, которые давала ей благоприятная для Японии послевоенная экономическая конъюнктура. К числу ее составляющих можно отнести высокие темпы экономического роста, низкий уровень безработицы, никогда не превышавший 5 %, низкую инфляцию (за исключением периодов энергетических кризисов 1970-х годов), растущий профицит внешней торговли и т.д. Даже политическая коррупция и иные факты злоупотребления властью не могли поколебать «особых» отношений ЛДП с избирателями, которые получали ощутимые дивиденды от «японского экономического чуда» – рост личного благосостояния, отсутствие явных социальных контрастов, относительная стабильность в сфере найма и т.д.

Тем не менее, даже с учетом экономического фактора популярность ЛДП в обществе, как было отмечено выше, неуклонно снижалась. В 1960-е и, особенно, 1970-е годы все больше избирателей поддерживали на выборах иные партии, тем более что их выбор существенно дифференцировался: в дополнение к КПЯ и СПЯ в избирательных бюллетенях появились «партии третьего пути» в лице Партии демократического социализма (ПДС, основана в 1960 г.) и Комэйто (1964 г.). В связи с этим перед ЛДП остро встала задача одерживать победу на выборах, не имея неоспоримого преимущества перед прочими партиями по критерию популярности. Ответ на этот вызов со стороны ЛДП заключался в следующем.

- *опора на персональную ориентацию* японских избирателей, перенесение ответственности за ведение избирательных кампаний на уровень индивидуальных кандидатов с максимальным использованием функции ЛДП как «партии-франшизы»;
- в сельских округах и малых городах – *опора на «твердые голоса»* и их мобилизация с помощью «обществ поддержки»;

- в урбанизированных регионах – *опора на «средний класс»*, его мобилизация через различные профессиональные, корпоративные, любительские, местные и иные структуры, вовлечение этих структур в сферу клиентелистской политики.

Российскими авторами достаточно хорошо освещен вопрос об особенностях электорального поведения японских избирателей, основанного на голосовании за индивидуальных кандидатов, но не политические партии [14, 13, 15, 18, 19, 20]. Поскольку ЛДП сознательно отказалась от идеи построить свою электоральную стратегию на основе жестко очерченной политической платформы, на вооружение была взята концепция «партии-франшизы»: кандидаты лишь использовали партийный бренд, но не получали реальной финансовой и организационной поддержки от ЛДП и вели избирательные кампании самостоятельно. Эта тактика применялась практически с самых первых выборов с участием ЛДП, когда новая партия дала согласие на использование партийного знамени всеми кандидатами ранее конкурировавшими между собой Демократической и Либеральной партий, которые явились учредителями новой партии.

При этом для победы на выборах в нижнюю палату парламента умело использовались особенности основанной еще в 1925 г. системы *средних (полиномиальных) избирательных округов*, существовавших вплоть до 1994 г. В этих округах, от которых в нижнюю палату избиралось от 2 до 5 депутатов, наиболее ожесточенную борьбу между собой вели именно кандидаты от Либерально-демократической партии, выступавшие представителями различных ее фракций.

Нередки были случаи, когда в результате «перезаклада» (т.е. номинирования в одном округе чрезмерно большого количества кандидатов от ЛДП) кандидаты-конкуренты просто «топили» друг друга в результате разброса поданных за ЛДП голосов по разным кандидатам (этот феномен именуется на японском политическом сленге *томодаорэ*, т.е. «взаимная гибель»). Однако ЛДП все же чаще других партий выступала бенефициаром полиномиальности средних округов. При отсутствии каких-либо жестких партийных норм и правил, касающихся практики номинирования, и при отказе руководства ЛДП от выработки цельной и сбалансированной электоральной стратегии, в определении количества выдвижений в округе под знаменем ЛДП стихийно формировался оптимальный баланс, основанный на личных договоренностях между отдельными ее кандидатами (7, р. 311). От чрезмерной конкуренции их ограждали неписанные правила, имеющие корни в японской политической культуре: действующий депутат имеет однозначные преимущества перед «новичком»; представитель политического клана, ведущий борьбу за место, освободившееся в результате кончины или отставки своего родственника, имеет однозначно больше шансов победить на выборах, чем кандидат, подобных родственных связей не имеющий; вложивший больше средств в установление и укрепление личных связей с избирателями находится в выигрышном положении по отношению к тому, кто строит свою кампанию на использовании медиаресурсов и пропаганде своих политических взглядов (3, р. 137–170).

В свою очередь, в оппозицию система средних округов нередко вносила раскол. Левые и центристские партии (СПЯ, КПЯ, Комэйто, Партия демократического социализма) во многих случаях не могли точно обозначить те округа, где выдвижение кандидатов сулило им шансы на победу (во всех без исключения округах свою кандидатуру по традиции всегда

выставляли лишь коммунисты), в результате чего протестные голоса сгорали, не принося оппозиции дополнительных мест в парламенте. А там, где выдвижение все же проводилось, левые партии часто не могли договориться между собой и выставить общего кандидата, который мог бы конкурировать с консерваторами. О реальной координации всеми оппозиционными партиями электоральных действий «против ЛДП» стало возможным говорить лишь с 2016 г., когда одним из субъектов такой координации на выборах в палату советников впервые стала КПЯ.

Для поддержания своей власти ЛДП умело использовала особенности электорального районирования, предоставлявшие избирательным округам, которые охватывали сельские районы, а также небольшие города и поселки, существенные преимущества по отношению к округам, расположенным в крупных городах. Это было связано с тем, что население сельских округов в 1960–1980-е гг. в результате миграции сокращалось, тогда как границы округов оставались практически неизменными, в результате чего голос сельского избирателя оказывался существенно более весомым, чем городского (иными словами, чтобы победить на выборах, нужно было заручиться поддержкой в два раза меньшего числа голосов) [19]. По этой причине ЛДП была непропорционально сильно представлена в сельских округах.

Именно в сельских округах личностный элемент избирательной политики ЛДП был наиболее эффективным: кандидаты ЛДП не только имели хорошие отношения с местной элитой, но и поддерживали персональные контакты с рядовыми избирателями. Фактически вся «работа с электоратом» представляла собой череду визитов на свадьбы, похороны, юбилеи и памятные церемонии [4]. Суть этой практики может быть охарактеризована следующей фразой: политик должен иметь в кармане пиджака два галстука – светлый и черный, чтобы, не переодеваясь, со свадьбы сразу можно было прибыть на поминки.

Ключевую роль в обеспечении связей с избирателями, особенно в малых городах и поселках, играли *коэнкай* («общества поддержки») – персональные электоральные организации кандидатов, в состав которых входили как рядовые граждане, так и представители местной элиты. «Общества поддержки», представляя собой своего рода сетевые сообщества, выступали также в качестве посредников в деле установления рядовыми избирателями контактов с политиками и в качестве выразителя политических интересов отдельных групп избирателей. Главную роль в подобных структурах поддержки играли представители малого и среднего бизнеса: владельцы небольших магазинов, ресторанов и иных предприятий сферы обслуживания, руководители почтовых отделений, то есть те, кто имел рутинные контакты с жителями округа. Именно с помощью «обществ поддержки» политики оказывались в курсе всех значимых для рядовых избирателей событий в округе, именно через эти организации политики направляли избирателям послания, подарки и т.д., тем самым устанавливая со своими избирателями неформальные отношения взаимного доверия и взаимных обязательств. Такие сетевые сообщества сложились практически во всех жилых районах Японии, за исключением крупных многоквартирных комплексов в спальнях районах и престижных пригородных районов, где проживала высокооплачиваемая прослойка общества [9, p. 95].

Таким образом, для японской политической традиции был исключительно важен микроуровень политического участия, которые обеспечивался практикой персональных

взаимоотношений избирателей с политическим миром. При этом нелогичная для Запада конкуренция представителей одной политической силы в избирательном округе ни в коей мере не подрывала общее доверие избирателей к партии власти. Имидж партии не страдал, так как избиратели делали выбор на основе не партийных, а персональных пристрастий.

Однако поскольку делать ставку исключительно на «твердые голоса» по мере разворачивания урбанизационных процессов оказывалось недостаточным для гарантированной победы на выборах в общенациональном масштабе, ЛДП стала искать дополнительную опору за пределами традиционных групп поддержки. Начиная с 1970-х годов ей пришлось переориентировать усилия на привлечение сконцентрированного в городах «среднего класса», который гораздо труднее поддается традиционным методам электорального манипулирования (5). И хотя фокус электоральных усилий ЛДП по-прежнему был сосредоточен на сельских округах, в крупных городах ей приходилось в большей степени использовать профильные методы клиентелистской политики, призванные мобилизовать те влиятельные корпоративные и общественные структуры, которые были способны принести ей существенную поддержку на выборах.

Ставка на клиентелизм приводила к поляризации общественных сил по признаку включенности (или невключенности) в его орбиту: те организации, которые не поддерживали ЛДП, оказывались практически полностью лишены бенефиций со стороны партии власти и, таким образом, переключались в своих электоральных пристрастиях на оппозиционный лагерь. Например, это касается мощных профсоюзных объединений, являющихся материнской базой для партий левой ориентации.

В других же случаях ЛДП удавалось перетянуть на свою сторону некоторые мощные структуры, в том числе и те, что ранее выступали ее оппонентами. Так, если в довоенный период аграрные движения, опирающиеся, прежде всего, на фермеров-арендаторов, служили социальной базой левых сил, ЛДП с помощью протекционистской политики смогла превратить их в стабильный источник «твердых голосов», практически полностью вытеснив социалистов из сельского электорального поля. Другим примером является строительная индустрия, в которой клиентелистская политика расцвела особенно пышным цветом. Направляя огромные общественные ресурсы на реализацию общественных работ (и в первую очередь в сфере инфраструктурного строительства), которые подпитывали местные строительные компании, влиятельные депутаты ЛДП получали от них хорошие откаты в виде политических пожертвований и одновременно могли рассчитывать на услуги по мобилизации голосов избирателей.

Следует учесть, что многие малоэффективные общественные проекты и иные проявления клиентелизма однозначно ассоциировались в общественном сознании с политической коррупцией, «загниванием» системы однопартийного господства ЛДП и т.д. Критика практики разбазаривания общественного богатства звучала с самых разных трибун и, безусловно, служила для политической оппозиции стандартным поводом для нападок на партию власти. Против строительства крупных дамб на горных реках, дорог и тоннелей, проходивших через парковую или заповедную зону, т.е. расточительных проектов, таивших к тому же огромные риски для окружающей среды, выступали многочисленные общественные организации, особенно в экологической сфере. Это в конечно счете

подрывало в глазах японских избирателей доверие к ЛДП как правящей партии. Однако парадокс заключался в том, что кандидаты от ЛДП, политика которой не пользовалась популярностью на общенациональном уровне, неизменно побеждали на выборах в местных округах, поскольку именно этим конкретным округам общественные работы приносили благосостояние.

Привлечение корпоративного сектора к решению задач электоральной политики получило особый размах в период правления кабинета К. Танака (1972–1974). На выборах в верхнюю палату парламента в 1974 г. К. Танака взял на вооружение электоральную стратегию *кигэгуруми* – политику финансовой и организационной опоры на крупные корпорации и социальные структуры. В результате ЛДП удалось добиться поддержки на выборах со стороны таких разномастных и отличающихся по своему профилю организаций, как дистрибуционные центры автоконцерна Тойота, корпорация Хитати, Силы самообороны Японии, Ассоциация семей жертв войны, профессиональные ассоциации медсестер, дантистов, шеф-поваров, Ассоциация любителей оперы и т.д. На выборах в нижнюю палату 1977 г. ЛДП впервые предпринимает попытки привлечь на свою сторону религиозные организации (общества синто и буддистские храмы), которые в дальнейшем стали влиятельной базой поддержки как для ЛДП в целом, так и для отдельных ее кандидатов [6, р. 18].

Заметим, что избиратели, входившие в подобные структуры электоральной мобилизации, совершенно не обязательно искренне поддерживали ЛДП. Их электоральное поведение стало основываться на выборе меньшего из двух зол: поддержать «нелюбимую» партию, обеспечивающую «трофеями» в виде преференциальных проектов с бюджетным финансированием, или проголосовать «по зову сердца» против, но оказаться при этом полностью исключенным из бенефициарной сферы государственного патронажа. Как отмечал С.Рид, клиентелистская политика ЛДП заставляла голосовать за нее на выборах даже ее оппонентов, которые были вынуждены считаться с перспективой утраты доступа к государственным ресурсам в случае победы оппозиции. По его мнению, у многих были даже основания опасаться, что отказ от поддержки ЛДП может повлечь за собой «возмездие» со стороны правительства (8, р. 359). Иными словами, поддержка партии власти в регионах во многих случаях носила условный характер и была оборотной стороной безальтернативного характера системы правления ЛДП.

Следующим секретом длительного правления ЛДП явились до предела отточенные методики недопущения раскола и поддержания единства партийных рядов. Следует учесть, что по своему характеру ЛДП с самого начала создавалась как партия-конгломерат, объединившая в своих рядах представителей различных идеологических течений консервативной ориентации. ЛДП была учреждена в 1955 г. в ответ на реальную угрозу прихода к власти левых сил (объединившихся в единую партию правых и левых социалистов) и состояла из двух различных в идеологическом отношении партий: проамериканской Либеральной, проповедовавшей идеи западной либеральной демократии, и более националистической Демократической, стоявшей за «японские ценности» и отрицавшей характерные для США крайние проявления рыночного фундаментализма. Внутренняя структура ЛДП была изначально построена на основе деления партии на

фракции, состоявшие из депутатов обеих палат парламента и обладавшие значительной финансовой, кадрово-организационной и даже идейно-политической автономией.

Фракции были неформальными организациями, не имевшими ни официальной регистрации, ни собственных нормативных документов. В разное время в ЛДП насчитывалось от 5 до 12 фракций, во главе которых стояли наиболее влиятельные и опытные политики, обладавшие наибольшим внутрипартийным стажем. Самая крупная из таких фракций (так называемая суперфракция, появившаяся во времена правления К.Танака), насчитывала около 150 депутатов, самая мелкая – всего несколько членов. Именно межфракционные соглашения лежали в основе всех крупных кадровых решений внутри ЛДП. Фракции давали своим рядовым членам определенные перспективы кадрового роста внутри партии, обеспечивали их финансовыми и иными ресурсами для проведения избирательных кампаний, участвовали в принятии важнейших кадровых решений, включая определение председателя партии.

При этом если в 1950–1960-е гг. в партии сформировалась своего рода внутренняя биполярность, основанная на противостоянии фракций «основного» и «антиосновного» течений, то в 1970-е годы партия стала управляться в основном одной, наиболее многочисленной «суперфракцией», без согласия которой не принималось ни одного значимого решения.

Фракции жестко конкурировали между собой за «трофеи» в виде постов в кабинете министров и высшей партийной номенклатуре, они же перетягивали канат, стараясь привлечь к себе новых членов лучшими кадровыми и электоральными перспективами. И хотя реальный вес того или иного партийного лидера находился в прямой зависимости от численности возглавляемой им фракции, неуклонно соблюдавшиеся принципы ротации предоставляли всем без исключения лидерам фракций реальный шанс встать во главе партии. В целом стоит отметить, что только в условиях фракционной системы алгоритмы смены руководства могли быть успешными: лидеры противоборствующих внутрипартийных группировок сменяли друг друга у власти в строго установленном порядке согласно «очереди во власть».

Вместе с тем доступ к различным «благам» в виде кадровых назначений напрямую зависел от общего успеха ЛДП на выборах, что в свою очередь заставляло фракции активно сотрудничать между собой и ограничивало проявления чрезмерного накала соперничества.

Помимо фракций, в ЛДП существовали депутатские группы, специализировавшиеся на определенной области государственного управления – строительстве, сельском хозяйстве, науке и образовании, международных отношениях в целом и отношениях с отдельными странами, в частности. Эти группы, получившие название *дзоку* (кланы), концентрировались в секциях Совета по политическим вопросам ЛДП – основного партийного органа, занимающегося выработкой политического курса в определенной области.

Помимо *дзоку*, в ЛДП существовали также многочисленные «группы давления», занимавшиеся лоббированием в партийных и правительственных органах определенных решений, отвечающих интересам конкретных экономических и политических кругов. В 1980-е годы именно деятельность этих групп подготовила многие судьбоносные решения, определившие развитие японской экономики на десятилетия вперед – налоговую реформу,

либерализацию сельскохозяйственного рынка, дерегулирование и т.д. Следует учесть, что политические и экономические профили различных внутрипартийных группировок, отражавших интересы огромного спектра социальных слоев, были настолько многообразными, что достижение внутрипартийного консенсуса оказывалось делом исключительно сложным, если не сказать почти невозможным [9, p. 99].

В условиях существования фракционной системы, групп давления и иных внутрипартийных группировок единственным способом сохранения единства партии являлись методы сглаживания конфликтности и достижения компромиссов. Важнейшим методом сохранения единства партии было неуклонное следование *принципу консенсуса* при принятии политических решений, цель которого заключалась в том, чтобы не допустить раскола партии. Если единства мнений в случае конфликтных ситуаций и даже расхождений во мнениях достичь не удавалось, решение откладывалось на потом, а если требовалось срочное решение, выбирался наиболее компромиссный вариант, в котором противоречия были по возможности заретушированы.

Этим, в частности, объясняется то обстоятельство, что ЛДП за многие десятилетия своего однопартийного правления так и не удалось внести в парламент вопрос об отмене пресловутой 9-й статьи японской Конституции, хотя дискуссия на эту тему никогда не прекращалась. Первый случай, когда правило консенсуса было открыто проигнорировано, относится уже к постбиполярному периоду: в 2005 г. председатель ЛДП Дз. Коидзуми не остановился перед изгнанием из рядов партии тех 33 «рenegатов», которые выступили против законопроекта о приватизации почтовой корпорации.

Результатом применения «правила консенсуса» явилась чрезмерная абстрактность и общий характер подавляющего большинства решений ЛДП. Неконкретность формулировок характеризовала практически все программные документы ЛДП. По большому числу вопросов повестки дня ЛДП предпочитала вообще не занимать определенной позиции, либо занимать такую позицию, которая бы не ни у кого не вызывала возражений (по принципу «лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным»), спуская неприятную обязанность по принятию конкретных решений на неполитический (бюрократический) уровень. В результате у внутрипартийных группировок было не много поводов покинуть партию, выступавшую в качестве «универмага» с широчайшим выбором «товаров» на любой вкус. Лишь однажды ЛДП не удалось избежать раскола: в 1976 г. из партии вышли пять депутатов нижней и один депутат верхней палаты парламента, которые основали Новый либеральный клуб (НЛК), просуществовавший в качестве независимой партии до 1986 года.

Таким образом, важным составляющим того наследия, которое оставила японская система доминантной партии для мировой политической науки, явилась уникальная способность ЛДП держать под контролем широкий спектр внутренних конфликтов, связанных с многообразием интересов полуинституционализированных и неформальных внутрипартийных фракций и группировок. В партии всегда существовал широкий плюрализм мнений, дававший основания охарактеризовать ее в качестве «универсальной» (catch-all party) [9, p. 98].

Важным методом сохранения своего господства ЛДП выступали *механизмы смены лидеров* – регулярные отставки премьер-министров и реформирование состава кабинетов

министров. За 38 лет правления период правления кабинета министров в среднем составлял полтора года, премьер-министра – два с половиной года.

В период однопартийной власти ЛДП социологические опросы демонстрировали относительно низкий уровень рейтингов премьер-министра (в среднем 36 % в период с июня 1960 до апреля 2006 г.) [2, р. 348] Уровень поддержки ЛДП был еще ниже, чем рейтинг премьера, опускаясь до минимума в период коррупционных скандалов 1970-х гг. и в период конца 1980-х – начала 1990-х гг.

При этом связь между рейтингами поддержки партии и премьер-министра была односторонней: рейтинги ЛДП являлись производными от рейтингов премьер-министра, но не наоборот. Отправляя председателя партии в отставку, ЛДП сохраняла свое реноме в глазах избирателей: уходящий премьер уносил с собой все плохое, что ассоциировалось с правлением его кабинета, а облик партии как бы «обновлялся» с приходом нового лидера. Б. Бурден ввел в оборот понятие «стратегической калибровки», под которой понимает практику смены лидеров, применяемую в тех случаях, когда их имидж наносит ущерб имиджу партии [2, р. 346].

Непосредственных причин для смены лидера могло быть несколько: неудовлетворительные для ЛДП итоги выборов в нижнюю или верхнюю палаты парламента, существенное падение рейтингов партии в зеркале опросов общественного мнения, коррупционные и иные скандалы, затрагивающие лично главу кабинета и его отдельных членов, наконец, неспособность администрации провести через парламент законодательную программу, инициированную кабинетом министров.

В любом случае, главным в мотивации решения о переизбрании председателя ЛДП был риск репутационных потерь для партии, особенно нежелательных накануне предстоящих парламентских выборов. Именно страх перед такими потерями вызвал применение жестких дисциплинарных мер в отношении «короля» японской политики первой половины 1970-х годов К. Танака, который, «погорев» в 1974 г. на злоупотреблениях с недвижимостью, был изгнан из партийных рядов, даже несмотря на свой статус лидера крупнейшей партийной фракции. Другой пример связан со скоротечностью правления летом 1989 г. кабинета С. Уно по причине скандала вокруг его связей с гейшей. Во всех подобных случаях руководство ЛДП исходило из того, что позор партийного лидера косвенно будет распространяться на всю партию, а, следовательно, и на всех ее членов, больно ударяя по их перспективам переизбрания.

Относительная легкость, с которой ЛДП применяла метод смены лидера, была помимо всего прочего связана с тем обстоятельством, что в период действия «системы 1955 года» председателем ЛДП становился политик, не имевший большой личной харизмы и не пользовавшийся особой популярностью в обществе. Система номинации партийного руководства была заточена на то, чтобы продвигать на высшие посты политиков аппаратного типа, имеющих в первую очередь способности к закулисной интриге и опирающихся на поддержку своей фракции (т.е. части депутатского корпуса ЛДП), но никак не партийных масс в целом, не говоря уж о широких слоях японского общества. Отсеву лидеров популистского типа способствовала и фракционная система, в рамках которой существовала «очередь во власть», а политики, апеллировавшие к массам, воспринимались как «смутьяны»,

«высочки», «нарушители правил». Главным при высших кадровых назначениях было правило баланса сил внутри партии, который с приходом к власти популистской фигуры рисковал быть нарушенным.

Вместе с тем было важно, чтобы новый лидер не имел в своем послужном списке каких-либо существенных компрометирующих фактов – это позволяло позиционировать его как новое, «незапятнанное» лицо партии. Так, в 1960 г. выдвижение малоизвестного до этого Х. Икэда, выдвинувшего план удвоения национального дохода, позволило отвлечь внимание от непопулярной темы договора безопасности и защиты конституции и в конечном счете принесло ЛДП победу на выборах. Примечательным было избрание на высший партийный пост после коррупционных скандалов «чистых» Т. Мики в 1974 г. и Т. Кайфу в 1989 г.

Первым лидером популистского типа, которого система вознесла на политический Олимп, был Я. Накасонэ, который продемонстрировал на посту председателя партии в 1982–1987 гг. «президентский» стиль правления. Проведенные им, во многом в режиме ручного управления, административно-финансовая и пенсионная реформы встретили позитивный отклик в японском обществе, что немедленно сказалось и на популярности ЛДП в целом. Это позволило Я. Накасонэ с блеском провести «двойные выборы» 1986 года, которые принесли ЛДП ошеломительную победу и заставили партийное руководство в нарушение партийного устава предоставить председателю дополнительный год полномочий. Однако после ухода Я. Накасонэ в отставку порядок избрания лидера, основанный на межфракционном балансе сил, был восстановлен.

Следует отметить, что технологии «баланса сил» и неприятие волевого, харизматического начала в системе номинации партийных лидеров стали давать сбои с 2000-х годов, когда ЛДП столкнулась с серьезным кризисом, связанным с утратой доверия в глазах общества. Первым председателем, рискнувшим дать решительный бой устоявшейся системе, был Дз. Коидзуми, который черпал источники своей легитимности в поддержке партийных масс, сделав упор на личную харизму. Уместно вспомнить, что Дз. Коидзуми был избран на пост председателя в 2001 г. голосами не депутатов парламента, а представителей местных партийных организаций. Ставку на популизм начал делать и С. Абэ, который хотя и был вознесен в 2012 г. (на свой второй срок) на высший партийный пост традиционными методами межфракционных договоренностей, продемонстрировал свою склонность к авторитарному стилю управления, апеллирующему к народным массам и игнорирующему устоявшуюся практику внутрипартийного плюрализма.

Что касается смены кабинета министров, то она практиковалась даже чаще, чем замена партийного лидера. Премьер переформировывал персональный состав кабинета в случае его низкого рейтинга (особенно если этот рейтинг оказывался ниже рейтинга самой ЛДП) при инициировании нового политического курса, когда важно было продемонстрировать обществу «покаяние» в связи с критикой за прошлые неудачи, либо в случае необходимости замены некоторых наиболее одиозных фигур в его составе. Вместе с тем следует учесть, что смена премьер-министра выступала более действенным средством «обновления» власти в глазах избирателей, нежели перетряска кабинета, которая была рутинным, а, следовательно, и менее эффективным методом правления.

Можно заключить, что методология смены партийных лидеров работала на основе инстинкта самосохранения партии. В рядах ЛДП превалировало негласное понимание того, что лучше избавиться от своего председателя и членов кабинета, но сохранить «лицо партии» и обезопасить дальнейшую политическую карьеру ее членов. В глазах же общества приход к партийному руководству новых политических фигур был эквивалентен «смене власти» и воспринимался позитивно, порождая определенные надежды на лучшее. Не случайно в первый год правления новой администрации, сформированной той же самой партией, рейтинги кабинета министров и его главы были существенно выше, чем у правительства, ушедшего ранее в отставку. Через некоторое время эти рейтинги начинали падать, пока не доходили до той отметки, когда кабинет или сам премьер уходили в отставку, и на их смену приходили уже другие партийные функционеры. Таким образом, технологии регулярной смены партийного руководства служили целям удержания однопартийного господства ЛДП.

Важным методом поддержания монопольной власти ЛДП являлись *технологии раскола оппозиции*, недопущения ее консолидации на основе противостояния партии власти. Из мирового опыта хорошо известно, что доминантные партии в демократических странах чаще всего не имеют большинства голосов на выборах, но эффективно используют противоречия в лагере своих противников.

ЛДП утратила абсолютное большинство голосов в свою пользу еще в 1967 г., что значило одно: объединившись, оппозиция при желании имела возможность лишить ЛДП власти. Однако, несмотря на определенные шаги, предпринимавшиеся оппозиционными партиями для налаживания координации с начала 1970-х годов, либерал-демократы продолжали сохранять свою монополию на власть на протяжении еще более двух десятилетий.

Одним из эффективных методов раскола оппозиции было внесение в электоральную повестку дня значимых вопросов международно-политического или идеологического характера, и прежде всего в сферах обороны и национальной безопасности, где противоречия между самими оппозиционными (левыми и центристскими) партиями проявлялись сильнее, чем между левыми и консервативными силами. Так, внесенный в 1990 г. в парламент законопроект о миротворческой деятельности эффективно развел по разные стороны баррикад СПЯ, выступившую против «наступления на конституцию», и ПДС, стоявшую на более прагматических позициях. И хотя законопроект, вызвавший неоднозначную реакцию в японском обществе, привел к определенному снижению популярности ЛДП, он, тем не менее, существенно укрепил ее внутривнутриполитические позиции. В более поздний период распри в стане оппозиции вызывали внесенные ЛДП в парламентскую повестку дня вопросы о вступлении Японии в Транстихоокеанское партнерство, о будущем атомной энергетики, об использовании права на коллективную самооборону и т. д.

Другим эффективным методом раскола оппозиции явилось *проведение одновременных выборов в палату советников и палату представителей* путем роспуска нижней палаты и приурочивания всеобщих выборов ко дню выборов в верхнюю палату. ЛДП за всю свою историю дважды успешно использовала эту тактику – в 1980 и 1986 г. В обычных условиях оппозиционные партии нередко проводили согласование электоральной политики на основе

противостояния ЛДП: например, Комэйто и ПДС взаимно договаривались о том, чтобы не выставлять своих кандидатов в тех округах, где у партнера имеются лучшие шансы на избрание. Однако если выборы, проводившиеся по разным правилам и процедурам, проходили одновременно в обе палаты, любая подобная договоренность оказывалась слишком сложной и фактически неосуществимой, поскольку одни и те же партии выступали на одних выборах партнерами, а на других – соперниками.

Введение в 1994 г. смешанной системы выборов в нижнюю палату, в которой значительная часть мест (300 из 475) выбирается в малых (мажоритарных) округах, еще больше осложнило перспективы электоральных договоренностей оппозиции. Однако о том, что такие договоренности все же возможны, свидетельствует опыт выборов в палату советников 2016 г., в ходе которых в координации действий против ЛДП впервые приняли участие коммунисты.

Следующий метод удержания власти заключался в том, чтобы держать дверь открытой для *блокирования с другими партиями* в рамках правящей коалиции. Так, в 1983 г. ЛДП блокировалась с Новым либеральным клубом (правда, этот союз был недолговечным по причине скорого самороспуска НЛК). Особенно эта тактика оказалась востребованной после 1993 г., когда ЛДП утратила способность в одиночку поддерживать стабильное большинство в нижней палате парламента. В 1994 г. ЛДП заключила соглашение со своим заклятым врагом Социалистической партией Японии, пригласив ее в коалицию и даже посулив пост премьер-министра, а также с небольшой партией Сакигакэ. В результате кабинет министров в течение почти полутора лет (с июня 1994 по январь 1996 г.) возглавлял социалист Т. Мураяма. В дальнейшем практика блокирования стала рутинной: в 1999 г. ЛДП поддерживала союз с Либеральной партией, а затем – с партией Комэйто, в коалиции с которой она находилась у власти в 1999–2009 гг. и с 2012 г. по настоящее время.

Еще одним методом была для ЛДП практика *приема в партийные ряды победивших на выборах «независимых» депутатов*. Первым случаем ее применения явились выборы в нижнюю палату 1976 г., на которых ЛДП утратила большинство в нижней палате парламента. В партию были немедленно приняты «независимые» депутаты, что позволило ей сохранить статус правящей. После этого подобная практика применялась неоднократно после неудачных выборов, в частности, в 1979 и 1983 г. Уже в 2000 г. в ряды ЛДП были приняты бывшие депутаты Партии новых рубежей, прекратившей свое существование двумя годами ранее, а в 2006 г., уже после ухода Дз. Коидзуми в отставку с поста председателя, – «рenegаты» из числа противников почтового законопроекта (это было сделано даже несмотря на крайне негативное отношение к данному шагу со стороны общественного мнения).

Таким образом, отдельные депутаты, будь они в ЛДП или вне ее, в реальности никогда не испытывали страха перед необратимым изгнанием из партийных рядов, которое бы поставило крест на их политической карьере. Они могли спокойно номинироваться в качестве независимых кандидатов или даже кандидатов от партии-конкурента, если по каким-то причинам (например, когда в округе не было вакансий от ЛДП) не могли заручиться официальной поддержкой либерал-демократов. Победа на выборах автоматически давала им реальную возможность без лишних вопросов вступить в правящую партию в соответствии с откровенно циничным партийным лозунгом: «Если Вы победили –

Вы ЛДП!» Для самих же депутатов переход в ЛДП давал неоспоримые преимущества: находиться в рядах правящей партии всегда выгоднее, чем оставаться в оппозиции, поскольку дает больше возможностей воздействовать на политику и, соответственно, иметь рычагов воздействия на электорат.

Анализ практики комплексного применения рассмотренных указанных методов удержания власти дает основания заключить, что ЛДП на протяжении всего своего правления представляла собой «пластилиновую» партию, способную принимать любые формы в соответствии с требованиями политической конъюнктуры. Применяемые в отношении ЛДП термины «больница общего профиля», «партия-универмаг», «партия-амёба» и т.д. скрывают за собой отсутствие у нее политической сердцевины, ее идеологическую всеядность и рыхлость, видимую беспринципность ее политической линии.

Ставка исключительно на прагматизм стала играть над ЛДП злую шутку с начала 2000-х годов, когда в японском обществе усилилось разочарование указанными негативными чертами партии на фоне общего кризиса доверия к политической сфере. Тем не менее, феномен доминантной партии фактически сохранился и после вступления Японии в эпоху коалиционных правительств в середине 1990-х годов, а после 2012 г., на фоне массового разочарования единственной реальной альтернативой ЛДП в лице Демократической партии, итоги недолгого правления которой оказались в глазах большинства японцев более чем плачевными. Этот феномен вновь приобрел очертания системной характеристики японской политической модели. По мнению британского японоведа Дж. Стоквина, одной из причин устойчивости феномена доминантной партии в Японии является так называемая зависимость от накатанного пути (*path dependence*), которая воспроизводит определенные стереотипы как на уровне общенациональной политической модели, так и на уровне политики в конкретной области, например, в области военного сотрудничества с США [10, p. 486].

Список литературы

1. *Browne E. & Kim Sunwoong*. Factional rivals and electoral competition in a dominant party: Inside Japan's Liberal Democratic Party, 1958–1990 // *European Journal of Political Research*. 2003. Vol.42. P. 107–134.
2. *Burden B*. Economic accountability and strategic calibration: The case of Japan's Liberal Democratic Party// *Party Politics*. 2013. Vol. 21(3). P. 346–356.
3. *Curtis J*. *The Logic of Japanese Politics. Leaders, Institutions and the Limits of Change*. New York, 1999.
4. *Curtis J*. *Election Campaigning – Japanese style*. Columbia University Pb., 1971.
5. *Duverger M*. *Political Parties*. New York, 1963.
6. *Reed S*. The Liberal Democratic Party. An explanation of its successes and failures // *The Routledge Handbook of Japanese Politics*. Ed. By Alisa Gauner. London and New York, 2011. P. 14–23.
7. *Reed S*. Party strategy or candidate strategy. How Does the LDP Run the Right Number of Candidates in Japan's Multi-Member Districts? // *Party Politics*. 2009. Vol. 15. (3). P. 295–314.

8. *Reed S., Scheiner Ethan, and Thies Michael F.* The End of LDP Dominance and the Rise of Party-Oriented Politics // *Japan Journal of Japanese Studies*. 2012. Vol. 38 (2).
9. *Richardson B. and Patterson D.* Political traditions and political change: The Significance of Postwar Japanese Politics for Political Science. *Annual Review of Political Science*. 2001. Vol. 4. P. 93–115.
10. *Stockwin Arthur A.* Has changing the party in power in Japan made a real difference? // *Japan Forum*. 2012. No 24 (4). P. 471–489.
11. *Латышев И.А.* Правящая Либерально-демократическая партия Японии и её политика. М., 1967.
12. *Макаров А.А.* Политическая власть в Японии. М., 1988.
13. *Молодякова Э.В.* Практика проведения избирательных кампаний в Японии // *Японский опыт для российских реформ*. 1995. № 6. С.70–78.
14. *Молодякова Э.В.* Избирательная система Японии // *Японский опыт для российских реформ*. 1998. № 3. С. 45–54.
15. *Молодякова Э.В., Маркарян С.Б.* Японская демократия // *Япония без предвзятости*. М., 2003. С. 91–104.
16. *Павленко П.А.* Либерально-демократическая партия Японии в политической системе современной Японии (1955–2001). М., 2006.
17. *Сенаторов А.И.* Политические партии Японии (1945–1992). М., 1995.
18. *Сенаторов А.И.* Избирательная система: законы, практика, проблема обновления. Япония 1993. М., 1994. С. 21–34.
19. *Стрельцов Д.В.* Избирательная реформа в современной Японии // *Восток (Oriens)*. 2012. №4. С. 62–70.
20. *Стрельцов Д.В.* Избирательная система: первые уроки реформы. Япония 1998–99. М., 1999. С. 47–65.
21. *Стрельцов Д.В.* Япония: политическая модернизация эпохи Хэйсэй. М., 2013.
22. *Цветова И.А.* Эволюция современной партийно-политической системы Японии. М., 2003.

Поступила в редакцию 01.09.2016

Автор:

Стрельцов Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой востоковедения Московского государственного института международных отношений (университет) МИД РФ, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: dmstrl@gmail.com

The System of Dominant Party in Japan: Some Lessons from Historical Experience

D.V. Streltsov

The article describes the characteristics of Japan's dominant party during the period of the "1955 system" (1955-1993). Special attention is drawn to the political technologies used by the ruling Liberal Democratic party in order to retain its dominance while maintaining all democratic procedures, including methods of electoral policies, methods of achieving consensus on the basis of an intra-party balance, image-making technologies by changing the party leadership, technologies of splitting the ranks of the opposition. The author concludes that one of the reasons for the resilience of Japan's dominant party phenomenon is "path dependence", which reproduces the nationwide political model in various historical circumstances.

Keywords: Liberal Democratic Party of Japan, "1955 system", dominant party system, electoral strategy, factions, "catch-all party", "path dependence".

Author:

Streltsov Dmitry V., Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of Oriental Studies, Moscow State Institute of International Relations (University), Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation, Leading Researcher of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. E-mail: dmstrl@gmail.com

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О симпозиуме «Возвращение на Острова золота: новые подходы в изучении географических карт Нового времени» [1]

Е.К. Симонова-Гудзенко

28–30 июня в Институте Сэйнсбери при Университете Восточной Англии прошел симпозиум, посвященный истории японской картографии.

Несколько слов об Институте исследования японской культуры и искусства Сэйнсбери. Название и место расположения Института в одном из древнейших городов Англии, определено его создателями сэром Робертом и леди Сэйнсбери, в 1973 г. передавшим большую коллекцию живописи и предметов искусства Университету Восточной Англии в Норидже. По замыслу сэра Роберта при университете был построен Центр визуального искусства, где и была размещена коллекция. Изначально Центр работает как учебная и исследовательская составляющая факультета искусств университета. Коллекция центра пополнялась уже при жизни сэра Роберта. Так, например, в 1978 г. сэр Колин и леди Андерсен передали центру собранную ими коллекцию Ар Нуво. Создание Института исследований японского искусства и культуры, вероятно, было еще одним этапом воплощения замысла замечательного филантропа. Институт был создан в 1999 г. как самостоятельный научно-исследовательский центр при участии Лондонской школы восточных и африканских исследований (СОАС) и Университета Восточной Англии.

Основой Института исследований японского искусства также послужило несколько библиотек и художественных коллекций, переданных ему в дар. Это – библиотека и коллекции керамики, старинных географических карт сэра и леди Хью Кортацци; библиотека известной исследовательницы японских религий и фольклора Кармен Блейкер; библиотеки крупных японских искусствоведов Янагисава Така и Мацусита Такааки и др.

Одна из коллекций института определила тему симпозиума. Объектом рассмотрения исследователей были старинные японские географические карты, преимущественно из собрания сэра Хью Кортацци. Представляется, что уже в названии симпозиума – *Isles of Gold Revisited: New approaches to the study of early modern maps* скрывается некоторая двойственность. Английское слово *revisited* можно перевести и как «повторное посещение, возвращение в уже известное место» и как «пересматривание». На симпозиуме произошло и то, и другое – возвращение в разные временные срезы истории Японии, но как бы с другого

берега. За последние три десятилетия после выхода книги Хью Кортацци [2], посвященной изучению старинных карт Японии, в данной области сделано и делается много нового, интересного.

Состав участников был сравнительно небольшим, 10 докладчиков, 3 ведущих заседания и 18 участников-комментаторов из университетов Великобритании, Израиля, Китая, Португалии, России, США, Японии. Докладчики – ученые с мировыми именами, занимающиеся изучением проблемы пространственных представлений и истории картографии Японии. Это – Макс Моэрман (Колумбийский университет), Уэсуги Кадзухиро (Университет округа Киото), Ричард Пегг (коллекция МакЛин, Чикаго), Миёси Тадаёси (Мемориальный музей искусств Коисо, Кобэ), Марсия Ёнэмото (университет Колорадо в Боулдере). Под стать им были и ведущие заседаний – знаток и переводчик японской литературы Ричард Бауринг (университет Кембридж), историк Петер Корницки (университет Кембридж) и историк искусства Тимон Скрич (СОАС). С докладами выступили и два талантливых молодых исследователя Элке Папелницки (университет Зальцбурга) и Радун Лека (институт Сэйнсбери).

Открывал симпозиум сэр Хью Кортацци, профессиональный дипломат, посол Великобритании в Японии (1980–1984 г.): он рассказал, что уже в свою первую командировку (1951-1954 г.) увлекся старинными японскими картами и начал собирать коллекцию. Сэр Хью несколько раз подчеркнул, что он не ученый, не специалист, а лишь коллекционер. Однако его вступительное слово фактически было докладом, впрочем, как и известная всем японоведам книга «Острова золота: старинные карты Японии» представляют его даже не просто специалистом, но тонким знатоком. В докладе он отметил, что начиная с XVII в. географические карты не только рисовали на свитках, печатали в книгах и на отдельных гравюрах, но их репродуцировали на предметах декоративного искусства, таких, как ширмы, *нэцке* (подвесной брелок в виде миниатюрной скульптуры), инро (коробочки для хранения мелочей, которые подвешивали к поясу), *цуба* (гарда меча), керамика.

Он подчеркнул, что на небольших по размеру декоративных предметах изображали преимущественно карту Японии по типу Гёки, в то время как на ширмах распространение получили не только карты страны, но и карты мира европейского типа. Хью Кортацци остановился на ширме работы Кано Эйтоку, которая хранится в храме Дзётоку-дзи. Далее он немного сказал о картах Японии и картах мира, сделанных японскими мастерами, а также о картах городов Осака и Эдо Арнольда Монтануса (1625–1683). Особое внимание докладчик уделил картографированию острова Хоккайдо, а также созданию в 1775 г. первой карты Японии с градусной сеткой известным мастером Нагакубо Сэкисуи (1717–1801).

Тема первого заседания – «Взаимодействие различных типов пространственного мышления на японских картах». Макс Моэрман посвятил свой доклад исследованию буддийских карт мира начала Нового времени, так называемых *буккё сэкай дзу* (仏教世界図). В качестве истоков происхождения японских буддийских карт мира исследователь назвал китайские буддийские карты, средневековые европейские карты *mapra mundi* и подробнейшим образом разобрал ориентацию карт, перечислил изображенные на них страны разных континентов, включая Европу и Америку. Докладчик также тщательно рассмотрел

карту Хотана¹ (1710). Ученый отметил, что с расширением представлений об окружающем мире менялось и его изображение на географических картах. Показывая процесс изменений в списке изображаемых стран, очертаний континентов, Моэрман подчеркнул, что к концу XVIII – началу XIX в. в изображении мира просматриваются три типа картографического мышления: буддийское, китайское и японское, выразившееся в изображении Японских островов по типу карт Гёки, а Европы в форме архипелага. Особое внимание исследователь уделил изображению воздушного корабля на одной из японских буддийских карт (XIX в.).

Тема доклада Анджело Катанео (университет Лиссабона) – «Расположение Японии на картах периода Нанбан²». Он отметил, что художественное значение карт в японской традиции возрастает с появлением европейцев на Островах, с учреждением семинарии и знакомством японцев с особенностями западных живописных техник. Докладчик рассмотрел деятельность художников в составе христианской миссии Валиньяно, в частности, Джованни Никколо (Giovanni Niccolo). Особое внимание Катанео уделил исследованию философского аспекта взаимовлияния европейских и автохтонных пространственных представлений на примере диспута иезуитов и буддийских монахов 1583 г. Он также подчеркнул, что, изучая связи Европы и Японии в рассматриваемый период, важно учитывать, что обмен сведениями был не непосредственным, а опосредованным, в котором своего рода культурными транзитными пунктами являлись Макао, Батавия, Гоа.

Молодая исследовательница Элке Папелнице посвятила свой доклад «Карте десяти тысяч стран» 1671 г. (Банкоку содзу 万国総図). Исследовательница скрупулезно проанализировала экземпляр карты, хранящийся в Баварской государственной библиотеке, особо остановилась на проблеме авторства и типографической мастерской, где была напечатана карта. Папелнице разобрала изобразительный код карты, подчеркнув, что изображение кораблей на карте 1671 г. отличается от изображений на других картах этого времени. Она остановилась на имеющихся на карте описаниях некоторых народов, уделив особое внимание изображению бразильцев, которые представлены как каннибалы.

Ричард Браунинг, ведущий заседание, задал первую тему для обсуждения в дискуссии, завершившей первый день: в Японии встречаются общие обозначения для всех видов изображения пространства *дзу* – *эдзу* – *дзуэ* (図, 絵図, 図絵), в европейской же традиции (англо-американской) существует более детальное деление: *plan*, *map*, *chart*, *diagram*. Симонова-Гудзенко Е.К. напомнила определение географической карты, сформулированное известными специалистами в истории картографии Харли и Вудвортом [3], сохраняющее актуальность и сегодня: «Карты – это графические изображения, способствующие пространственному представлению вещей, концепций, условий, процессов и событий в мире человека». О многозначности понятия *дзу* и о примечательной книге Франчески Брей, Веры Дорофеевой-Лихтман и Жоржа Металье (нехорошо так хвалить только одно, сразу чувствуется личный touch), посвященной анализу различных аспектов этого сложного понятия, сказал Макс Моэрман [4]. Ричард Пегг подвел черту довольно бурному

¹ Дзуда Рокаси, буд. имя Хотан (1654–1728).

² Период Нанбан в истории Японии (1543 г. – 30-е годы XVII в.) – с появления европейцев (купцов и миссионеров) до издания сёгуном Токугава Иэмицу указов, знаменующих введение внешней политики самоизоляции страны (*сакоку*).

обсуждению, подчеркнув, что различия мышления и структуры европейских и китайского языков лежат в основе различных дефиниций близких по значению терминов. Еще одним вопросом, на который искали ответ участники дискуссии, был вопрос – почему, собственно, люди рисовали карты. Пожалуй, одно из самых интересных, хоть и парадоксальных объяснений предложил Макс Моэрман, указав, что все карты, а особенно карты мира, изображают то, что не видно, неизвестно, и что в первую очередь интересовало человека во все времена.

Во второй день симпозиума состоялось два заседания, утреннее вел известный историк Петер Корницки. На нем выступил Уэсуги Кадзухиро с докладом «Стратегия мастеров карт – историческая география на картах Киото нового времени». Его доклад был посвящен анализу карты Киото из коллекции Хью Кортацци, исследователь сосредоточил внимание на издателе и продавце карты. Он выделил три этапа в истории изучения японских карт в национальной науке: 1970–1980 гг., международные дискуссии; 1980–2000 гг., изучение способов, методов создания карт; первые десятилетия 2000-х годов, исследование географической информации на картах. Уэсуги подчеркнул, что сейчас начинается четвертый этап, но пока трудно определить, в чем он будет заключаться. Особое внимание докладчик уделил художникам и издателям карт, отметив, что первые типографии, печатавшие карты, были сосредоточены в Киото в XVII–XVIII вв., а затем и в Осака в XVIII–XIX вв. Он назвал таких издателей, как Хаяси Ёсинага (XVII–XVIII вв.), Харимая Кюбэ (XVIII–XIX вв.), Такэхара Кобэй (XIX в.). Он также отметил, что в то время популярностью среди жителей больших городов пользовались путеводители, которые, однако, не включали карты. Их можно было купить в виде комплекта с путеводителем или отдельно. Исследователь особо подчеркнул, что печатник должен был получать разрешение на производство каждого вида продукции. Например, Такэхара печатал карты, различные путеводители как по торговым кварталам (*каймоно аннай*), так и другие, но не имел и не мог получить разрешение на издание *мэйсё-дзуэ* (списки достопримечательностей).

Раду Лека в докладе «Карта Кюсю на керамическом блюде XIX века» исследовал декоративное изображение из коллекции Кортацци. Он подробно рассмотрел историографию проблемы изображения географических карт в декоративном искусстве Японии. Лека отметил, что исследователи данного типа изображений чаще обращают внимание на карты архипелага, однако на предметах декоративного искусства встречаются и изображения отдельных островов, как например, на рассматриваемом блюде. В докладе Лека обратил внимание, что прототипом формы южного острова на блюде явились карты Исикава Рюсэн (1661–1720), а в изображении корабля чувствуется влияние европейских карт.

Последним на утреннем заседании был Ричард Пегг с докладом «Картографирование Эдо в середине XIX века». Будучи хранителем картографического раздела коллекции МакЛин, Пегг рассказал о составе коллекции, подчеркнув, что коллекция не является чем-то застывшим, а постоянно пополняется. Перейдя к теме доклада, он отметил, что издание серий гравюр было широко распространено в Японии в XVIII–XIX вв. Данная традиция нашла выражение и в издании карт. Так появились «Эдо кири эдзу» (XIX в.), «Мэйсё Эдо хяккэй» (XIX в.). Все серии изображений Эдо, включая и знаменитые пейзажи Хиросигэ, начинаются с карты или пейзажа Нихонбаси.

Интересное дополнение к докладу Пегга сделала Марсия Ёнэмото. Она сказала, что если на гравюрах Хиросигэ можно обнаружить множество изображений простых жителей Эдо, разносчиков еды и воды, торговцев, рыбаков, горожанок и пр., то в карты включалась, главным образом, информация о власти имущих, размер дохода даймё, замок и т.д. Ёнэмото подчеркнула, что Хиросигэ был интересен простой люд на улицах города.

В дискуссии, развернувшейся после заседания, Уэсуги Кадзухиро, большой знаток мастерских по изготовлению и изданию карт, а также торговцев картами в эпоху Токугава, отвечал на многочисленные вопросы, давал консультации в чтении подписей-печатей художников-печатников-торговцев, помогал в атрибуции карт.

Ведущим вечернего заседания был Тимон Скрич.

Первым был доклад Миёси Тадаёси «Заморские приключения карты Японии Рюсэна». Миёси-сэнсэй начал свой доклад с воспоминаний. Начало его работы в 1982 г. совпало с даром Нанба Мацутаро (1894–1995) коллекции старинных японских карт муниципальному музею изобразительных искусств города Кобэ, хранителем которой Миёси был более 30 лет. Картографическая коллекция музея Кобэ и сегодня считается самой обширной в Японии. Книга Хью Кортацци включила многие карты коллекции. Докладчик особо подчеркнул, что передача коллекции в музей не только сделала старинные японские карты доступными для просмотра любителей и исследователей, но знаменовала новый этап в их изучении. Его символом стал новый взгляд на карты Исикава Рюсэна. Миёси-сэнсэй подробно рассказал о картах Исикава, их информативности, изобразительности, красочности и популярности. Говоря об особой информативности карт мастера, исследователь отметил, что они являлись своего рода справочниками «Кто есть кто» в высшем военном сословии, включали имена даймё, месторасположение и размеры владений. Именно эта особенность карт была наиболее привлекательной для современников, более чем топографическая точность. По мнению докладчика, широкое распространение карт в Японии способствовало появлению своего рода пиратских копий в Европе, например, карта Японии Реланда (1715). Завершая выступление, исследователь остановился на сходстве и различии карт Исикава и Реланда.

Марсия Ёнэмото, известный специалист по истории пространственных представлений японцев эпохи Эдо, изображений на географических картах и в художественной литературе о путешествиях, сделала доклад «Одна страна или много? Номенклатура на японских картах эпохи Токугава». Она подчеркнула, что период 1660–1830 гг. был временем наивысшего развития картографии в Японии. В это время ученые вспоминали и монгольские нашествия. Исследовательница отметила, что в начале периода Токугава бакуфу убрало с официальных карт границы владений даймё, заменив их провинциями, уездами, как на картах Гёки. Однако в «популярной», коммерческой картографии информация о даймё и расположении их владений «вернулась» на карты, ярким свидетельством чего является творчество Исикава Рюсэна. Ёнэмото рассказала о различиях в изображении Японского архипелага на картах Исикава Рюсэна и Нагакубо Сэкусуй.

Уэсуги прокомментировал выступление Ёнэмото, отметив, что первой картой территории государства была карта Ино Тадатака, т.е. это была первая *Нихон-дзу* (日本図), а не *коку-дзу* (国図).

Дискуссия после заседания была краткой, пожалуй, особый интерес представляла карта, показанная Ёной Сидерер (Иерусалимский университет) [5]. Как отметила исследовательница, карта хранится в коллекции Национальной библиотеки Израиля и датируется примерно 1700 г., находится в разделе карт Японии, хотя и называется картой Китая. Особое внимание привлек рисунок справа, изображающий распятие, видимо, указывающий на преследования христиан в Японии. Исследовательница обратилась с просьбой помочь с определением автора карты, ее происхождения и более точной датировки.

В последний день заседание проходило в Британской библиотеке, где участникам симпозиума была представлена экспозиция нескольких карт из коллекции библиотеки. Сотрудники подобрали в основном карты соответственно темам докладов. Можно было увидеть и карту Киото, и буддийскую карту мира, карты районов Эдо и еще несколько интересных карт. Осмотр экспозиции сопровождался обсуждением, комментариями и ответами на вопросы.

Список литературы

1. Isles of Gold Revisited: New approaches to the study of early modern maps. 28–30 June 2016 Sainsbury Institute. URL: <http://sainsbury-institute.org>
2. Cortazzi Hugh. Isles of Gold: Antique Maps of Japan. New-York-Tokyo: Weatherhill, 1983.
3. Harley J. B., Woodward D. Preface, History of Cartography. Chicago: Chicago University Press, 1987. Vol. 1. P. 1–42.
4. Graphics and Text in the Production of Technical Knowledge in China. *The Warp and the Weft* Edited by Francesca Bray, Vera Dorofeeva-Lichtmann, Georges Métaillé. Leiden: Brill, 2007.
5. Map: China 1700. URL: http://rosetta.nli.org.il/delivery/DeliveryManagerServlet?dps_pid=IE25569934 (дата обращения: 30.08.2016).

Поступила в редакцию 30.08.2016

Автор:

Симонова-Гудзенко Екатерина Кирилловна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и культуры Японии, ИСАА МГУ. E-mail: eksimonova@mail.ru

The Symposium “Isles of Gold revisited: New Approaches to Study Early Modern Maps”

E.K. Simonova-Gudzenko

The symposium “Isles of Gold revisited: New Approaches to Study Early Modern Maps” was held 28-30 June 2016 in Sainsbury Institute for Studying Japanese Art and Cultures (Norwich). Several libraries and art collections transferred as a gift have provided the basis of the research Institute of Japanese art. These are a library and collections of ceramics, ancient maps of Sir and Lady Hugh Cortazzi; library of the famous researcher of Japanese religions and folklore Carmen Blacker; libraries of well-known Japanese art specialists Yanagisawa Taka and Matsushita Takaaki, etc. The aim of the symposium according to the organizers idea was “to re-evaluate the legacy of Sir Hugh and Lady Cortazzi’s Collection of Japanese maps for research on cartographic history”. Cortazzi’s collection featured in presentations was available for consultation and inspection. The symposium brought together researchers, curators and librarians, on the whole 10 presenters, 3 chairs and 18 discussants-attendees from different countries, universities. Papers presented covered the main problems of the history of Japanese cartography: the conflation of world views on Japanese maps (Max Moerman, Angelo Cattaneo, Elke Pepelitzki); regional and urban cartography (Uesugi Kazuhiro, Radu Leca, Richard Pegg); variety of images of Japan (Miyoshi Tadayoshi, Marcia Yonemoto).

On the last day the meeting was held at the British library, where several Japanese maps from the library’s collection were specially displayed for symposium members. Among them were a map of Kyoto, the Buddhist map of the world, maps of Edo and other interesting maps, most matching paper’s topics. The exposition was followed by discussion, comments and answers to questions.

Author:

Simonova-Gudzenko Ekaterina K., Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of Japanese History and Culture, Institute of Asian and African Studies, Moscow State University. E-mail: eksimonova@mail.ru

Научное издание

Японские исследования
№3, 2016

Редактор русских текстов: Е.В. Белилина
Редактор английских текстов: Л.В. Овчинникова
Компьютерная верстка: Т.И. Суркова
Сайт: О.И. Казаков
Дата публикации: 07.10.2016

Контакты:

- Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИДВ РАН
- E-mail: japanjournal@mail.ru
- Тел.: (499) 124 08 02

Уважаемые читатели!

Электронные версии книг, издаваемых ИДВ РАН и Ассоциацией японоведов, размещаются в электронных библиотеках со свободным доступом, находящихся на сайтах данных организаций:

www.ifes-ras.ru
www.japanstudies.ru

www.ifes-ras.ru/js

日本研究